

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ПАУТИНА

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

К Яне Милославской, детективу-экстрасенсу обращается клиент, у которого пропала пожилая мать. Но особые карты, к которым привыкла прибегать Яна при ответе на такие вопросы, не «видят» пропавшую ни среди живых, ни среди мертвых...

- [Анастасия Валеева](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
-

Анастасия Валеева

ПАУТИНА

ГЛАВА 1

— Сколько лет, сколько зим!.. — улыбаясь, вполголоса протянула Милославская.

— Что-то не очень убедительно, — поглаживая ус и перешагивая порог, ответил Руденко. — Не рада что ли?

— Нет, почему же...

— Погоди, погоди, — Семен Семеныч слегка наклонил голову и, прищурившись, пристально посмотрел на Яну, — Выглядишь ты, надо сказать, неважно. Не заболела?

— Да нет, недомогание просто, — Милославская отвела взгляд.

— Опять гадала? — насмешливо спросил Руденко и повесил фуражку на крючок, прибитый к стене в прихожей Яниного дома.

Милославская ничего не ответила и поспешила перевести разговор на другую тему.

— Кофе хочешь? — позевывая, произнесла она и протянула Семену Семенычу расческу: на его макушке забавно торчал слипшийся от пота хохолок.

Руденко пятерней «навел порядок» на голове и, не дожидаясь приглашения, прошел на кухню. Переступив ее порог, он сразу же стал шевелить ноздрями.

— Чем это так у тебя? — спросил он и нахально заглянул в микроволновку. — О-о-о... Опять полуфабрикаты? Когда-нибудь они доведут тебя до ручки! Ну что, угощай.

— А до ручки дойти не боишься? — улыбнувшись, произнесла.

Яна и, всунув руку в толстую вышитую рукавицу, вытащила из печи маленький круглый противень, на котором дымилась пицца. — Хотела кофе отделаться, но от тебя разве можно утаить что-то съестное, — шутливо проговорила она.

— А я и от кофе не откажусь... — брызгая у раковины иссиня-черной пеной, облаком окутавшей широкие, с короткими пальцами кисти рук, ответил Семен Семеныч.

— Вот так и зарабатываем мы трудовые мозоли, — вздохнув, протянула Милославская, легонько похлопав Руденко по изрядно выпирающему животу, на котором едва сходилась рубашка.

Хозяйка достала серебряную джезву, которую она не променяла бы ни на одну самую лучшую кофеварку в мире, и принялась за приготовление

кофе, в то время как ее гость краешками пальцев отламывал от пиццы небольшие кусочки и виртуозными движениями отправлял их в рот.

Руденко был давним приятелем Яны Милославской, поэтому такое панибратское поведение ее не удивляло и не обижало. Семен Семеныч был несколько небрежен в манерах, но Яна всегда знала, что в душе он большой добряк и в некотором роде простофиля.

Семена Семеныча в дружеском кругу гораздо чаще называли Три Семерки. Это прозвище прилипло к нему давным-давно, тогда, когда он стал слишком очевидно для других из прочих спиртных напитков предпочитать портвейн с одноименным названием. Руденко не был пьяницей, но любил поднять себе настроение или расслабиться в конце рабочего дня, употребив рюмочку-другую из заветной бутылки.

Три Семерки был мужчиной средних лет, однако звание капитана милиции он получил не так давно, чрезвычайно обрадовавшись избавлению от чина старлея. Руденко не был равнодушен к своей работе; наоборот, он дни и ночи пропадал в отделе, выполняя каждое приказание с особым рвением и добросовестностью. Однако с карьерным ростом ему никак не везло, и если вдруг начинало наклеиваться повышение, он обязательно вляпывался во что-то, после чего ему не только не светило поощрение, но и очередной премии приходилось помахать ручкой.

Милославская была одинока, а Руденко — женат, но это не мешало их общению, поскольку никакой любви между этими мужчиной и женщиной не существовало. Между Яной и Три Семерки была особого рода дружба, дружба, основанная, в основном, на взаимовыгодном интересе. Замешена она была на работе.

Работая в органах, Семен Семеныч мог оказать посреднические услуги в составлении фоторобота, проведении экспертизы, мог добыть определенного рода информацию и прочее. А Яна Борисовна по роду своей деятельности во всем этом часто очень остро нуждалась.

Милославская оказывала услуги не частного детектива, не телохранителя. Она была профессиональной гадалкой, гадалкой необыкновенной и даже редкостной. Количество удачно доведенных ею до конца дел делало ей честь. Семен Семеныч очень уважал Милославскую, хотя весьма скептически относился к Яниному методу расследования — гаданию на картах.

Деятельность Милославской была далека от ответа на вопрос, любит — не любит. Яна Борисовна раскрывала преступления, помогала отыскивать пропавших людей, бралась за расследования, заниматься которыми у милиции не было либо сил, либо желания. Отчаявшиеся люди

шли к ней.

Яна редко проводила бесплатные сеансы. Не потому, что она была противницей благотворительности: гадание на картах отнимало у женщины слишком много сил, лишало ее жизненной энергии. В день больше двух карт из колоды экстрасенс использовать не могла. Только загадочный Джокер составлял исключение — его Милославская могла применить третьим, но он практически никогда не давал четкой информации.

После сеанса Яна Борисовна жутко уставала, поэтому она не могла совмещать какую-либо официальную работу с гаданием. Поразмышляв о пользе того и другого для человечества, она однозначно остановилась на последнем. Оно и стало единственным источником ее средств.

Размер гонорара зависел от конкретной ситуации. В определенных ситуациях он был чисто символическим, но гораздо чаще обеспечивал Милославской безбедное существование где-то в течение месяца.

Милославская гадала на картах, но они были далеки от обыкновенных. По таинственному зову Яна изготовила их сама. Взяла картон, вырезала прямоугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Гадалка не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой под ее рукой появились причудливые изображения. Так же спонтанно возникли в воображении гадалки и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда появлялась необходимость, Яна ложила ладонь на карту, и через некоторое время ее посещало видение. Сеансы не всегда оказывались удачными: возникшие картины могли не быть отчетливыми и далеко не всегда их значение было понятно сразу. Часто приходилось подключать умственные способности, логику. Не сказать, чтобы Милославская в этом плане была особо одарена, но в комплексе с интеллектуальными данными ее таинственный дар являл собой нечто фантастическое по своим возможностям.

Это прекрасно понимал, хотя всегда и старался иронично высказаться о Янином занятии, и Семен Семеныч. Он очень гордился званием капитана, а в глубине души знал, что во многом обязан им Милославской. Гадалка на самом деле сыграла немаловажную роль в карьерном росте приятеля. Часто случалось, что сотрудничество гадалки и ее товарища-милиционера оказывалось взаимовыгодным, поскольку не могло не сказаться положительно на количестве раскрытых преступлений. В результате совместной работы Яна оставалась при честно заработанных деньгах и при благодарности, а Три Семерки — при поощрении.

При этом мысль об извлечении какой-то коварной корысти из

отношений друг с другом приятелей не только не преследовала, но и вообще не возникала. Их отношения строились легко и непринужденно.

— Э-э-э! — прикрикнула Яна на Руденко, — Это что за безобразие?!

— А я че? Я ниче, — подражая глуповатому высказыванию из кинофильма, пробормотал Семен Семеныч, облизывая засаленные кончики пальцев. Он успел уговорить третью часть пиццы, и лицо его изображало выражение сытости и довольства.

Милославская разлила кофе по чашкам и тоже присела к столу. Пристальный взгляд сзади заставил ее обернуться — из угла тоскливо смотрела Джемма.

Эту чистопородную среднеазиатскую овчарку Яне некогда привезли из Туркмении. Теперь хозяйка и питомица души друг в друге не чаяли. Джемма была прекрасной защитницей. Огромный рост и недюжинная сила позволяли ей легко справляться со взрослым человеком. Часто ей приходилось демонстрировать это: Милославская нередко брала собаку с собой «на дело», где та порой помогала хозяйке избежать неминуемой гибели или способствовала задержанию преступника.

— Сейчас, — вздохнув с пониманием, произнесла Яна и через несколько минут собачья миска доверху наполнилась кормом.

— Что-то облезлая она какая-то стала, — чавкая, прошамкал Три Семерки, — Линяет что ли?

— Грубый ты какой, Сема! Облезлая... Это мы после боя такие.

— Какого еще боя?

— Да пришлось сцепиться кое с кем, — уклончиво ответила гадалка.

— Ну-ка, ну-ка... — настойчиво протянул Руденко, и Яне пришлось рассказать ему о последнем расследовании, которое было коротким, но бурным и в котором она обошлась без участия товарища.

— Не одним, значит, нам пришлось в эти дни почувствовать, что значит собачья жизнь, — дослушав подругу, со вздохом произнес Семен Семеныч.

— Кому это нам? — удивленно произнесла гадалка.

— Нам, и мне в том числе...

— Неприятности на работе?

— Они самые.

— В чем дело?

— Да мошенники слишком ловкие деятельность свою в городе развернули. А к ногтю прижать их никак не удастся. Уходят прямо из рук и все!

— И что?

— Что, что?! Они живут припеваючи, а нам от начальства по шапке!

— И по премии, небось, тоже? — осторожно спросила Милославская.

— А то как же еще, — грустно ответил Семен Семеныч. — Я у тебя-то проездом.

— Вот как?

— Угу. Напарник мой до хаты одной неподалеку тут пошел. Проверить. По нашим данным, нечистая она. Договорились, что я тут его подожду, чтоб подозрений никаких не вызвать. В гражданке он, а я — вот он весь, перед тобой, — Руденко горделиво погладил свои погоны. — Мы последнюю неделю в мыле все. Я почти забыл, как Маргарита моя выглядит.

Маргарита Ивановна, жена Семена Семеныча, была по натуре очень мягкая и добросердечная. Она умела обогреть мужа теплыми словами, заботой. Не лезла с нравоученьями, когда видела, что он и без того не в духе, не ворчала, если супруг принимал рюмочку после рабочего дня. Кроме того она была отменным поваром и постоянно баловала Семена Семеныча не только своими фирменными блюдами, но и кулинарными новшествами. В общем, Руденко в этом плане любой мог позавидовать, поэтому он сейчас, как и всегда, упомянул о жене с особо теплой интонацией.

— Неужели они никогда не закончатся? — задумчиво протянула Милославская.

— Кто?

— Преступления.

— Хм, — ухмыльнулся в ответ Три Семерки.

Яна только что закончила очередное дело, а теперь вдруг подумала о том, что этот конец означает только одно — начало. Она знала, что не сегодня-завтра в ее дверь постучит очередной клиент, и ей придется снова приступить к работе.

— Отпуск что ли взять? — пробормотала она.

— Хм, тебе ли об этом горевать? Ты сама себе хозяйка, — ответил Семен Семеныч. — Конечно, возьми. Отдохни немного.

Я же говорю, ты выглядишь неважно. В бассейн походи, в сауну... Любовника, в конце концов, заведи...

— Сема! Я тебя умоляю!

Гадалка не любила говорить об этом. Несколько лет назад семья Милославских, Яна, ее муж и сын, попала в серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама женщина. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Яна долго находилась

в коме, а придя в себя, была не рада спасению. Она глубоко переживала случившееся, видеть никого не хотелось, не хотелось жить, но изменить ничего уже было нельзя, а жизнь продолжалась.

Таинственный дар Милославская обнаружила у себя именно после клинической смерти, и с тех пор гадание ей заменяло все: семью, работу, широкий круг друзей... Она потеряла своих близких и стала жить, помогая чужим людям.

— О! — воскликнул Три Семерки, услышав звонок в дверь. — Это наверняка Бирюков, — Семен Семеныч сделал последний глоток кофе и засеменил в другую комнату, чтобы посмотреть в окно, — Так и есть! Недовольный какой-то. Зря, наверное, проходил, — Руденко вернулся в кухню, одним движением отправил в рот оставшийся кусок пиццы, затем торопливо зашагал в прихожую, где, натянув фуражку и всовывая ноги в башмаки со стоптанными задниками, сказал гадалке: — Послушай моего совета: человек без отдыха сдает.

Милославская в ответ только вздохнула. Она пошла вслед за приятелем, чтобы запереть за ним калитку: ближайший часок-другой гадалка планировала вздремнуть.

На улице Семена Семеныча на самом деле ждал напарник, но он был уже не один, что очень удивило Три Семерки. Руденко нахмурился, удивленно приподнял брови и, посвистывая, посмотрел на незнакомца. Тот о чем-то говорил с Бирюковым.

Они стояли возле машины Семена Семеныча, старенькой, выдавшей виды шестерки. Бросив беглый взгляд в сторону собеседников, гадалка сразу поняла: эти люди не знакомы, и толкнула локтем в бок сердитого Руденко.

Он, очевидно, сразу поняв ее намек, сбросил с себя никчемную спесь и прислушался к разговору. Отчетливо разобрала его и Милославская. Мужчина обращался к Бирюкову с вопросом о том, действительно ли в этом доме проживает экстрасенс-гадалка.

Яна Борисовна Милославская. Выражение лица руденковского напарника, услышавшего такую профессиональную характеристику Яны, описать трудно. Казалось, что он собирается, как говорится, взять ноги в руки и бежать сразу во все четыре стороны — растерян парень был невероятно.

— Ну, тут она живет, — деловито окликнул гостя Три.

Семерки, — Дальше что?

— Может быть, товарищ капитан, ты разрешишь мне поговорить с этим человеком? — иронично произнесла гадалка.

Семен Семеныч, нисколько не смутившись, посвистывая отошел в сторону и сделал вид, что осматривает колеса своего автомобиля. Милославская вопросительно посмотрела на того, кто о ней спрашивал.

Это был мужчина лет около сорока, высокий, широкоплечий, несколько сутуловатый. Очевидно, он косолапил при ходьбе — концы его ступней смотрели внутрь. Руки были несколько длинноваты и обращали на себя внимание крупным размером кистей. Он смотрел как-то исподлобья, хотя, возможно, такое ощущение создавалось из-за густых, сросшихся у переносицы бровей.

— Я вас слушаю, — спокойно произнесла гадалка, — Я Яна Борисовна Милославская.

Незнакомец поджал свои тонкие губы и с некоторым презрением посмотрел в сторону Руденко и его напарника. Милославская, словно прочитав его мысли, произнесла:

— Семен Семеныч, увидимся. До встречи.

Три Семерки недовольно обернулся, затем подошел к Яне вплотную и пробормотал ей на ухо:

— Не советую в дом каждого встречного-поперечного приглашать.

— У нас интимный разговор, — улыбнувшись, ответила ему гадалка.

Руденко стал хлопать глазами, совершенно не понимая подругу.

— Беседа тет-а-тет, — пояснила ему Милославская.

— А-а-а, — протянул Три Семерки, но по лицу его было видно, что он так ничего и не понял.

Семен Семеныч уселся за руль и, подождав, когда это сделает его напарник, тронулся с места, недоверчиво посматривая в сторону Яны и ее гостя.

— Я хотел бы обратиться к вам за помощью, — раскованнее заговорил незнакомец.

Милославская молчала. Она сразу подумала, что этот мужчина — очередной клиент, и размышляла о том, сразу отказать ему или ради приличия выслушать, зачем тот пришел. Состояние у нее было далеко не рабочее, и она нуждалась в хорошем отдыхе гораздо больше, чем в заработке.

— Вы удивлены? — несколько смущенно спросил гость.

— Нет, вы не первый в своем роде.

Сказав эти слова, Милославская сразу подумала, что он не первый не только в том смысле, что ищет ее помощи: было уже много случаев, когда она, будучи утомленной и обессиленной, все же бралась за дело и успешно доводила его до конца.

— Как вас называть? — спросила гадалка.

— Синявский. Виктор Николаевич. Можно просто Витя.

— Идемте в дом, Витя, — вздохнув, произнесла Милославская.

Виктор зашагал за ней, с любопытством оглядывая небольшой дворик ее дома, в котором она, будучи очень занятой в последние дни, давно не наводила порядок.

— Присаживайтесь, — сказала Яна, указывая гостю на диван, обтянутый темно-зеленым бархатом, и закурила.

Интерьер ее кабинета был несколько необычен и всегда делал обстановку разговора, происходящего в нем, загадочной и таинственной. Статуэтка египетской кошки, стоящая на тумбе, казалось, вот-вот оживет и протяжно замыкает, а голос ее эхом разнесется по всем комнатам. Необыкновенный ковер с катренами Нострадамуса заставлял задуматься о других мирах и неподвластных человеку материях.

С виду уверенный в себе, Синявский, присев на указанное место, сразу переменялся: он еще больше ссутулился, нахмурился и голову втянул в плечи.

— Расслабьтесь, — сказала гадалка, от которой не ускользнуло состояние клиента. — Курите? — она протянула Виктору свою пачку, вытряхнув из нее наполовину несколько сигарет.

Синявский взял одну из них и из заднего кармана новых, но с оттянутыми коленками джинсов достал металлическую зажигалку. Яна пододвинула ему пепельницу. Виктор прикурил и, сделав две коротких затяжки, сказал:

— Я приехал с Севера.

— Откуда? — удивленно перебила его Милославская: ее услуг до этого искали, в основном, местные жители или приезжие из области.

— Я работаю сейчас на Севере, — пояснил Синявский. — Здесь проездом. Направляюсь на юг, в Геленджик, в санаторий, подлечиться. Решил по пути мать навестить. Она в Ленинском районе живет. Не виделись мы уже несколько лет.

Виктор говорил, шмыгая носом, и слушать его было тяжело: постоянное шмыганье отвлекало.

— Я приехал, а дом пустует, — Синявский развел руками. — Решил переночевать — но и сегодня в течение дня мать не объявилась.

— Только и всего? — рассмеявшись, произнесла Милославская.

— Да вы что! — воскликнул ее гость. — Это все серьезно.

Моя мать — пенсионерка. Она почти все время проводит дома.

— Может быть, на этот раз ей захотелось куда-нибудь наведаться...

— Куда? — ухмыльнулся Виктор. — Родственников у нас здесь нет, друзей тоже: отец был военным, и родители сюда переехали из Питера через пять лет после того, как папа ушел в отставку. В этом городе климат мягче. В Питере сыро, отец там чувствовал себя неважно. За это время дружеских отношений старики ни с кем не завели. Отец, знаете, был человеком высокого ранга и к окружению привык соответствующему, поэтому ему трудно было здесь, в чужом ему городе, на склоне завести себе приятелей. Да и вообще, родители были нелюдимыми. А после смерти отца мать вообще...

Синявский говорил убедительно, и Яна стала его слушать несколько серьезней, чем поначалу.

— Ну, а соседи? — спросила она, сминая сигарету о дно пепельницы, — Соседи, может быть, знают что-то!

— Увы, — пессимистично покачав головой, ответил Виктор. — Они давно ее не видели. Хотя, может, это им так кажется. Говорю же: она мало общалась.

Милославская молчала, раздумывая.

— Я считаю, ее надо искать, — заключил Синявский.

Гадалка сидела и невольно вспоминала всех тех, кто вот так же горячо, как и Виктор, убеждал ее пуститься на поиски, а через несколько дней прибегал и говорил, что потеря отыскалась сама собой. Причем «потеря» в таких ситуациях не всегда желала, чтобы ее отыскивали. Так, одна ее клиентка сообщила, что муж уехал на заработки в Москву и пропал. Милиция отыскать его не сумела. Милославская нашла. Оказалось, что благоверный несчастной женщины уже несколько месяцев живет в гражданском браке, имеет от этого брака двух очаровательных сыновей-близнецов и возвращаться с «заработков» не желает. Клиентка за такую информацию спасибо гадалке говорить не стала.

— Я вам хорошо заплачу, — добавил Виктор после некоторого молчания.

— Хм, — ухмыльнулась Милославская. — Если бы дело было только в этом...

Яна несколько секунд ничего не говорила и смотрела в сторону.

— Почему вы не пошли в милицию? — спросила она, пристально глянув на Синявского.

— Я только что оттуда, — пожав плечами, ответил он.

— Вот как? — гадалка не стала скрывать своего удивления.

— Они, как и я, попытались вас успокоить?

— Нет, они избавили себя от такой любезности. Сказали, что труп в

течение нескольких дней может отыскаться сам.

— То есть как?..

— Если бабуся тихонечко померла на какой-нибудь скамеечке, говорят, то ее непременно кто-нибудь найдет и заявит в органы, — голос Виктора заметно дрогнул, — а если она жива, то, мол, нет смысла ее искать. Придет, когда захочет.

Взрослый человек, сама себе хозяйка.

— Логично, — не скрывая иронии, произнесла гадалка.

— Думаю, вы знаете, что сейчас молодых-то не особенно ищут даже по истечении трех суток со дня исчезновения, а на стариков и вовсе рукой махнули. Кому они сейчас нужны?

Милославская ничего не отвечала, не спеша соглашаться с риторическим вопросом Виктора. Тесно сотрудничая с Руденко, она прекрасно знала как о попустительстве милиции в разных вопросах, так и о ее очевидных заслугах.

— Я еще когда в очереди в ментовке сидел, услышал, как один мужик другому к вам обратиться советовал, — не зная, как уговорить Милославскую, произнес Синявский. — Сначала я не придал этому значения, а потом, когда меня отшили, как говорится, вышел, смотрю: они все разговаривают стоят.

Подошел, так и так, мол, говорю, мужики, колитесь, где ваша гадалка живет. Вот я у вас. Неужели и вы откажете?

— Я вам не отказываю.

— Значит, беретесь за дело? — обрадованно воскликнул Виктор.

— Давайте отложим этот разговор на более поздний срок, — встав, сказала Яна.

Она заходила по комнате и, не глядя на удивленного гостя, объяснила:

— Предлагаю подождать хотя бы неделю. А потом поговорим. За это время ваша мать может вернуться домой. Ведь вы не виделись несколько лет, по вашим словам.

— Ну да... — растерянно проговорил мужчина, а потом оживленно добавил: — Но до недавнего времени мы часто переписывались! Вернее, мать мне часто писала... Я не всегда находил время ответить...

— Когда вы в последний раз получили весточку?

Синявский задумался, а потом, опустив глаза, сказал:

— С полгода назад.

— Ведь за это время она могла с кем-нибудь подружиться.

Может, с женщиной каким сошлась...

— Да вы что?! Ей шестьдесят пять!

— Когда вам будет столько, вы поймете, что это бывает и в шестьдесят пять, и даже позднее.

— Ну нет! Ее идеал — отец! — разгоряченно вскрикнул.

Виктор.

— Ну что вы так разошлись? Я про мужчину для примера просто сказала. Давайте закончим на этом.

— Как это закончим?! — разведя руками и брызгая слюной, протянул Синявский. — Скажите хотя бы, жива она или нет!

Вы... вы ведь можете это как-то узнать? Можете? — гость неуверенно посмотрел на гадалку, — Что, если она на самом деле в каком-нибудь скверике сейчас лежит? Мертвая...

Одна... Никому не нужная... — голос Виктора снова дрогнул.

— Навели на вас тоску господ милиционеры! — проговорила.

Яна, резко вскинув головой.

В следующий миг она вышла из комнаты и через несколько секунд вернулась оттуда, держа в руках заветную колоду карт. Виктор смотрел на нее во все глаза, пытаясь представить, что за этим последует. Яна веером развернула стопку и вытащила карту «Царство живых».

«Царство живых» была очень «несговорчивой» картой в последнее время, зато когда она охотно шла на сотрудничество, Милославская получала ответ на вопрос, жив искомый человек на момент гадания или нет. На карте перед обрамленной двумя фонарями аркой стояла роковая девица, держащая в руках пламя, дым от которого одновременно напоминал извивающегося змея и уходящую вдаль тонкую ленту.

Яна присела на краешек кресла, положила карту на правое колено и накрыла ее ладонью. Виктор, который до того постоянно шмыгал и дышал, подобно сошедшему с дистанции спринтеру, совершенно затих. Казалось, даже сердце в нем на это время остановилось.

Через минуту-две Милославская стала чувствовать в кончиках пальцев легкое покалывание. Обычно это было хорошим признаком — вслед за ним, как правило, наступало ощущение тепла, а потом приходило и само видение. Сейчас Яна боялась надеяться на первые признаки наступающего откровения, как бы опасаясь спугнуть его. Гадалка не горела желанием начинать это дело, а потому допускала, что организм, которому она в этот миг приказывала сосредоточиться на одном, вполне мог ее послушаться.

Несмотря на опасения Милославской, покалывание через несколько минут все же стало перерастать в тепло. На этом этапе Яна уже была наполовину оторвана от действительности и погружалась в иной, никому, кроме нее, неизвестный мир. Мгновенья летели, и вскоре гадалку

полностью окутало мистическое облако.

Это облако стало кружить Яну, трясти ее, совершенно невесомую, из стороны в сторону, а затем понесло с огромной скоростью под какие-то смешанные хаотические звуки куда-то ввысь и несло до тех пор, пока на пути у него не возникла преграда — стена, а в ней пара больших ворот. Откуда-то из неизвестности к гадалке пришло осознание того, что одни ворота ведут в мир живых, а другие — к мертвым. Милославская неожиданно почувствовала в себе силы проникнуть за эту преграду, и она стала биться в мир живых. Но... он не пускал ее.

Яна приготовилась к самому страшному и, еще более сконцентрировав энергию, попыталась проникнуть туда, где не было никого и ничего живого. Однако... и эти ворота не открылись перед ней.

Растерявшийся виртуальный образ Милославской предпринял еще несколько попыток — все они оказались неудачными.

Словно упав во сне с большой высоты, гадалка вздрогнула и очнулась. Она открыла глаза: Виктор сидел перед ней в абсолютном оцепенении. Когда он увидел в Яне признаки жизни, то осторожно прошептал:

— Ну что? Что?

Милославская зашевелила губами и произнесла что-то невнятное. Виктор отер ладонью губы и придвинулся к ней ближе.

— Воды... — еле слышно протянула гадалка.

— Ага, сейчас, — выпалил Синявский.

Он в одно мгновение поднялся с дивана и выскочил в прихожую, но там сразу растерялся: гость совершенно забыл, что находится не дома. Яна еле заметным движением свешенной с ручки кресла руки указала ему в направлении кухни.

Вскоре Виктор стоял перед гадалкой, протягивая ей стакан воды. Вид у него был жалкий. Руки подрагивали, в глазах стояло отчаянье, на дне которого слегка поблескивала еще небольшая надежда.

— Мертва? — полусшепотом спросил он, когда Яна вернула ему опустошенный стакан.

Милославская продвинулась немного вглубь кресла и отрицательно покачала головой.

— Господи! Слава богу! — вскрикнул Виктор, вцепившись пальцами в короткие волосы на висках. — Так значит, жива!.. — клиент посмотрел на гадалку.

Яна вновь покачала головой.

— Что-о? Что такое? Ничего не понимаю! — Синявский плюхнулся на диван так, что пружины его жалобно скрипнули.

— Я сама ничего не понимаю... — хрипло произнесла Милославская.

— Как же так?!

— Карта повлекла меня за собой, но не дала никакого ответа, бросила на распустье и все.

— Разве такое бывает? Как это? Как это так?.. — растерянно бормотал Виктор.

— Не могу вам ничего сказать, — прошептала Яна, сочувственно качая головой.

— Но... я могу хотя бы надеяться?

— Безусловно, ведь карта не сказала ни хорошего, ни плохого. Возможно, ваша мать скоро вернется домой, может, уже вернулась...

— Господи-и-и! — отчаянно протянул Виктор.

— У нас один выход — ждать. Я вам сразу это советовала.

— Ждать! Если б вы знали... Если б вы могли только представить...

— Знаю и представляю, — сухо перебила клиента гадалка. Она собрала в себе остатки сил и поднялась, сказав: — Всего доброго, жду вас через неделю. Это мое последнее слово.

Понимая, что дальше оставаться у нее нет смысла, Виктор еще более помрачнел и направился к выходу. У калитки он кивком попрощался с Милославской и торопливой походкой стал спускаться вниз по тропинке, ведущей к шоссе.

ГЛАВА 2

«М-да, — размышляла Милославская, лежа в постели, — и куда же могла податься эта несчастная бабуся? Хотя... почему несчастная? Муж — бывший вояка высокого чина, значит жила она всегда безбедно. А раз ее ныне покойный супруг, царство ему небесное, был еще и идеалом мужчины, жизнь пропавшей была не только обеспеченной, но и вполне счастливой. Многие бы позавидовали такой доле.

Но старость?! Старость-то пришла неминуемо. А вместе с ней и одиночество. Да-а-а... Единственный сынок в течение полугода ни сном ни духом о мамаше. Как же! Ему некогда! Если б вы знали... — мысленно передразнила клиента Яна, — Пожалуй, волком завоешь в четырех-то стенах и променяешь свой идеал на какого-нибудь распаршивенького дедушку. Паршивенький, да свой. Все же есть с кем у окошка мух давить...»

Вывод, к которому таким образом неминуемо пришла Милославская, ей понравился. Дальше были еще смутные соображения в том же духе, но они уже не обладали четкостью и ясностью, потому что гадалкой постепенно овладевал сон.

Этот сон не заставил ее терзаться образами, навеянными только что минувшей беседой с клиентом. Милославская видела море, шторм, огромную цунами, накатывающую на нее. Яне было страшно, она пыталась кричать, но у нее ничего не получалось. На этом все прерывалось, а потом в сонном воображении возникали новые картины, тоже какие-то тревожные и безрадостные.

Проснулась гадалка с каким-то тяжелым чувством на сердце.

Она приняла душ, взбодрилась чашечкой кофе и, поджав под себя ноги, уселась перед телевизором, намереваясь поочередно нажимать кнопки пульта до тех пор, пока на экране не появится что-нибудь для нее интересное. Однако неожиданно раздался громкий стук калиточной щеколды. Джемма, мирно дремлющая у ног хозяйки, вскочила на лапы и подняла угрожающий лай.

— Кого это еще? — поднимаясь с кресла, произнесла гадалка.

Шлепая босыми ногами, она семенящим шагом подошла к окну и, отодвинув тюлевую занавеску, выглянула на улицу. У калитки, оперевшись одной рукой о ее косяк, а другую поставив в бок стоял... Синявский.

— Виктор?! — удивленно воскликнула Милославская.

Уж кого-кого, а его она увидеть никак не ожидала. Вид у гостя был взбудораженный, гораздо более взволнованный, чем во время прошлого визита.

— Что такое?.. — пробормотала Яна, направляясь к выходу.

По дороге к воротам она пыталась представить, что могло спустя всего несколько часов снова привести к ней этого клиента. Неужели обычная настырность? Этого бы Милославской очень не хотелось.

— Иду, иду, — протянула она, услышав повторный настойчивый стук щеколды.

Джемма надрывалась от лая, бросаясь на калитку.

— Фу! — прикрикнула на нее хозяйка, и та нехотя замолчала, продолжая энергично бить хвостом.

— Вы? — спокойно спросила Яна, представ перед гостем, — Сколько лет, сколько зим...

— Оставьте свои шуточки! — раздраженно произнес тот, намереваясь войти.

Но гадалке очень не хотелось пускать его в дом и снова выслушивать доводы, о которых она уже слышала. Яна приняла позу, очень прозрачно намекающую на то, что дальнейшие шаги Виктора для нее очень нежелательны.

— Послушайте! — заметив это, умоляюще пробормотал Виктор. — Это очень серьезно!

— Я понимаю, — перебила его Милославская.

— Нет, вы ничего не понимаете! — закричал он. — Мне телеграмма пришла! От матери!

— Так это же прекрасно... — удивленно и растерянно пробормотала Милославская.

— Ничего прекрасного! — ядовито процедил Синявский.

— Почему? — недоуменно произнесла Яна.

— Возвратившись от вас, я позвонил домой, на Север, — спокойнее заговорил Виктор, — Моя жена сказала, что сегодня получила телеграмму от мамы. Она сообщает, что все у нее хорошо, по-старому, по-прежнему то есть, что жива, здорова.

— Ну? — так ничего и не понимая, произнесла гадалка.

— А матери-то дома не-ет! Я у нее почитай что уже двое суток! На телеграме-то стоит ее домашний адрес! — мужчина нервно сотрясал перед гадалкой бумажкой, на которой он, как оказалось, записал от и до все, что значилось на телеграмме. Видимо, по телефону жена ему продиктовала. Гадалка машинально взяла ее у него и, повертев, сунула в свою сумочку.

Она, задумавшись, молчала.

— Прошу вас, — умоляюще произнес Виктор, — возьмитесь за это дело! Сердцем чувствую: тут что-то не чисто!

Яна и сама что-то в этот миг почувствовала, хотя рассказ Виктора ей и не показался убедительным. Она освободила проход во двор и жестом пригласила Синявского. Он направился в дом, на ходу пытаясь убедить Мирославскую в серьезности всего происходящего, еще раз пересказывая ей эпизод с телеграммой.

Гадалка провела Виктора на кухню. Они сели за стол друг против друга. Яна закурила.

— Что, что будем делать? — нетерпеливо спросил Синявский.

— Договоримся о цене и...

— И?

— Я должна осмотреть дом, — ответила Яна, пожав плечами.

— Да-да, конечно, — обрадованно согласился с ней клиент.

Они коротко оговорили размер, форму и сроки оплаты работы Мирославской, и Яна начала собираться. Через двадцать минут она появилась перед Виктором.

— Хорошо выглядите, — не сумев скрыть восхищенного взгляда, заметил он.

— Обычно, — парировала Яна.

Конечно, сменив домашнее одеяние на элегантный костюм и подчеркнув красоту косметикой, она преобразилась, хотя и не захотела признать этого.

— Идем? — спросила она застывшего на месте Виктора, перекидывая через плечо маленькую сумочку на длинном тонком ремешке.

— Угу, — буркнул он и неуклюже поплелся позади нее.

«Медведь», — почему-то заметила про себя Яна.

— Я возьму с собой собаку, — запирая дверь, заявила она.

Синявский покосился на явно не симпатичную ему Джемму, но возражать не стал. Мирославская, видя его недоверчивый взгляд, брошенный на овчарку, улыбнулась.

— Такси? — спросила она, когда впереди показалась дорога, движение на которой в этот час было особенно оживленным.

— Конечно, — неуверенно ответил Синявский, снова недоверчиво посмотрев на собаку. Однако он поспешил обогнать.

Яну, чтобы поскорее остановить машину.

— Плохо без своего транспорта, — произнес он, встав у обочины и вытянув вперед правую руку, — тем более, когда к нему привык.

— У вас хороший автомобиль? — из любопытства поинтересовалась Милославская.

— Очень, — горделиво протянул в ответ Синявский, — Я даже жене его не доверяю. Эх, как он теперь там без меня?!

В этот миг возле них притормозила серая «девятка», и ставшие единомышленниками поспешили усесться на заднее сиденье. Яна ловко юркнула вперед первой, потянув за поводок Джемму, вслед за ними грузно опустился в машину и Виктор. Задняя часть автомобиля в этот миг, казалось, заметно опустилась.

— Куда? — спросил водитель.

Синявский назвал адрес, и «девятка» тронулась.

Ехали довольно долго. Дом находился на противоположном конце города. Виктор всю дорогу выглядел мрачным. Добившись положительного ответа от гадалки, он не надоедал ей разговорами, зная, что надо не говорить, а действовать.

— Сколько ей? — спросил Яну водитель, восхищенно поглядывая на Джемму в зеркало.

Милославская ответила, внутренне радуясь такому отношению к своей любимице. Ей нечасто удавалось встретить таксистов, которые бы доброжелательно относились к перевозке собаки в их авто.

— Я тоже о такой мечтаю, — протянул мужчина, притормозив на светофоре, — да жена против. Аллергия у нее...

Яна промолчала и стала смотреть в окно. Она давно не была в этом районе, и ей интересно было наблюдать за так скоро изменяющимся городом. Кругом пестрели вывески новых супермаркетов, бутиков; обочины дороги украшали яркие рекламные щиты; в одном месте две новенькие десятиэтажки заменили квартал старых полуразрушенных домов. Район развивался, изменялся к лучшему, и это радовало.

Шумные улицы вскоре сменились более пустынными, а их пышность — некоторой убогостью. Начались кварталы, усеянные частными домами, домиками, домишками. Здесь были и великолепные особняки, двухэтажные, недавно отстроенные, смотрящие на мир амбициозно и тщеславно; были и скромные жилища, поросшие вокруг бурьяном, с покосившимися заборами и прохудившимися крышами.

— Во-он, вон туда, — вытянув вперед указательный палец, указал Виктор водителю.

— Может быть, тут выйдете? — спросил тот, — Тут дорога плохая очень...

Синявский посмотрел на Милославскую. Она пожала плечами, дав

понять, что ничего против не имеет, и через пару минут Яна и ее клиент уже стояли посреди неширокой улицы.

— Вперед? — спросил Виктор, тяжело вздохнув.

— Угу, — поджав губы, промычала гадалка и потянула за собой собаку.

— Вон, посмотрите, — сказал Синявский, указав на добротный кирпичный дом, обнесенный высоким, тоже кирпичным забором, заканчивающимся большим гаражом, в котором легко могли уместиться две машины.

— Неплохо, — удивленно заметила гадалка.

До этого в качестве жильцов таких строений ей приходилось видеть преимущественно новых русских или просто обеспеченных горожан. Что так могут жить пенсионеры, Милославская никак не предполагала.

— Отец сам его выбирал, — горделиво заметил Виктор, а потом с грустью добавил: — Но пожить в нем ему толком так и не удалось. Сердце...

Когда Синявский и Яна приблизились к калитке, массивной, деревянной, Виктор достал из своей кожаной барсетки ключи и, повернув одним из них в замочной скважине пару раз, распахнул ее перед Милославской.

Янинуму взору предстал просторный двор с несколькими кирпичными строениями, вероятнее всего, баней, летней кухней и двумя сараями. За домом находился сад, густо усаженный плодовыми деревьями.

— Отец любил проводить там время, — заметил Виктор, уловив взгляд гадалки.

— Идемте в дом? — спросила она, не желая тратить время понапрасну.

Синявский ступил на невысокое крыльцо и отпер металлическую дверь. Миновав просторную веранду, Яна и ее клиент очутились наконец в доме. Гадалка приказала собаке лечь в угол.

Джемма, явно недовольная таким распоряжением, тем не менее подчинилась.

Обставлен дом был великолепно. Дорогая мебель в сочетании с замечательно подобранными под нее аксессуарами смотрелась эффектно. Все это в представлении Милославской о пенсионерах выглядело очень непривычно. В доме не было и того специфического запаха, который обычно бывает в жилищах стариков.

— Недурно, — протянула она, — очень недурно...

— У мамы был отменный вкус, — пояснил Виктор.

— А у папы зарплата? — спросила Яна, постучав кончиками пальцев

по деревянному круглому столу, окруженному четырьмя стульями с высокими резными спинками.

— Да, зарабатывал он неплохо, — коротко ответил Синявский и поспешил перевести разговор на другую тему, предложив гадалке кофе.

— Как зовут вашу мать? — спросила гадалка, ничего ему не ответив и рассматривая портрет, висящий в простенке между окнами.

— Ольга Сергеевна, — ответил Виктор и, смахнув с портрета пыль, сказал: — Это она. Правда, десять лет назад.

С художественной фотографии на Милославскую смотрела обаятельная женщина, которой на вид вряд ли можно было дать более сорока пяти лет. Она немного склонила голову и подперла ее локтем, слегка поджав ухоженные тонкие пальцы.

Запечатленный фотографом взгляд играл лукаво и даже надменно, и во всем облике чувствовалась внутренняя сила и успешность, а слово старость никак не шло в сочетание с ним.

— После смерти отца она заметно сдала, — сказал Синявский, — да и болячки всякие стали ее одолевать. То давление, то спина, радикулит, или как его там. Она писать-то об этом не любила, но иногда все-таки проговаривалась.

— Ладно, — перебила Виктора гадалка, — хватит лясы точить. Давайте к делу. Я могу осматривать вещи Ольги Сергеевны?

— Д-да, — немного неуверенно ответил Синявский.

— Эта процедура может для вас оказаться не очень приятной, — предупредила гадалка.

— Ничего не поделаешь, — вздохнув в пониманием, ответил ей клиент.

Милославская принялась внимательно осматривать дом. Теперь она была гораздо больше похожа на обычного сыщика, нежели на мага-чудотворца, и именно это, наверное, Синявского очень удивляло. Он сел в кресло и пристально наблюдал за действиями гадалки, которая без этих процедур обойтись не могла. Во-первых, они ей помогали получить наиболее полную картину данных о человеке, а во-вторых, раскрытие преступления, если таковое имело место, всегда оказывалось возможным только при сочетании методов необычных и традиционных. Могла, например, выясниться какая-нибудь деталь, зацепившись за которую Яна и начинала действовать в одном каком-то направлении. Пока же она не имела представления о том, с чего же ей начать.

Первым делом Милославская принялась копошиться в вещах пропавшей, раздвинув двери шкафа-купе в комнате, являвшейся, по словам

Виктора, спальней его матери. Антресоли до отказа были забиты постельными принадлежностями, используемыми и новыми, на которых болтались еще картонные этикетки. Здесь гадалка не нашла ничего необычного. Две полки под антресолями вмещали в себя нижнее белье. Яна, скрепя сердце, осмотрела его наскоро и перешла к исследованию других отделов шкафа.

В платяном отделе висели платья, костюмы и здесь же верхняя одежда. Все это было качественным, преимущественно импортным, но вышедшим из моды. Начав пересматривать вещи, гадалка громко чихнула: по всей видимости, Ольга Сергеевна давно ими не пользовалась, и они впитали в себя приличное количество пыли.

— Некогда мама любила пощеголять новыми нарядами, — с ностальгией протянул Синявский.

— Кажется, в последнее время она изменила своей привычке, — сказала Милославская, утирая нос.

Виктор промолчал.

— Я могу осмотреть карманы? — спросила гадалка, вытянув конец кашемирового пальто.

Синявский одобрительно и одновременно удрученно покачал головой.

— И не только эти? — снова обратилась к нему Яна.

— Делайте, что посчитаете нужным, — пробормотал Виктор, махнув рукой.

Милославская торопливо осмотрела карманы всех вещей, но они оказались пустыми; только в одном из них с неких времен остались скомканные троллейбусные билеты.

В нижних выдвигающихся ящиках оказалась корреспонденция: старые письма, в том числе Синявского, открытки, телеграммы. Все это Ольга Сергеевна хранила очень бережно, аккуратно разложив по стопочкам. Яна тщательно просмотрела каждый листок, но, увы, не нашла ничего проливающего свет на исчезновение женщины.

В ближайший час гадалке пришлось перевернуть все в этой комнате. Она старалась делать это бережно, не допуская возникновения у Виктора мысли о неуважении к его матери. В один момент и он присоединился к Яне, но вскоре, поморщившись, вышел из комнаты: это занятие причинило ему душевную боль. Наверное, всплывали воспоминания, возникали черные мысли.

— Может быть, на самом деле, кофе? — прикуривая, обратилась к Синявскому Яна, выходя из спальни Ольги Сергеевны.

— Ничего? — с надеждой спросил ее клиент.

Милославская отрицательно покачала головой.

— Ну тогда давайте кофе, — меланхолично ответил Виктор и отошел от окна, в которое он печально и безотрывно смотрел последние полчаса. — Пройдите пока в библиотеку, — сказал он, указывая гадалке на соседнюю комнату, в которой, помимо высоченных, до самого потолка этажерок с книгами стояли два плетеных кресла, покрытых клетчатými пледами, и маленький между ними столик, заваленный старыми газетами.

— Ваша мать — поклонница русской классики? — спросила.

Яна, разглядывая многотомное собрание сочинений Пушкина в оригинальном переплете.

Именно произведений классиков отечественной литературы в этой библиотеке было больше всего.

— Да, — крикнул ей с кухни Виктор, — по-моему, она.

Лермонтова предпочитала всем остальным, а...

Синявский сказал еще что-то, но за шумом включенной им воды слов не стало слышно.

— А отец обожал политику? — позже спросила Милославская, начав перелистывать томик Маркса, привлечший ее ярко-красным переплетом с золочеными буквами.

— Да нет, — ответил Синявский, показавшись в дверях, — просто некогда он думал, что все это мне непременно пригодится, и обогащал библиотеку такой вот ерундой, — Виктор поставил на столик сахарницу и снова удалился, — А на что она сегодня? — крикнул он из кухни, — Только макулатура!

— Это кому как, — не согласилась Милославская, — некоторые до сих пор читают с упоением.

— Кто же?

— Коммунисты, наверное, — гадалка пожала плечами.

В этот момент она открыла книгу примерно посередине, потому что ей показалось, что в этом месте страницы несколько отстранены друг от друга. Между листами, несколько пожелтевшими, оказался сложенный вдвое белый лист. Яна развернула его из чистого любопытства, не ожидая найти в нем ничего особенного.

— С сахаром? — спросил Виктор, появившись в дверях с чашками кофе.

— Пожалуй, — рассеянно ответила Яна, начав уже читать первые строчки.

Пробежав первые из них глазами, она стала произносить все вслух, с самого начала. Синявский, услышав наименование документа, рассыпал

сахар мимо чашки и застыл на месте.

«РАСПИСКА,

— огласила гадалка,

— Я, СИНЯВСКАЯ ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА,
ПАСПОРТ ХШ-РУ, НОМЕР 612946,
ВЫДАННЫЙ 19.04.96 ГОДА ОВД ЗАВОДСКОГО РАЙОНА
Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, 20 МАРТА 2000 ГОДА
ВЗЯЛА В ДОЛГ 1000 \$ У МУХАЕВА ВЛАДИМИРА
АЛЕКСАНДРОВИЧА. ОБЯЗУЮСЬ ВЕРНУТЬ ДЕНЬГИ НЕ
ПОЗДНЕЕ ДЕКАБРЯ 2002 ГОДА С УСЛОВИЕМ НАЧИСЛЕНИЯ
33 % ГОДОВЫХ».

Расписка представляла собой копию, о чем свидетельствовала надпись в ее верхнем углу. Оригинал, судя по всему, находился у заимодавца.

Дочитав текст, Милославская непривычно для себя присвистнула. Виктор продолжал стоять в оцепенении. Судя по его виду, этот незамысловатый документ ни о чем ему не говорил, однако Яна решила все же убедиться в своем предположении.

— Вам знакома эта фамилия? — спросила она.

Клиент отрицательно покачал головой.

— Вы об этом знали?

— Нет, — еле слышно прошептал Синявский.

— Как вы думаете, долг уже возвращен?

— Вряд ли! С чего? Да и зачем тогда было ей хранить расписку?! Мать никогда не скапливала дома ненужные вещи. А! — Виктор вскрикнул, — Как же я сразу об этом не вспомнил! Да-да, это именно так!

— Что?

— Мать обычно хранила в книгах что-то особенно ценное. В свое время облигации, потом ваучеры... Еще бумажки какие-то... Несомненно, эта расписка до сих пор имеет силу!

— А долг, безусловно, за два года оброс солидными процентами... — задумчиво проговорила гадалка. — У Ольги Сергеевны была маленькая пенсия? — поинтересовалась она.

— А в нашей стране бывают большие? — присев на краешек кресла, тихо произнес Виктор.

— Она нуждалась? Нуждалась после смерти мужа?

— Теперь уже не знаю. В письмах говорила, что всего у нее хватает. Я ей раньше деньги посылал частенько, но она меня пристыдила однажды. Лучше два слова, мол, о себе напиши, чем эти подачки.

— И вы предпочли не делать ни того, ни другого? — усмехнувшись, предположила гадалка.

— Оставьте это! — раздраженно воскликнул Синявский, — Я и так прекрасно знаю, что виноват перед матерью! Только что толку сейчас от этого?

Между собеседниками на несколько секунд воцарилось молчание.

— А ведь может быть она недоедала... — огорченно протянул, почти простонал Виктор, закрыв лицо ладонями.

— Бросьте, — задумчиво подперев рукой голову, произнесла.

Яна, — чтобы прокормить себя, ей вряд ли было необходимо занимать тысячу долларов. Или она была настолько привередлива в еде? Не могла отойти от старых привычек?

— Нет, — с горечью ответил Синявский, — на красную икру и прочее мама никогда не претендовала.

— Итак, для чего же Ольге Сергеевне понадобилась эта сумма?

Виктор пожал плечами.

— Вот вам загадка номер один, — загибая палец, произнесла гадалка. — Может быть, вы все же знаете, кто такой этот Мухаев? Подумайте.

— Представления не имею, — Синявский развел руками.

— И ведь надо же! В расписке о нем практически ничего! Только имя, фамилия, отчество... Кто он? Где его искать? Это вторая загадка, — заключила Милославская.

Через некоторое время она с усмешкой добавила:

— А вы еще утверждаете, что Ольга Сергеевна ни с кем не общалась и вела затворнический образ жизни!

— А с чего вы взяли, что она с этим типом общалась?! Я думаю, это обычный ростовщик! Такие сотнями в объявлениях предлагают свои услуги.

— Несколько необычное для пожилой дамы знакомство...

— Что толку сейчас рассуждать об этом! Мать исчезла! Ее до сих пор нет! А у нас появилась зацепка! Или вы так не считаете?

— Нет, почему же, очень даже считаю. Более того, я подозреваю, что ваша мать пострадала именно от кредиторов. Долги, как водится, надо возвращать... Срок уже миновал. Хотя... Неужели этот Мухаев такой остопоп, что, намереваясь... убить похищенную, оставляет в ее доме

расписку со своим именем? Впрочем, и матерые преступники делали глупые просчеты. Или расписку не смогли найти?..

— Вы... — прошептал Синявский, — Вы думаете, они ее...

У... убили?

— Не исключено, хотя вряд ли, — холодно ответила гадалка, прикуривая очередную сигарету. — Гораздо вероятнее, — Яна, прищурившись, на мгновение задумалась, — гораздо вероятнее, что ее держат в заложницах.

— Как?!

— Это очень современно, — подойдя к окну и немного приоткрыв форточку, задумчиво проговорила Яна, — Может быть, кредиторы намереваются в ближайшее время потребовать с вас выкуп за мать и свои деньги, разумеется, тоже. Вы ведь платежеспособный человек? — Милославская смело взглянула на своего клиента.

— Не бедный, — мрачно проговорил он, осознавая сказанное гадалкой.

— Есть еще вариант, — Милославская стала ходить по комнате, — Ольгу Сергеевну держат в заключении на сухом пайке, намереваясь получить долг, полностью лишая ее пенсии. Хотя... Нет, это глупо! Первый вариант более жизненный.

— Это ростовщики отправили мне телеграмму?

Милославская пожала плечами.

— Хотели, наверное, напомнить о матери, — Синявский задумчиво потирал небритый подбородок, — а потом уже деньги начать требовать. Как вы считаете? — Виктор вопросительно посмотрел на гадалку.

— Я считаю, надо отыскать этого кредитора, и только тогда все прояснится. Наши предположения имеют мало значения, оставаясь только лишь предположениями. Их надо проверить!

Яна подняла чашку уже остывшего кофе и сделала большой глоток. Виктор неосознанно повторил за ней. Милославская в этот момент больше всего боялась того, что след окажется ложным, и они понапрасну потеряют время. Однако она не стала говорить об этой мысли Синявскому, ровно как и о том, что все еще до конца не исключала того, что Ольга Сергеевна цела и невредима и искать ее не стоит.

Делиться каждым соображением с клиентом не входило в правила гадалки. Синявский был взвинчен, гораздо более взволнован, чем она, и поэтому рассчитывать на его здравый смысл не приходилось. Более того, у Яны и у самой в голове был почти полный хаос. Она точно не была убеждена ни в чем, и только интуиция звала ее продолжать расследование и

как можно активнее. Мирославская привыкла доверять этому внутреннему зову, так как он практически никогда ее не подводил.

— Но как мы его найдем? — высоко подняв брови, спросил Виктор. — Где?

— Вы забываете, с кем имеете дело, — ухмыльнувшись, ответила ему Мирославская, — у меня друг работает в органах. Хотя сейчас я охвачена другой идеей, — гадалка вышла из библиотеки.

Синявский удивленно посмотрел ей вслед. Яна же через минуту вернулась со своей сумочкой, которую она оставила в прихожей. Улыбнувшись клиенту, гадалка достала свои карты, с которыми редко расставалась, и сказала:

— Думаю, они нам помогут скорее, чем милиция.

ГЛАВА 3

— Что? Что с вами? — тербил Милославскую Виктор, стоя перед ней на коленях с пузырьком нашатыря в руках. — Что вы там увидели?

Яна сидела, откинувшись на спинку кресла. Тело ее сотрясали рыдания. Своими эмоциями она не могла в этот момент управлять. После гадания все ее физические, психические, эмоциональные силы находились далеко не в том состоянии, когда она способна была проявить волю и холодный рассудок.

— Авария, — закрыв лицо ладонями, вздрагивая от плача, неразборчиво произнесла она.

— Что-о? — с некоторым возмущением произнес Синявский.

— Я видела аварию, — более спокойно сказала гадалка, вытирая слезы носовым платком, который ей протянул клиент.

— И что? — несмело произнес он, боясь услышать самое для него страшное, — Мама? — полушепотом просил он.

— Не знаю точно, — глубоко вздохнув каким-то прерывистым вздохом, который обычно бывает после рыданий, ответила Яна.

Увидев полные ужаса глаза Синявского, она поспешила добавить:

— Не думаю. Я ведь вопрос картам задавала о кредиторе.

— И это его?.. Его вам так жалко, что вы... — с ужасом проговорил Виктор, голос которого в этот момент даже как-то осип.

— Нет, что вы, — почти совсем успокоившись, ответила.

Милославская.

После этого ей пришлось рассказать историю гибели ее собственной семьи. Авария, оставившая в живых только саму гадалку, была удивительно похожа на произошедшую в видении. И именно это так потрясло Яну, особо чувствительную в момент общения с картами и еще некоторое время после него. Да, авария была похожей. Только автомобили столкнулись другие. И насчет последствий Милославская сейчас точно ничего не могла сказать. Она только видела резкий удар машин и тот небольшой эпизод, который ему предшествовал. Кто пострадавшие, и выжили ли они, ей выяснить в этом сеансе не удалось.

Однако ей было чем успокоить Виктора — гадалка довольно отчетливо увидела и теперь легко могла описать место происшествия, более того, она знала, что оно реально существует и где оно находится. Это была загородная трасса неподалеку от въезда в город. В те безвозвратно

ушедшие времена, когда жизнь семейства Милославких протекала мирно и счастливо, они каждые выходные, начиная с апреля месяца и по последние дни октября, проезжали мимо, следуя на свой дачный участок. Еще раз воссоздав в своем воображении картину из видения, гадалка определила и примерное время происшествия — пара часов до полного восхода или заката солнца. Точно она сказать не могла, но так как закат уже приближался, Яна знала, что она должна отправиться туда, не медля ни минуты.

Синявский, выслушав рассказ гадалки о гибели ее близких, был поражен, и Яна, чтобы поскорее уйти от неприятной и болезненной для нее темы, коротко поведала ему о содержании видения, а затем сухо заявила:

— Я должна отправиться туда сейчас же.

— Я с вами! — резко поднявшись с места, воскликнул тот.

— Нет и еще раз нет! — возразила гадалка.

— Почему?! — протянул Виктор, широко раскрыв глаза.

Милославская не стала говорить, что везде таскать за собой клиента не в ее правилах, так как обычно это только мешало расследованию. Она довольно спокойно произнесла:

— Вам лучше оставаться на месте. Ведь может появиться какая-то новая информация. Позвонит кто-нибудь, например.

Синявский шевелил губами, не зная, что сказать. Он понимал, что гадалка в своем возражении была права. Да и Яна вдруг осознала, что предложила нечто довольно разумное и логически оправданное.

— Конечно, — нахмурившись, нехотя ответил Виктор, — Только что я тут делать буду? С ума сходить? Это же уму непостижимо — сидеть в этом опустевшем доме и думать, думать, думать!

— Не обязательно просто сидеть, — покачав головой, произнесла Милославская. — Лучше продолжите поиски, — неожиданно для самой себя предложила она. — Мы ведь осмотрели только спальню и частично библиотеку? Думаю, можно отыскать еще что-нибудь немаловажное.

— Вы правы, конечно, — спокойно проговорил Синявский. — Эти два дня мне и в голову не приходило искать что-то. Первый день я ждал. Думал, ну, пошла куда-нибудь, вот-вот вернется. Ближе к ночи начал с ума сходить от беспокойства, а с утра уж по инстанциям пошел, в милицию, то есть. В результате оказался у вас.

— Ладно, — вздохнув, произнесла гадалка. — Не будем время терять.

Она собрала карты, тяжело поднялась с места и, немного пошатнувшись, накинув ремешок сумочки на плечо, побрела к выходу.

— Вы, — окликнул ее Виктор, — еще не совсем в норме!

— Ничего, — отмахнулась гадалка, — отойду по дороге.

В прихожей, у большого зеркала в красивой дорогой оправе, она поправила наскоро макияж, немного испорченный слезами, и стала обуваться. Клиент смотрел на нее по-отечески заботливо.

— Все будет хорошо, — произнесла Милославская, уловив его взгляд, и взяла Джемму, нетерпеливо уже бьющую хвостом, за поводок.

Синявский в ответ только вздохнул. Он проводил Яну до калитки — она была против, чтобы Виктор следовал за ней дальше. Гадалка знала, что скорее окончательно придет в себя, тихонечко бредя по тихой улочке. Ей хотелось помолчать некоторое время, глубоко вдыхая этот почти загородный воздух.

Клиент смотрел ей вслед, пока она не скрылась за ближайшим поворотом. Они договорились или созвониться, обменявшись телефонными номерами, или встретиться, как только что-то прояснится. Гадалке осталось только поймать такси и мчаться к знакомому уже месту.

Почти сразу, как только она подняла руку, возле нее притормозил старенький автомобиль. Глуховатый старик никак не мог понять, куда именно следует отвести эту женщину. Яна, отчаявшись найти у него понимание, протянула ему две сторублевых купюры и сказала:

— Поезжайте. Я скажу, когда остановиться.

Водитель глянул на деньги подозрительно, но довольно быстро заставил их исчезнуть в засаленном кожаном кошельке, который он запихал подальше в задний карман помятых брюк. Милославская периодически указывала ему дальнейшее направление. Другого разговора они не поддерживали. Старик громко кашлял, да так, что все в его груди, казалось, булькало и сотрясалось. Яне думалось, что в эти минуты он просто не мог управлять автомобилем, однако мужчина ловко лавировал между довольно солидных авто.

Через сорок минут они оказались на загородной трассе. Далее следовало ехать прямо, не сворачивая, о чем Милославская сообщила старику.

— Долго? — хрипло спросил он.

— Минут пятнадцать-двадцать, — коротко сказала гадалка.

Она взволнованно ожидала приближения к месту. В ее сознании всплывали печальные воспоминания, тоска щемила грудь, и сердце билось чаще. Кроме того, Яна уже искала на дороге признаки произошедшей аварии: ГАИ, образовавшиеся заторы. По ее подсчетам, катастрофа вот-вот должна была произойти. Однако вокруг все было спокойно.

Вскоре она увидела нужный поворот и попросила водителя

притормозить. Тот удивленно остановился. Милославская, не забыв о словах благодарности, вышла на улицу. Старик, наполовину высунувшись через окно, протяжно спросил:

— А вам, собственно, куда? В Синенькие что ли? Так я вас до места могу довести. Пешком тут далековато, километров восемь с лишком будет.

— Нет-нет, спасибо, мне сюда, — торопливо проговорила Милославская.

Старик сделал удивленную мину и, развернувшись, уехал. Гадалка оказалась одна посреди неширокой трассы, окруженной бесконечной серо-желтой степью, у горизонта зеленеющей. Большой огненный шар наполовину опустился уже за край земли, окрасив небо вокруг ослепляющим пурпуром. Тихий ветерок не давал уснуть пожухлой траве, шевеля ее опустошенные стебли. Отовсюду слышалось пощелкиванье, потрескиванье, посвист. Несмотря на кажущуюся пустоту, степь продолжала жить своей привычной жизнью.

Вот так и тогда — ничто не предвещало беды, все произошло неожиданно...

В уголках Яниных глаз блеснули слезы.

Она отошла к обочине, встала в десятке метров от того места, где, по ее подсчетам, должна была произойти авария и слегка облокотилась на полосатые перила, недавно поставленные у этого поворота. Джемма, энергично закрутившись у ее ног, жалобно заскулила.

— Гуляй, гуляй, — вздохнув с пониманием, сказала ей Яна, — Только играть мне с тобой некогда!

Собака радостно взвизгнула и крупными прыжками спустилась с крутой обочины, вихрем помчавшись по давно невиданному раздолью.

Издали показался грузовик. Милославская вся напряглась. Но он, с оглушающим шумом прорезав воздух, лихо пролетел мимо нее. То же самое произошло с микроавтобусом, выскочившим с другой стороны, а потом и десятком-двумя других автомобилей, спешащих в город и из него.

Приближение каждого из них Яна ждала с замиранием сердца. Вот-вот, по ее соображениям, должно было произойти ужасное. Но, одновременно к ее радости и огорчению, все шло мирным чередом.

Водители некоторых автомобилей, пролетающих мимо, успевали бросить на гадалку полные удивления взгляды, а хозяин одного чумазого грузовика даже приостановил машину. Яну окутало при этом облако невыносимой копоти. Она закашлялась, рукой отгоняя от себя едкий газ, а улыбающийся здоровяк, наполовину высунувшись из окна, поспешил предложить гадалке свои услуги.

— Что, красавица, не веселая? — спросил он с ярко выраженным кавказским акцентом. — Подвезти? Чего одна тут скучаешь?

— Я не одна, — печально произнесла Милославская.

— Как не одна? — всерьез удивился кавказец.

Из-за известняковой насыпи показалась Джемма.

— Поезжайте, поезжайте, — кивнув на нее, протянула Яна.

Мужчина спорить не захотел, тем более что собака угрожающе зарычала.

Простояв так около часа, Милославская принялась прогуливаться из стороны в сторону. Ноги ее, и без того устав, вскоре начали ныть, заставив гадалку присесть.

Яна выкурила подряд две сигареты. Она с тоской смотрела вдаль, медленно выпуская струйки дыма. Машины появлялись уже реже, и в перерывах между их гулом вокруг воцарялось безмолвие, нарушаемое только стрекотом неугомонных насекомых. Гадалка поглядела на солнце: оно почти закатилось, а значит момент, когда должна была свершиться авария, миновал.

Яна не отчаивалась, так как заранее она и не знала, случится это до заката или перед восходом. Видение дало ей намек, но конкретного времени не подсказало. Конечно, обидно было сознавать, что несколько часов потеряно напрасно, но Милославская успокаивала себя тем, что в каждом ее расследовании были как взлеты, так и падения.

Поднявшись на ноги, она подошла ближе к обочине и, поставив одну руку в бок, крикнула Джемму, рыскающую в траве. Джемма обернулась и, почуяв строгую нотку в голосе и взгляде хозяйки, ринулась ей навстречу. Гадалка взяла собаку за поводок, чтобы в случае остановки автомобиля ей не пришлось нервировать водителя ожиданием ее возвращения.

Однако транспорта дождаться оказалось нелегко. Все машины, как назло, куда-то запропастились. Милославской пришлось безрезультатно простоять в ожидании около двадцати минут. Наконец вдали показалась какая-то черная точка. Яна вздохнула с облегчением и заранее вытянула вперед руку. Джемма нетерпеливо поскуливала.

Когда точка стала приближаться и ее можно было рассмотреть довольно хорошо, Милославская в нерешительности опустила руку. Потом снова неуверенно подняла ее, потом опять опустила. Однако тут же она поняла, что отказаться от средства передвижения сейчас — означало проторчать в стремительно наступающей темноте еще неизвестно сколько.

Гадалка энергично замахала вытянутой рукой. Старый мотоцикл «Урал», не доезжая до Яны пятидесяти метров, уже стал постепенно

сворачивать к краю дороги. Милославская обрадовалась — ее не проигнорировали.

— Куда? — остановившись, спросил мотоциклист, полный загорелый мужчина лет пятидесяти, старясь перекрыть тарахтенье мотора.

— До города, — крикнула в ответ Яна, оглядывая мотоцикл.

Мужчина махнул рукой, указывая ей на место позади себя.

— А собаку? — гадалка потянула за поводок Джемму.

Мотоциклист нехотя откинул старую облезлую попону, освободив люльку с проржавевшим дном и истертым перекосившимся на бок сиденьем.

— Вперед, — скомандовала гадалка собаке.

Изумленье той легко было прочитать: если сама Милославская ездила на мотоцикле, хотя и в раннем детстве, то Джемме на своем веку такого испытать не довелось.

— Ну! — прикрикнула Милославская, и овчарка прыгнула в люльку.

Один край сиденья, на который она наступила передними лапами, при этом опустился, а другой поднялся — сиденье едва совсем не опрокинулось.

Убедившись, что Джемма все же нормально пристроилась, гадалка обошла мотоцикл с другой стороны, остановившись у указанного ей сиденья. Мужчина протягивал Яне исцарапанную оранжевую строительную каску с привязанной к ней посеревшей засаленной веревкой. Этот предмет, судя по всему, Милославская должна была надеть себе на голову. Испытать в этот вечер такой экстрим она никак не предполагала.

Едва скрывая эмоции и бормоча слова благодарности за проявленную к ней доброту, гадалка кое-как нацепила предназначенную совершенно для другого каску и одной ногой наступила на короткую торчащую в сторону подножку. Она немного пошатнулась, но хозяин транспорта заботливо ухватил ее за руку. Яна, стараясь быть попроворней, перекинула другую ногу через сиденье и покрепче уцепилась за круглую резиновую ручку впереди себя. «М-да, — подумала она, когда мотоцикл трогался, — надо было потребовать с Синявского в два раза больше...»

Очутившись в собственной постели, Милославская еще долго ощущала отзвуки тряски во всем теле: внутренняя дрожь терзала его, а в голове даже во сне шумело.

Звонок будильника должен был поднять ее очень рано — согласно видению, авария могла произойти и перед восходом солнца, и, не теряя надежды, Яна намеревалась с утра отправиться на прежнее место.

ГЛАВА 4

— Думаю, сегодня мне повезет, — тихо проговорила гадалка, усаживаясь на заднее сиденье такси, которое она заранее специально заказала, чтобы потом не нервничать, голосуя у полупустынной в такую рань дороги.

— А? — оглянувшись, переспросил ее водитель.

— Нет, ничего, — ответила ему Яна, — это я так.

Начинало рассветать, но день судя по всему обещал быть пасмурным, и тягучая прохлада вокруг напоминала полусумерки. Воздух, остыв за ночь, заставлял содрогаться при одном только слабом дуновении ветерка. И вообще, казалось, был наполнен чем-то зловещим.

Всю дорогу гадалка сидела в напряжении, а когда машина миновала городскую часть, оно еще больше усилилось. Сердце подсказывало Милославской, что да, сегодня, точнее, вот-вот что-то должно было произойти. Мысли Яны невольно обращали ее к недавнему видению, и жестокие картины всплывали в ее воображении. Когда до нужного места оставалось два-три поворота, гадалка стала напряженно вглядываться вдаль.

Черное пятно, показавшееся вдали после очередного поворота, заставило ее вскрикнуть. Да, нагромождение посреди дороги не могло быть ничем иным, как ожидаемой ею трагедией. Неужели она уже произошла?

Милославская сухо велела водителю остановиться и, расплатившись с ним, покинула машину и скоро зашагала вперед, заставив его удивиться. Мужчина, ничего в отличие от гадалки не ожидающий, пристально вдаль не смотрел, а потому подозрительного там и не обнаружил. Он недоуменно глянул вслед стремительно удаляющейся даме и, развернувшись, поспешил удалиться.

Несколько метров передвигаясь быстрым шагом, Яна в конце концов побежала. Жгучее внутреннее чувство толкало ее вперед, где стали более отчетливо очерчиваться контуры двух перевернутых машин, одна из которых успела обгореть.

Что могла приоткрыть перед ней случившаяся авария? Зачем видение предсказало ее? Как это поможет в расследовании? Эти мысли первоначально терзали бегущую Яну. Но когда она различила возле одного из автомобилей недвижимое человеческое тело, один вопрос стал для нее важнее всех остальных: «Это она? Ольга Сергеевна?»

Сердце гадалки бешено колотилось. На этот момент она не имела хорошей физической подготовки, и теперь организм с укором напоминал ей об этом: в боку резко закололо, в глазах стало темнеть, воздуха не хватало, и ноги, казалось, вот-вот готовы были подкоситься и заставить ее упасть.

Быстро наступившее физическое бессилие Яны усугублялось ее психическим состоянием. Личные болезненные воспоминания, страшные предчувствия и переживания за мать клиента — все это сейчас разом навалилось на Милославскую.

Выбившись через какое-то время из сил, гадалка снова пошла шагом. Теперь до места оставалось совсем немного. Милославская с уверенностью могла уже назвать марку обгоревшей машины. Это были «Жигули». А недвижимое тело без какой-либо надежды на лучшее про себя она уже именовала трупом. К счастью, не женским. Яне открылось зрелище не из приятных, хотя подобное ей случалось видеть нередко.

Подойдя ближе, гадалка остановилась всего в нескольких метрах от машин. Она была в полной растерянности и первые минуты не могла сообразить, что же делать дальше. Обгоревшие «Жигули» с выбитыми двумя стеклами и глубокой вмятиной с водительской стороны лежали на одном боку посреди дороги. Хозяин их, вылетев каким-то образом из автомобиля на улицу, безжизненно лежал в паре метров от него. Другая машина, старенький «Москвич», свесилась наполовину с обочины и упиралась передними колесами в огромный серовато-желтый камень, который и не давал ей окончательно съехать в кювет. Она пострадала не меньше «Жигулей»: весь перед был изрядно вмят, человек, мужчина, лицо которого было залито кровью, сидел за рулем, наполовину съехав вниз со своего места.

Невольно Яна стала представлять возможную картину произошедшего. По ее первому предположению, столкновение случилось из-за того, что один из владельцев автомобилей просто уснул за рулем. В столь ранний час это не удивительно, особенно если человек и вовсе не спал этой ночью. Другие варианты, конечно, не исключались. Мало ли что еще могло быть — размышлять об этом Милославской сейчас было некогда.

Свидетелей у этой аварии, судя по всему, не имелось. Или же они благополучно сгнули с ее места во избежании возникновения ненужных сложностей в их личной жизни.

Силясь перебороть всепоглощающий ужас, страх, жгучую боль и даже естественное отвращение, возникшее при виде мертвых тел, гадалка решила подойти ближе и получше рассмотреть каждое их них. Ладонью

зажимая половину лица, она осторожно, как будто боясь испугать кого-то, подошла к «Москвичу», так как находилась ближе именно к нему, и стала всматриваться в обезображенное лицо его владельца.

Нет, этого человека она никогда не видела. Его окровавленная одежда, вещи, раскиданные по салону, да и сам изуродованный старенький, выдавший виды автомобиль говорили о том, что это простой работяга, возможно, житель сельской местности. Стараясь взять себя в руки, гадалка приоткрыла скрипнувшую дверь «Москвича», провалившись каблуком в начавший осыпаться с обочины щебень, и теперь уже более пристально оглядывала автосалон. Первое, что сразу привлекло ее внимание — засаленная барсетка, размахрившаяся и сильно потертая по углам.

Милославская осторожно наклонилась еще ниже и приподняла ее. Сумочка оказалась плотно набитой, и натянутый замок с трудом поддался. Внутри оказался вшитый калькулятор, блокнот, несколько чеков, две квитанции, водительские права, ПТС, еще кое-какие документы и деньги.

Яна прочитала на ПТС фамилию, имя, отчество погибшего. Она ведь, когда гадала, спрашивала у карт о кредиторе, а сюда ехала в надежде узнать что-то о пропавшей. Нет, имя хозяина «Москвича» не было ей знакомо. Да и при первом взгляде, собственно говоря, она поняла, что этот человек не мог быть кредитором достаточно крупной суммы.

Яна достала из своей сумки записную книжку и перенесла туда основные данные из найденных документов. Вернув барсетку на прежнее место и прикрыв дверь, она побрела ко второй машине.

Милославская присела на корточки возле лежащего лицом вниз мужчины и стала почему-то, будучи в полной растерянности, проверять его пульс, хотя по внешним признакам почти наверняка определила, что он мертв. Нет, биение сердца у этого несчастного не определялось. На всякий случай Милославская приложила кончики пальцев к другим точкам, где могло еще ощущаться пульсирование, но и эти попытки оказались тщетными.

Яна с горечью зажмурила глаза и сжала губы. Потом ей на ум пришло еще кое-какое соображение. Она осторожно, дрожащими руками приоткрыла слипшиеся веки пострадавшего и по виду зрачка окончательно установила, что он покойник.

— Черт возьми! — с досадой вскрикнула она.

Ведь никто теперь не мог гадалке рассказать, каким образом случившееся могло быть связано с исчезновением матери ее клиента.

От охватившего ее отчаяния Яна зажала рот руками и безнадежно, сама не понимая чего, стала искать глазами вокруг. Природа ни одним

своим движением не говорила о том, что в чьей-то жизни произошло что-то непоправимое, что человека уже не вернешь и что чье-то сердце, наверное, будет разбито. Все было так же тихо и пасмурно.

Милославская глянула на изувеченную машину.

— Стоп! — неожиданно для самой себя медленно проговорила вдруг она. — Кажется, номера, хотя и пострадали, но вполне читаемы. Обгоревший салон, конечно, мне ничем помочь не может, — Яна медленно подошла к «Жигулям» и, склонившись, заглянула внутрь сквозь разбитое стекло.

— Похоже, все сколько-нибудь стоящее внутри сгорело, — пробормотала она, — и документы, кажется, тоже.

Яна выпрямилась и глянула на осколки разлетевшегося по земле стекла. Неожиданно для себя среди них она заметила маленький поблескивающий прямоугольник, в котором, присмотревшись, различила какую-то заламинированную бумагу.

— Что это? — вслух проговорила она и приблизилась к находке.

Гадалка осторожно раздвинула мелкие осколки и вытащила картонку, которая оказалась паспортом технического средства. По-видимому, водитель вставил этот заламинированный кусочек краешком под стекло, и это спасло документ, в отличие от всех остальных. Хотя могло произойти с ПТС и по-другому. Мало ли какие парадоксы случаются в критические моменты?! Где-то рядом, по Янинуму предположению, должно было быть и свидетельство о техосмотре, но его гадалка, осмотревшись, не нашла.

— Хоть что-то! — сквозь зубы воскликнула она и попыталась прочитать написанное на нем.

Однако та часть, документа, где значилась фамилия, безнадежно пострадала. Она была то ли сплавленной, то ли просто покареженной, да и на остальных словах краска как-то смазалась. Яна с трудом разобрала и пробормотала:

— Юрий Иванович. Да-а-а, — разочарованно протянула она, — кредитор, к сожалению, назвался не этим именем. Хотя Юрия Ивановича, скорее всего, стоит отыскать. Правда, таких Юриев Ивановичей в нашем городе определенно не три человека. Кто же вы, мистер Икс? — задумчиво завершила она.

Все остальные из сохранившихся записей Яна прочла про себя.

Вслед за этим Милославская поднялась с корточек и подошла к номерам автомобиля, о которых думала несколькими минутами ранее, чуть ближе. Она уже знала о них из ПТС, но опыт часто заставлял ее быть предупредительной. «Лучше перебдеть, чем недобдеть», — говаривал

Руденко.

Гадалка торопливо достала носовой платок и, скомкав его, стала осторожно стирать пыль, копоть и прочие загрязнения с металлической таблички. Несколько усердных движений, и она, изрядно перепачкавшись, все же, хотя и с трудом, смогла прочитать номер «Жигулей» — М 678 РО. Он совпадал с номером, значащимся в документе.

— Неплохо, — подбадривая себя, произнесла Яна.

Теперь ей предоставился шанс, разумеется, приложив определенные усилия и воспользовавшись помощью небезызвестного своего товарища, раздобыть более подробную информацию о хозяине и этого, и другого автомобиля, и тогда, возможно, кое-что могло проясниться.

Милославская деловито поставила руки в бока и протянула:

— Ну, Семен Семеныч, никогда тебя в подходящий момент не бывает на рядом!

Вслед за ее словами раздалось переливчатое пиликанье откуда-то со стороны хозяина «Жигулей». Гадалка удивленно вскинула брови и в первое мгновение даже вздрогнула от неожиданности. Потом ее осенило: сотовый. Она бросилась к трупу, сама еще не зная, с какой целью, и стала судорожно ощупывать его одежду, потому что пиццало где-то совсем рядом.

— Да! — ощутив пальцами искомое, вскрикнула она, но в этот момент сигнал прекратился.

Тем не менее Милославская осторожно и не без брезгливости достала телефон из внутреннего кармана пиджака мужчины и с непонятным ей самой чувством глянула на него, а потом вдруг поняла, что находка эта как нельзя кстати.

На всякий случай она еще раз решила пошарить руками по липкой одежде покойника, надеясь, что, может быть, еще что-нибудь ценное для нее обнаружится в карманах погибшего, документы, например. Ведь сразу она, взволнованная, до этого не додумалась.

В одном месте пальцы гадалки под тканью неожиданно ощутили что-то твердое. Дрожащими руками она приподняла край пиджака и проникла туда, где ею недавно прочувствовался плотный прямоугольник — в верхний карман рубашки. Зацепив свою находку двумя пальцами, она потянула ее и вскоре могла лицезреть кожаный черный кошелек. Безусловно, Яна не отказала себе в возможности порыться в нем. Внутри, в первом отделе лежало несколько некрупных денежных купюр и чеки на мелкие суммы, очевидно, хранимые без всякой цели.

Милославская заглянула во второй отдел кошелька. Он оказался практически пуст, за исключением помятой, вчетверо сложенной бумажки.

Гадалка достала и развернула ее. Там значился только какой-то адрес. Ни фамилии рядом, ни номера телефона. Бумажка, судя по всему, в кошельке обитала давно. Яна принялась размышлять, какое значение она могла иметь и вскоре подумала, что некоторые люди носят с собой не документы, удостоверяющие их личность, а такие вот записочки, чтобы в случае чего, эту самую личность легко можно было установить. Ведь паспорт нет необходимости всегда носить с собой. Потерять можно, или выкрадут, а потом такая морока с восстановлением! Да и поносишь вот так год-другой, поизотрется весь.

Милославская перенесла и эти данные в свой блокнот, а затем вернула находку на прежнее место.

— Теперь, Юрий Иванович, — сказала она, глядя на покойника, — надеюсь, я знаю еще и Ваш адрес.

В следующий миг гадалка уверенно уже набирала номер Семена Семеныча, пользуясь найденным сотовым.

Домашний телефон настырно молчал, хотя время для выхода на работу было еще слишком раннее. Сделав несколько попыток и выругавшись после неудачной последней, Милославская призадумалась, поглаживая подбородок.

— Линия что ли повреждена?.. — недовольно пробормотала она, а потом чисто инстинктивно набрала номер рабочего телефона Руденко.

— М-м-м, — хрипло послышался вскоре ответный возглас из трубки.

— Сема? — одновременно удивленно и радостно воскликнула гадалка.

— М-м? — как бы восторженно от сна послышалось в ответ.

— Ты? — расплывшись в улыбке, спросила гадалка.

— Му-гу, — промычал тот в ответ апатично, очевидно, узнав Яну.

Судя по всему, он в момент ее звонка спал, и приятельница прервала какое-нибудь неожиданно приятное сновидение.

— Ты чего там так рано? — не зная, с чего начать, спросила гадалка.

— Почему рано? — позевывая, ответил тот, — Поздно! Я еще и не уходил. Й-олки! — вдруг воскликнул он, наверное, глянув на часы и только теперь поняв, что уже утро настало. — Слава богу, что Маргарита не дома!

— Если б она дома была, — добродушно протянула гадалка, тебя бы там давно уже не было! Спишь, небось, с глубокого бодуна?

— Ну ты скажешь тоже! — деловито покашливая, ответил Семен Семеныч.

— А то нет?! Знаем мы вашу работу! — Яна нарочито раззадоривала друга.

— Если б знали, — обиженно возразил Три Семерки, — такими

шуточками не раскидывались бы!

— Ну ладно-ладно, — перебила Милославская, — это я шучу.

Хотя не до шуток мне сейчас, может, более, чем когда-либо.

— Что? Опять карты какую-нибудь страшную вещь подсказали? — не упуская возможности сыронизировать в отместку, со смешком произнес Руденко.

— К сожалению, на этот раз мне пришлось увидеть ужасное собственными глазами, — реагируя на язвительность Семена Семеныча холодным спокойствием, ответила гадалка. — Передо мной два трупа...

— Что-о? — загремел, сразу как-то прорезавшись, голос Три Семерки.

— Авария на загородной трассе, два трупа, две покарещенных машины... Свидетелей нема...

— Фу ты! Слава богу! То есть не слава, конечно... — осекся Руденко. — Я думал, мокруха опять, ты уж осторожней как-то выражайся.

— Куда уж осторожней, Сема! Представь мое состояние...

Рядом два безжизненных тела в крови. Разве я паникую?

— Короче! Говори короче, что ты от меня хочешь?

— Как что? Ну, во-первых, пришли сюда кого-нибудь, кого следует, с этим же разбираться надо!

— Ну да, да, это надо, конечно, — понимая, что сморозил глупость, бубнил в ответ Семен Семеныч.

— Во-вторых... — загадочно протянула гадалка. — В общем, есть еще кое-что, — Яна кашлянула.

Три Семерки выжидающе молчал.

— Я сейчас веду одно дело, — продолжила Милославская, — и именно оно привело меня к месту этой катастрофы.

— Да! Кстати, как ты там оказалась? С тобой все в порядке? — затараторил испуганно Руденко.

— Да, все хорошо, — коротко ответила Яна.

— Ты тоже с кем-то из них ехала? — снова перебил Три.

Семерки.

— Да нет же! Семен Семеныч, уймись! — раздосадованно воскликнула Яна. — Меня видение предупредило, только я опоздала!

— Опять ты со своими видениями, — кисло процедил Руденко.

— Как бы ты к ним не относился, — холодно возразила гадалка, — они всегда говорят правду! Всегда, как и в этот раз, — настойчиво повторила Милославская. — И вообще, хватит демагогию разводить! Разве есть от этого толк? — Яна уже всерьез начинала сердиться.

Три Семерки что-то фыркнул в ответ, а потом недовольно произнес:

— Ну?

— Я сейчас тебе назову номера одного из автомобилей... — Яна выжидающе замолчала, пытаясь предугадать реакцию Руденко.

— Ну?

— И имя-отчество ее ныне покойного хозяина, — продолжила гадалка.

— Почему имя-отчество? — удивился Три Семерки.

— Могу еще и адресок. Остального не имею чести знать. Потом все объясню.

— Адрес не надо. Номеров хватит. Дальше что?

— Просьба — как можно скорей установить, все ли чисто с этой машиной. Все равно милиции придется это делать. Ведь так?

— Так, — уже более дружелюбно, но, очевидно, ничего так и не разобрав, произнес Руденко.

— Начни сейчас, а Сема? Чую я, дело это начинает чем-то жареным пахивать, боюсь, простым разбирательством ГАИ эта авария не ограничится.

— Почему? — заинтересовавшись, спросил Семен Семеныч.

— Человек пропал, — ответила гадалка.

— Теперь ты его нашла? — усмехнулся ее приятель.

— В том-то и дело, что нет, — горячо проговорила Милославская. — В общем, Сема, потом поговорим, давай к делу, а?

— Давай, дафа-у-э, — позевывая и коверкая слова, протянул Три Семерки.

— Какой же он противный иногда! — процедила гадалка, отключив сотовый.

Милославская вдруг поймала себя на мысли о том, что она не заикнулась в разговоре с приятелем о хозяине «Москвича», да и не думала о нем особенно. В чем причина этого, гадалка и сама не могла объяснить. Интуиция, внутренний зов настойчиво звали ее заняться именно «Жигулями». Возможно, такое ощущение в душе Яны создавалось потому, что героями ее детективных расследований редко становились сельские работяги.

Тем не менее гадалка не могла так просто отступить от проверки «благополучного» покойника. Слишком уж часто выходило, что «черти» обнаруживались именно в тихом омуте. Однако время в период расследования всегда было для Яны особенно драгоценно, и теперь она задумалась, а стоило ли двигаться в этом направлении вперед, рискуя потерять золотые часы напрасно?

Кто и что могло прийти ей на помощь в этой ситуации? Безусловно,

карты. В своем выборе Милославская не усомнилась ни на минуту и поспешила достать из сумочки заветную колоду.

Она веером раскинула ее перед собой и на минуту задумалась. Пробежав взглядом по всем картам, гадалка остановила свой выбор на «Да» и «Нет», потом убрала остальное назад в сумку и, присев на корточки поудобнее, положила «Да-Нет» на правое колено и накрыла его похолодевшей от волнения ладонью.

Эта карта, как и все остальные, имела символическое изображение. Посреди кирпичной стены располагались ворота, распахнутые какой-то неведомой силой. Вдаль уходила дорога, которая замыкалась в огромном человеческом зрачке, поглощающем ее в себе.

Милославская знала, что сосредоточиться в сложившейся ситуации ей будет непросто. Однако карта поспешила удивить ее: Яна практически сразу почувствовала идущее от картона тепло. Наверное, скопившаяся за этот стрессовый промежуток времени энергия искала выход и наконец нашла его: не в горячих слезах и не в криках отчаяния. Сгустком вперилась она сейчас в разум гадалки, еще более увеличивая его необъяснимые способности.

— Да или нет, да или нет, — еле слышно твердила она, спрашивая карту о том, стоит ли ей тратить время на работу вокруг «Москвича».

Гадалка многократно повторяла эту фразу и в один неуловимый момент потеряла грань между реальностью и тем миром, в который она всегда погружалась во время своих сеансов. Яна уже не слышала стрекотанья проснувшихся насекомых, бороздящих траву, шелеста листьев, будоражимых ветром — все это осталось где-то там, за гранью ее сиюминутного состояния.

— Да или нет, да или нет, — кружилось в голове, и вскоре эта фраза стала отдаваться в сознании Милославской одним словом: — Нет, нет, нет, нет.

С этим словом она и очнулась. Открыла глаза и непроизвольно произнесла:

— Нет.

А немного придя в себя, оценила все и еще более взвешенно проговорила:

— Значит, начнем с «Жигулей».

Гадалка сожалела в этот момент, что не могла и о них теперь спросить у карт, ведь ей требовалось время, чтобы восстановить силы. Хотя она не могла не отметить того, что состояние ее было куда лучше, чем обычно после гадания. Обыкновенно она даже подняться могла не сразу. Тем не

менее карты всегда диктовали свои законы и никогда не позволяли преступать их — они просто не шли на сотрудничество.

Яна огляделась — положение ее после разговора с приятелем ничуть не улучшилось: она по-прежнему находилась одна посреди дороги, достаточно далеко от города. Пешком, конечно, можно было дойти, но не в ее теперешнем состоянии, да и к чему такие жертвы в начале двадцать первого века.

Вдалеке что-то загудело. Милославская оглянулась: из-за бугра показалась кабина грузовика. Гадалка усилием воли поднялась на ноги и машинально приготовилась голосовать, но тут же опустила руку: в этой ситуации только слепой бы не остановился, да и то бы без проблем проехать не смог — дорога почти полностью оказалась заблокированной. Удивительно, что до сей поры, около этой преграды не образовалось скопления машин. Хотя, конечно, время слишком раннее. Даже ночью дорога обычно бывает более оживленной, чем в такую рань.

Яна встряхнула волосами и тяжело вздохнула. Грузовик, подъехав ближе, резко сбавил ход. Потом из его окна показалась высунувшаяся почти наполовину фигура человека, который пытался разглядеть, что случилось на дороге. Когда автомобиль миновал еще около ста метров, Милославская могла разглядеть выражение лица его водителя, который был шокирован увиденным.

В пяти метрах от нагромождения грузовик остановился. Дверца кабины с осторожным скрипом открылась и из нее показался побледневший мужчина, огненная рыжина которого в этом его состоянии стала еще более откровенной. Он спрыгнул со ступеньки на дорогу и, закинув обе руки за голову, присвистнул.

— Что это? — тихо произнес он, глядя на Милославскую.

— То самое, что вы видите, — ответила она, — это не галлюцинация.

Мужчина ничего не ответил и, глянув на один из трупов, сморщился, а потом отвернулся.

— У меня жена сейчас рожает! — с досадой воскликнул он. — До КПП еду, «Скорую» вызвать хотел. Ну и денек! Чертова деревня!

— А что у вас нет телефона? — удивленно спросила гадалка.

— Да нет у нас на Рейнике ни хрена ничего, ни телефона, ни врача. Фельдшер только сидит, которому поросенка резать никто не доверит! Сотовый — один на всю деревню, у Костюненкова. Он не дает. Его тоже понять можно, достали уже. День и ночь стучат. То милицию, то «Скорую», то еще кого-нибудь.

— Не переживайте, — воскликнула Яна, — я знаю, как вам помочь!

Она протянула незнакомцу мобильник, который до того машинально опустила в карман. Мужчина, ничего не говоря, вырвал телефон у Яны из рук и судорожно стал нажимать на его кнопки.

Вызвав помощь, он громко вздохнул и расплылся в улыбке.

— Неужели я отцом стану?! Столько лет ждали!

Яна с грустью подумала о том, что в жизни слишком часто соседствуют горе и счастье, что ничто в ней не вечно и что человек в своей радости бывает глух к чужой беде. Этот безумно счастливый в данный миг человек был нисколько не виноват в своей несвоевременной эйфории.

— Так уж устроен мир, — тихо пробормотала Милославская.

Парень даже не услышал ее, смотря в небо и улыбаясь кому-то невидимому.

Несколько отойдя от своего первоначального состояния, он стал расспрашивать Яну об аварии и о том, как, собственно, ей самой удалось остаться целой и невредимой. Милославской, конечно, пришлось в ответ приврать, сочинив совершенно глупую историю. Будущий папаша не особенно-то вслушивался в слова гадалки, а потому никакого подвоха и не заметил.

Между тем совсем рассвело, и сквозь мутную пелену серых облаков стали кое-где проглядывать солнечные лучи, обещая хоть сколько-нибудь приукрасить пасмурный день. Вслед за грузовиком вскоре выстроилось еще несколько машин. Владелец первой из них долго глупо и бестолково глазел на трупы, а когда подъехал еще один автомобиль, то выяснилось, что можно было предпринять и что-то более разумное. Его хозяин вытащил из своего багажника большой кусок какой-то серой ткани и, с трудом порвав его на две части, укрыл тела.

Наконец подоспел и Семен Семеныч собственной персоной. Он на своей многострадальной «шестерке» замыкал вереницу из двух «УАЗиков»: одного простого милицейского, другого — ГАИ, — и одной легковой машины, в которой тоже сидели представители дорожной инспекции.

— Здравствуй, — сухо бросил он Яне и, нахмурившись, подошел к первому трупу.

Постоял минуту-другую, посвистывая, затем закурил и спросил:

— Давно здесь?

— Я или они? — тоже прикуривая, парировала Милославская.

Три Семерки не сразу нашелся что ответить, а потом сердито сказал:

— Я имею в виду, давно ли произошла авария.

Гаишники к тому моменту оцепили злополучное место, отгоняя зевак-водителей, которых становилось все больше: с течением времени дорога

заметно оживилась. Перебросившись между собой несколькими фразами, милиционеры все же решили, что нужно всех собравшихся отправить по объездной, возвращаться до которой надо было не менее десяти километров да там еще за счет сделанного кольца прибавлялось два раза по столько же.

В противном случае картина катастрофы могла бы стать смазанной, и экспертам было бы очень нелегко установить ее истинную причину. Некоторые с пониманием вздохнули, некоторые не упустили повода позлословить: жаловались, что опаздывают на именины к теще, на прием к врачу, к утренней продаже молока и еще черт знает куда — до ушедших из жизни им не было абсолютно никакого дела.

— Доброе утро, — подошел к Милославской и Руденко один из сотрудников ДПС, майор, — вы очевидица аварии? — спросил он, глядя исподлобья на гадалку.

— Нет, — ответил за нее Руденко, — это моя помощница, по счастливой случайности она просто оказалась здесь вперед всех нас.

— Какая уж тут счастливая случайность... — с грустью ответила Яна.

— В общем, увиденное вы ничем дополнить не можете? — разочарованно покачивая головой, протянул майор.

Яна сделала гримасу, означающую — «увы». Майор отошел к своим коллегам и влился в их бурные обсуждения, среди которых слышался и смешок, и отборный мат, и последние политические новости, и предположения о причине автокатастрофы.

— Ты мне насчет машины узнал? — с азартом шепотом спросила гадалка, оказавшись наедине с Руденко.

Семен Семеныч, конечно, мог в этот миг спросить, а почему с машиной, как она предполагала, должно было быть что-то нечисто. Но Яна нашлась бы что ему ответить — просто так видение не могло привести ее к этой аварии.

— А ты, Яна Борисовна, действительно считаешь, что не только ГАИ, но и мне стоит этим заняться? — лукаво протянул он в ответ.

— Се-о-ма! — закатив глаза, протянула гадалка. — Я же тебе все объяснила!

— Да ладно, шучу, — упиваясь своей значимостью, посмеиваясь, ответил тот. — Узнать я пока ничего не узнал: не успел, — но указания соответствующие дал, и результаты не заставят себя ждать. Вот вернемся и, уверен, нас сразу же порадуют.

— А как скоро произойдет это возвращение? — обрадованно спросила гадалка.

— Да можем двинуться сейчас же. Или тебя что-нибудь тут задерживает?

— А тебя?

— Смеешься?

Приятели улыбнулись друг другу и не спеша зашагали к машине Руденко. На ходу Семен Семеныч коротко попрощался с коллегами и с редкой любезностью открыл перед Милославской дверь своей легковушки.

— Ты превращаешься в галантного кавалера? — с иронией спросила Яна.

— Не надейся, — парировал тот, — просто я нутром чую, что найду в этом дельце и свой интерес.

— Фу, Сема! Терпеть не могу, когда ты начинаешь прикидываться конченным карьеристом, — поморщившись произнесла гадалка.

Звук загудевшего мотора заглушил ее слова, которые последовали дальше.

ГЛАВА 5

— Тут подождать? — спросила Милославская приятеля, когда они остановились перед обшарпанной деревянной дверью, единственным украшением которой была массивная ручка, украшенная железными круглыми резными набалдашниками.

Дверь эта вела в помещение 12-го отдела милиции, где Семен Семеныч сейчас надеялся получить информацию о «жигуленке», которую, по его представлению, к этому времени уже должны были раздобыть его коллеги, связавшись с ДПС.

Собственно говоря, для него и для самого такая задача была вполне посильна. Однако, узнав, что Милославская находится одна посреди загородной трассы, да еще в таком «окружении», он не смог остаться к этому равнодушным. Сообщив о произошедшем куда следует и отдав соответствующие приказания первым из явившихся на работу подчиненных.

Три Семерки поспешил навстречу подруге, а по дороге встретился с на удивление быстро сработавшей дорожно-постовой службой, спешащей на место происшествия.

— Здорово, товарищ капитан, — громко сказал, остановив Руденко, какой-то пузатенький коротконогий майор.

Они заговорили о каких-то посторонних для гадалки вещах, а она тем временем просто глазела по сторонам, оглядывая просторный холл, желтая плитка на полу которого местами уже откололась, а верхние углы стен были затянуты паутиной, поглотившей в себе отошедших в мир иной мух и прочих насекомых. Из большого окна, скрывающего за собой дежурную часть, на Милославскую с любопытством поглядывал молоденький опер, очевидно, новенький — старые работники гадалку здесь знали, кто просто в лицо, а кто и лично, познакомившись с ней через Семена Семеныча.

— Ну давай, — завершил наконец Руденко, сотрясая в своей большой ладони маленькую руку пузатенького майора, и они с Милославской пошли дальше по узкому коридору, который своим убранством был несколько не лучше холла.

— Здорово мужики, — произнес, снимая фуражку, Три Семерки, войдя в один из кабинетов.

За столом сидел и что-то писал на стандартном белом листе мужчина в гражданке, с коротко стриженными курчавыми волосами, плотный,

широкоплечий. Рядом с кучей бумаг по правую руку от него стояла пепельница из резного стела, до краев наполненная окурками, в которой он тщетно, не отрываясь от своей писанины, пытался затушить левой рукой маленький остаток сигареты.

Посеревшие занавески с восточным цветочным узором, прошитым люрексом, были небрежно заправлены за батарею. Их, похоже, с вечера никто не открывал, и потому в кабинете, и без того затуманенном густым табачным дымом, царил полумрак.

На узком металлическом сейфе, аккуратно вписавшемся в угол, в этот миг затрещал желтый выцветший телефон с крутящимся диском. Мужчина вынужден был оторваться от своего занятия и, бегло кивнув вошедшим головой, стал после некоторого молчания что-то непонятное для Милославской кричать в трубку.

Яна в ожидании опустила голову. Светлый линолеум, рисунком напоминающий паркет, испещрили тут и там черные полосы, остающиеся обыкновенно от резиновых подошв ботинок.

— Садись, — сказал ей Руденко, пододвинув угрожающе скрипнувший стул, а сам закурил.

Милославская присела, осторожно оперевшись рукой о двустворчатый неполированный шифоньер, вероятно, недавно купленный, который пожалуй, был единственным украшением кабинета.

Разумеется, за исключением самого хозяина. Когда он поднял на вошедших глаза, Милославская не смогла не удивиться их необыкновенно голубизне. Тонкие губы сослуживца Семена Семеныча, тронула едва заметна улыбка, и он протянул Руденко руку.

— Яна Борисовна. Петляков Алексей Александрович, — коротко представил незнакомых друг другу Три Семерки.

Яна с сожалением заметила на безымянном пальце Петлякова обручальное кольцо. Давно не испытанное чувство, возникшее в эту минуту где-то в самом потаенном уголке ее души было ей непонятно и объяснить его она не сумела ни в этот миг, ни потом.

— Ну, чем порадуешь? — спросил, поглаживая усы, Семен Семеныч.

Милославская вдруг подумала, что видела уже Петлякова раньше, но отогнала от себя эти мысли, решив сосредоточиться на более важном — работе.

Петляков оторвал от настольного перекидного календаря листок, на котором было что-то размашисто записано и протянул его Руденко.

— Ага-а, — протянул тот, — Осипов Юрий Иванович. То же, что и ты мне говорила, — подняв глаза на гадалку, сказал Три Семерки.

— То же, только без фамилии, — Милославская с сожалением отметила про себя, что ничего таинственного не обнаруживается.

— С этой машиной все чисто? — спросила она, несколько смущенно глянув на Петлякова.

Тот опустил уголки губ и сделал гримасу, означающую «А почему нет?».

Яна была несколько не удовлетворена таким ответом и чувствовала, что изнутри ее что-то гложет, не давая успокоиться и в мыслях отойти от этих «Жигулей».

— Дай-ка, — произнесла она, перенимая календарный листок из рук Семена Семеныча.

Под фамилией были написаны дата и год рождения.

— У-гу-у, — многозначительно протянула она. — А он для своих лет молодо выглядит.

В этот момент дверь распахнулась.

— О! Товарищ капитан, — воскликнул здоровущий чернявый мужчина в милицейской форме, — как вы кстати! Экстренная планерка у шефа. И ты, Леха, тоже, — добавил он, глянув на Петлякова.

Три Семерки сделал удивленное лицо.

— А че я-то? — глуповато протянул он.

— Да всех нас сейчас под одну гребенку, — махнув рукой, бросил чернявый.

Петляков поднялся и, сунув сигареты и зажигалку в карман, вышел из-за стола.

Семен Семеныч вопросительно посмотрел на Яну.

— Я пойду, — сказала она, убирая календарный листок в сумку.

— Кажется, у тебя идея? — лукаво протянул Руденко.

Милославская промолчала.

— Поделишься? — не отставал он.

— Возможно, — многозначительно ответила гадалка и добавила: — Ты беги, а то опоздаешь.

В этот момент Руденко заметил, что его сослуживцы уже покинули кабинет, а Петляков ждал его одного, вставив уже ключи в дверную скважину.

— Ну, до встречи? — произнесла Семену Семенычу на прощанье Яна, когда Петляков запирает кабинет.

— Угу, — буркнул тот, поправляя козырек фуражки.

Затем оба сослуживца засеменили по коридору, а гадалка неторопливо побрела к выходу.

Сойдя с крыльца, она остановилась и закурила, глядя на дерущихся из-за рассыпанных кем-то семечек воробьев. В голове у нее прочно засела идея — посетить семью погибшего Осипова. Она по-прежнему была уверенной, что видение не могло бессмысленно говорить ей об аварии и, по ее предположению, несмотря на то что ничего не выяснилось до сих пор, следовало действовать в этом направлении и дальше. На разговор с близкими погибшего Милославская возлагала теперь большие надежды.

Сообщать о смерти Осипова она им не планировала. Боялась, что в этом случае будет не до выяснения каких-то еще обстоятельств; намеревалась представиться работником милиции, а если не поверят, тогда уж и об аварии рассказать.

Местонахождение дома, указанного в адресе, было для Яны небезызвестно. Не докурив сигареты, гадалка затоптала ее кончиком ступни и торопливо пошла по тротуару. Дойдя до дороги и поравнявшись с остановкой общественного транспорта, она ловко запрыгнула на ступеньку троллейбуса, который как раз собирался закрыть двери и отъехать.

Гадалка села на одиночное сиденье в задней части троллейбуса и, не отрываясь, стала смотреть в окно, чтобы не пропустить своей остановки.

* * *

— Можно? — спросила Милославская, глядя на седоволосую женщину лет пятидесяти, открывшую ей дверь.

— Да, — почему-то сразу взволновавшись, ответила она. — а что случилось?

«Материнское сердце чует беду», — подумала гадалка.

Женщина что-то умоляюще искала в глазах гостьи.

— Да нет, ничего не случилось, — торопливо проговорила Милославская, опустив глаза. — Я могу войти? Я из милиции, — добавила она увереннее.

— Д-да-да, конечно, — заикаясь, ответила хозяйка квартиры и стала развязывать передник.

На кухне у нее что-то готовилось, судя по мясному аромату, распространившемуся по квартире.

— Что же все-таки произошло? — беспокойно спросила она снова, недоверчиво глядя на гадалку.

— Ничего. В последнее время участились случаи угона шестой модели «ВАЗа». Да и люди что-то часто стали пропадать. Мы всего-навсего

принимаем дополнительные меры профилактики, предупреждая владельцев машин и простых смертных о мерах безопасности. А заодно ведем расследование по факту нескольких угонов и исчезновения людей.

Милославская понимала, что несет откровенную чушь и уже готова была к тому, что ее сию же минуту выставят вон, однако хозяйка закрыла лицо ладонями и заголосила:

— Говорила я ему, что не доведет его до хорошего доброты эта дурацка-ая-а! Нет, все по своему делал! Доде-э-лался!

— Я вас не понимаю, — прервала ее Милославская.

— Как вас зовут? — ухватив ее за руки, дрожащим голосом залепетала хозяйка.

— Яна Борисовна, — удивленно произнесла гадалка.

— Яна Борисовна, миленькая! Я вас умоляю! Вы мне поверьте, он ни в чем не виноват. Он только гаражом своим пользоваться разрешал. Бесплатно. Даже денег за это нисколько не брал. Поверьте, мне, миленькая Яна Борисовна, — он хороший, он не способен ни на что плохое. Друзья эти чертовы-ы, — женщина снова завывала, — одни беды от них! Два года назад хлебнули с ними! Вы-то знаете, — посмотрела она на гадалку, и та поспешила утвердительно кивнуть в ответ, — девчонку в нашей квартире изнасиловали. Хотели на Славу моего все повесить, потому что квартира его. А его в этот момент и дома-то не было. Потаскали нас тогда! Говорю ему, гони всех прочь, живи своей жизнью, своей головой, нет, видно никогда он к матери не прислушается!

Гадалка вдруг поняла, что пришла в нужное место, и адрес, найденный ею в кармане трупа, не был простой случайностью.

— Пойдите, — прервала Милославская свою собеседницу, — давайте все по порядку.

— По порядку? — вытирая слезы, спросила утихшая сразу женщина.

— Да, — строго ответила гадалка.

— В нашем гараже уже месяц стоит чья-то машина. «Жигули», «шестерка». Чья — не знаю. Славу спросила. Говорит, Юрки какого-то. Кто он такой — понятия не имею, да и сам он, похоже, с ним толком знаком не был.

— Стоп, стоп, стоп, — подняв руку, протянула Милославская, — а какой Слава, собственно говоря?

— Сын мой... — ответила женщина, бледнея.

— А Юры у вас нет? — тихо спросила гадалка.

— Юры? — удивилась та. — Нет. Муж был, Николай, помер.

— Так у вас и автомобиля нет? — удивленно протянула гадалка.

— Нет, и не было никогда. Откуда? Я тыщу с лишком получаю, а Слава то пять принесет, а то нет ничего. Работа у него нестабильная. Да дружки постоянно тянут: в долг брать горазды, а отдачи нет.

— Вот это да-а, — протянула Милославская.

— А чему вы удивляетесь? Посмотрите вокруг — народ-то нищий.

В действительности гадалка удивлялась не этому. Она понять ничего не могла. Машина стопроцентно принадлежала Осипову Юрию Ивановичу. Теперь она поняла, что за рулем был вовсе не хозяин. А кто? Слава, сын этой несчастной женщины? Автомобиль, судя по всему, находился в его гараже. Она сама так сказала. Но умел ли Слава водить, не имея своей машины и стал ли так рисковать?

— Извините, — обратилась Милославская к гадалке, — как.

Вас зовут?

— Вера Павловна, — оправившись, ответила та, — Ленгус. Я русская, пусть фамилия вас не пугает.

— Не пугает, — вздохнув, ответила Яна. — Вера Павловна, вы не могли бы показать фотографию вашего сына?

— Да-да, конечно, — утерев глаза, женщина скрылась в другой комнате и вскоре вернулась с маленьким альбомчиком в руках.

Она открыла его посередине и сказала гадалке:

— Вот последняя.

Милославская глянула и обомлела: Слава оказался полной противоположностью погибшего: белобрысый, с кукольными волосами и длинными сивыми ресницами, худощавый. Покойник же был смугл и довольно упитан.

— Вы счастливая женщина, — еле слышно пролепетала она.

Тем не менее Вера Павловна разобрала слова гадалки и горделиво, сквозь слезы, заявила:

— Да, у меня прекрасный сын.

На самом деле Яна имела в виду не это: Слава был жив, тогда как она его за несколько минут до этого готова была объявить трупом. Какова бы была реакция матери?!

Гадалка подумала, что ей очень повезло в том плане, что Вера Павловна оказалась очень доверчивым и открытым человеком. Ведь в противном случае она без помощи Руденко ничего бы не смогла узнать. Теперь же перед Милославской встало несколько загадок, главной из которых являлась связь со всем этим матери ее клиента. Все, разом обозначившиеся перед Яной вопросы, она намеревалась решить посредством той же открытости хозяйки квартиры.

— Как скоро я могу увидеть Славу? — спросила она, возвращая альбом хозяйке.

— О-ой... — протянула та, он только к обеду должен из командировки вернуться.

— Вот не везет так не везет, — пробормотала Милославская. — А вы не знаете, кто-то еще имел ключи от вашего гаража, или приятели вашего сына всегда к нему за ними приходили?

— Имел! Как же не имел? Глобус имел. Он там вообще как хозяин был. Ребятами-то они там все вечера проводили. Тогда еще муж мой жив был. Мотоцикл у нас был старенький. Чинил он его часто, а мальчишки, они технику-то любят, вот и крутились всегда возле Коли. Когда он умер, покуривать туда ходить стали, прятались от посторонних глаз, потом девчат водить. Не столько Слава, сколько дружки его. Гараж у нас теплый... Так вот и привыкли. Мужики уж, а привычка осталась.

— А что за Глобус? — спросила гадалка.

— Да, — махнула Вера Павловна рукой, — это приятель Славкин. Еще в школе ему прозвище такое дали, за то что голова у него странная какая-то, круглая, как шар, и большая. Сейчас даже и не вспомню, как зовут его. Только и называли его все: Глобус.

— А где он живет, знаете? — с надеждой спросила Милославская.

— Показать могу, — приглаживая волосы, таинственно произнесла Вера Павловна. — Пойдите сюда, — она поманила рукой гадалку. — Да не надо разуваться, пройдите, пройдите.

Женщина подозвала гостью к кухонному окну, а потом протянула:

— Во-он там дом видите?

— Какой?

— Да вон тот, девятиэтажный, за детским садом.

— Вижу.

— В этом доме.

— Но там же много квартир.

— Угловой подъезд.

— Ага, — понимающе кивнула гадалка.

— Первый этаж, повернете налево, квартира будет смотреть прямо на вас. Номера не знаю. Не обращала никогда внимания.

— Думаю, мне и этого будет достаточно, — сказала Милославская.

— Послушайте, — опустив глаза, произнесла Вера Павловна, — а машина что, угнанная?

— Нет, не угнанная, — не стала лукавить Милославская, — но чужая. И с историей темной связана.

— А! — ахнула, прикрыв рот ладонью, Вера Павловна. — Слава мой ничего не делал. Он хороший. Он добрый. Честный, — стала тараторить она, — Это дружки его не путевые.

Глобус чертов этот! Не работает нигде, сидит на материной шее. А та тянет на свою мизерную зарплату. Да и мать-то эта шалава, и брат его в тюрьме сидел, дурак-дураком!

— Верю, верю, — перебила хозяйку гадалка. — Мне нужно идти, простите.

Яна направилась к двери и вскоре уже стояла на подъездной площадке, дожидаясь лифта.

— Вы уж за Славу моего замолвите словечко, — закричала ей вслед Вера Павловна, когда двери кабины закрылись.

— Замолвлю, — вздохнув, произнесла гадалка.

Теперь она задумалась о том, не был ли этот злополучный Глобус тем трупом, который она имела несчастье видеть посреди дороги. Машина ему, судя по данной Верой Павловной характеристике, принадлежать вряд ли могла. А вот покататься желание, определенно, имелось. Одно не сходилось — голова трупа, по Янину мнению, нисколько не была похожа на глобус. Голова как голова, самая что ни наесть обычная.

Милославская вышла из подъезда и направилась к указанному дому. Глядя на него из окна, она предположила, что это близко, а идти между тем пришлось не менее десяти минут.

Гадалка поднялась по четверем бетонным ступенькам и вошла в темный сырой подъезд. Как и велела ей Вера Павловна, она сразу повернула налево. Взгляду ее предстала дверь, обитая черным дермантином. За дверью громко разговаривали. Вернее ругались. Два голоса, женский и мужской. «Хозяева дома», — заметила про себя Яна и нажала на белую кнопку звонка.

— Я не виноват! — кричал за дверью мужчина, отпирая замок.

Он распахнул дверь и, нахмурившись, посмотрел на гостью.

«Глобус!» — захотелось воскликнуть Милославской. Прозвище, данное этому молодому мужчине еще в детстве, оказалось удивительно точным.

— З-здравствуйте, — заикнувшись, сказала она.

— Здрасьте, — удивленно ответил тот.

Через плечо его выглянула полноватая женщина, которой на вид было за пятьдесят и которой так не шла броская косметика.

— Я из милиции, — опередила вопрос, стоящий в их глазах, гадалка.

— Что-о? — испуганно произнесли хозяева в один голос.

— Можно войти? — Яна старалась выглядеть смело.

— Войдите, — Глобус нехотя уступил дорогу.

— Я так и знала! — воскликнула женщина.

— Помолчи! — грубо набросился на нее Глобус.

— Что вы знали? — не упустила шанса спросить гадалка, которую пригласили пройти в одну из комнат.

Сын сердито посмотрел на мать. Их родственную связь Милославская легко определила по чисто внешним признакам: возрасту, схожести лиц, взаимоотношениям.

— Что случилось? — тревожно спросила женщина, игнорируя давящий взгляд Глобуса. — Что он натворил? Его забрали?

— Вы имеете в виду своего второго сына? — рискнула предположить гадалка.

Хозяева, испуганные, переглянулись.

— Что вы можете сказать по поводу «Жигулей» шестой модели, стоящих в гараже вашего друга Славы? — спросила Яна, глядя в глаза Глобусу.

Лицо того сразу заметно вытянулось.

— Ну? — строго надавила гадалка.

— Ничего не могу сказать. Стоят у него в гараже, — растерянно пробормотал он.

— А если уже не стоят? — многозначительно произнесла Милославская.

Глобус кинулся в прихожую и, сорвав с крючка олимпийку, стал шарить по ее карманам.

— Ключей нет! — в ужасе бросил он своей матери.

— Кроме Мишки никто не мог, — бледнея, шепотом проговорила та.

Глобус растерянно и зло сверкнул глазами.

— Прошу вас конкретнее говорить о ваших подозрениях, — сказала Милославская. — Боюсь, произошло непоправимое.

— Что? — прошептала мать.

— На загородной трассе произошла авария. «Жигули», стоящие некогда в гараже Ленгусов, изрядно пострадали. Их водитель...

— А! — женщина вскрикнула и закрыла глаза.

— Он мертв, — заключила гадалка.

— Это Миша? Он? Да? Говорите! — закричала мать Глобуса, беспомощно сжимая кулаки.

— Не знаю, — холодно отвечала Яна. — Я же не знаю вашего Мишу.

— Брат не ночевал дома, — тихо проговорил Глобус.

— А такого раньше не бывало? — усмехнувшись, произнесла Милославская.

— Последние два года нет. Он после тюрьмы решил новую жизнь начать.

— Покажите мне его фотографию, — сказала гадалка, решив применить испытанный уже сегодня метод.

— Вот, — указал Глобус на снимок, иголкой прикрепленный к обоям прямо над тем местом, где сидела Яна.

Милославская привстала. С фотографии смотрела на нее точная копия трупа. Своего возгласа гадалка сдержать не смогла.

ГЛАВА 6

— Пойдите! Я могу вам сказать еще несколько слов? — настойчиво спросила Милославская Глобуса, в глазах которого так ясно читалось недовольство дальнейшим пребыванием гадалки в их квартире.

— Вы не понимаете? — раздраженно произнес он. — Не понимаете, да?

— Понимаю, — перебила его Милославская, — понимаю даже больше, чем вы предполагаете. Мне самой пришлось пережить подобную трагедию, и потому я могу себе представить, что вы сейчас чувствуете, — голос Яны заметно дрогнул. — Тем не менее в интересах следствия я должна выяснить все подробности.

Гадалка и ее собеседник стояли в прихожей. Из соседней комнаты слышался стон, прерываемый тугими рыданиями. Мать Глобуса, по совету Милославской созвонившегося с органами по телефону 02, получила «приглашение» через 2–3 часа прибыть в морг на опознание трупа. Понимая, что убитая горем женщина в ее теперешнем состоянии не сможет никуда ехать в общественном транспорте, парень бросился было искать более подходящее средство передвижения: хотел договориться с кем-нибудь из знакомых. Он совсем, казалось, забыл, что в комнате находится посторонний человек, и Яне пришлось остановить его практически в дверях.

— Ну? — зло процедил он. — Что? Что вам надо?

— Насколько я понимаю, ваш брат угнал эти «Жигули»?

Глобус нервно подернул бровью.

— Угнал, угнал, — кивая, повторила гадалка. — Вытащил у вас ключи, доверенные вам приятелем. Захотел покататься или еще какая-нибудь надобность возникла...

Яна говорила твердо, пытаясь заглушить в себе все другие чувства.

Глобус ничего не отвечал ей, но по глазам его было видно, что Яна права.

— Я хотела бы знать, кому же принадлежит эта машина? — отчетливо проговорила Милославская.

Ей были известны данные о владельце, но найти его, получив информацию от Глобуса, можно было гораздо быстрее.

— Спросите у хозяина гаража! — огрызнулся парень и потянулся к дверной ручке.

Гадалке пришлось остановить его, потянув за рукав.

— Но ведь узнать это от вас я могу скорее, — убедительно произнесла она. — Вячеслав будет не скоро.

Глобус молчал.

— В конце концов отвечать на вопросы милиции — ваша обязанность, — продолжала Милославская, настойчиво глядя в лицо раскрасневшегося парня. — Или вы желаете своему другу, я имею в виду Славу, зла? «Жигули» — темная лошадка, замешанная в грязном деле.

— О Шланге слышали что-нибудь? — поворачивая ключ в замочной скважине, недовольно проговорил Глобус.

— Нет, — невольно усмехнувшись, ответила гадалка, — не имела счастья быть знакомой.

— У нас здесь рынок рядом, — парень кивнул куда-то влево.

— Шланг там всем заправляет. Бывает на месте часов... — Глобус задумался, — если сейчас пойдете, то не ошибетесь, — закончил он. — Где живет, не знаю. Сами там со всем остальным разбирайтесь. Его это машина.

Глобус открыл дверь и, не вызывая лифта, скоро стал спускаться по ступенькам. Гулко отдающиеся его шаги наполовину заглушались причитаниями матери, потерявшей непутевого, но от того не менее любимого ею сына.

Чувствуя себя совершенно разбитой, Милославская прислонилась к стене и тихо пробормотала:

— Боже мой! Глобусы, Шланги... Когда же все они закончатся? Надеюсь, Шланг и есть Осипов Юрий Иванович...

Она не имела представления, как, собственно говоря, станет отыскивать среди рынка, обыкновенно изобилующего людом, этого самого Шланга. Спрашивать о нем у торгующих, называя его не совсем ласковое прозвище, вполне справедливо казалось гадалке глупым. По фамилии-имени, судя по всему, его в этом кругу мало кто знал. Да и кто она такая, чтобы ее о нем сразу стали информировать? На базаре народ — тертый калач, они ментов за версту чуют и вряд ли без предоставления соответствующего документа поверят, что Милославская — сыщик, а если и поверят, не проявят радушия.

Да и если б Яна нашла этого Шланга, что ей следовало ему сказать, о чем спросить? Зачем она, собственно, хотела его разыскать? Сказать о своем видении? Мол, карты велели искать бабулю вокруг аварии с вашей машиной? Известно, куда бы он ее послал в этом случае.

Тем не менее жгучее внутреннее чувство заставляло гадалку идти на

поиски этого человека. Задумавшись, Милославская и не заметила, как машинально покинула квартиру Глобуса и очутилась на улице. Она огляделась. Навстречу ей по неширокому ухабистому тротуарчику смешно семенила сгорбившаяся старушка, беззвучно шевелившая губами. Чем ближе она подходила, тем больше и любопытнее прищурилась, приглядываясь к гадалке.

— А где тут у вас рынок? — невольно выпалила Яна.

— Вон туда иди, — старуха махнула рукой вправо и двинулась дальше, на ходу договаривая: — Там через три дома увидишь.

Бормоча что-то еще невнятное, бабулька скрылась в подъездной темноте.

На самом деле, обогнув несколько домов, Милославская издалека увидела торговые ряды. Правда, представляли они собой нечто иное, чем она поначалу представила. Четыре недлинных полосы железных прилавков, возле которых толпились люди, занимали не так уж много места, поэтому Яне показалось, что найти тут Шланга окажется не так уж и сложно.

Напротив базарчика, за трамвайными путями, находился небольшой парк, ставший наполовину диким, с заросшими сорняком клубами, нестриженными кустарниками и неметеными дорожками. Парку некогда присвоили громкое имя — Гагарина. Знал бы Гагарин, в космос бы не отправился.

Между двумя высокими раскидистыми вязами гадалка разглядела скамейку и решила обосноваться именно на ней: с этого места прекрасно просматривалась территория рынка. Перейдя трамвайную линию, Яна подошла к лавочке, смела сорванной веткой с нее пыль, мусор и присохший голубиный помет и присела на самый краешек.

Люди суетились у прилавков. Пьяные грузчики, едва удерживаясь на ногах, подкатывали то и дело к лоткам тяжелые телеги, груженные разным товаром, продавцы весело переговаривались между собой, порой отпуская колкие и не всегда приличные шутки, покупатели старательно выискивали покупки покачественней и подешевле разом.

Бомж, одетый не по сезону тепло, бродил туда-сюда с несмело протянутой рукой, а потом остановился, тоскливо поглядывая на пьющего из горла пиво прохожего, к которому он вскоре боязливо подошел и, стараясь выглядеть непомерно любезным, попросил проявить к себе великодушие и оставить «посуду». Прохожий с отвращением поморщился, потом, сделав последний глоток, поставил бутылку на землю, брезгуя отдавать ее бомжу в руки. Осчастливленный бродяга, расшаркиваясь,

поднял тару и, когда прохожий отошел немного, опрокинул бутылку и стал трясти ее над своей головой, с наслаждением ловя скупые капли, падающие из посуды на язык.

Две собаки с выдранными местами клоками шерсти, оскалившись, вертелись у лотков с ножками Буша и, облизываясь, провожали взглядами окорочка, отправляющиеся в сумки покупателей.

Нахальные воробьи, которых стая собралась там, где торговали семечками, орехами и прочей мелочью так и норовили что-нибудь стащить у заговорившихся торговков.

Толстая баба, цвет лица которой сливался с цветом разложенной на ее прилавке разносортной колбасы, ловко взвешивала придирчивой даме лет шестидесяти румяную цепь из аппетитных сосисок и при этом успевала вступить в разговор со следующим покупателем, тем самым не позволяя себе упустить клиента.

Милославская около получаса наблюдала за всем происходящим вблизи от нее. Ничего особенного не происходило, в то время как она по внешним признакам, манерам и прочему, присущим небезызвестной категории людей, рассчитывала сразу различить среди толпы Шланга. Яна надеялась, что обстоятельства сложатся в ее пользу, и она сможет поговорить с этим человеком об автомобиле. Хотя с чего начать и как направить разговор в нужное русло, чтобы не испортить дела, она за минуты ожидания так и не придумала. В конце концов, было неизвестно, Осипов ли это или еще какое-то третье лицо.

Сомнения и предположения терзали гадалку, и она, устав сидеть на одном месте, стала прогуливаться из стороны в сторону. Минуты бежали, и Милославская начинала нервничать. Вдруг она обратила внимание на то, что народ на противоположном конце базара с любопытством оглядывается куда-то в сторону, а некоторые, обернувшись, торопятся убраться восвояси.

Яна вытянула голову и пристально посмотрела вперед.

Несколько человек у угла видавшей виды девятиэтажки окружили одного, которого и разглядеть толком нельзя было. Вид у них был такой, что глядя на них казалось: убьет и не задумается.

Гадалка сразу заинтересовалась происходящим, а через несколько секунд сердце ее бешено заколотилось: один из собравшихся был метров двух ростом и очень худой, свесившиеся вдоль тела руки казались непомерно длинными. При этом в его фигуре, позе, выражении лица легко читалась угроза, а в выражении лиц остальных по отношению к нему — что-то среднее между уважением, страхом и подобострастием. Этому человеку, как показалось Милославской, вполне могли дать прозвище

Шланг.

Сначала Яна хотела как бы невзначай подойти поближе и, будто без всякой надобности проходя мимо, прислушаться, не проскользнет ли ожидаемое ею имя или прозвище. Но, сделав несколько шагов, она увидела, что обстановка в их кругу все более накалялась, мужчины громко спорили, вернее трое, перебивая друг друга, кричали, а один судорожно оправдывался, снизу вверх поглядывая на того, кого Милославская приняла за Шланга. Прохожие обходили эту свару стороной. Гадалка поняла, что, если пройдет вплотную к ссоре, ее любопытство может обернуться плачевно для расследования. Ведь до сих пор даже не обозначился кончик той ниточки, которая могла бы помочь найти пропавшую женщину, и действовать с подобными типами следовало очень осторожно. Дело, судя по всему, было очень путанным, и сейчас важно было не упустить то, за что можно было ухватиться.

Гадалка, несмотря ни на что, теперь была еще тверже уверена, что видение, призвавшее ее мчаться к месту аварии, не могло оказаться пустым и напрасным.

На углу небольшого коммерческого магазинчика, приютившегося на территории рынка, Яна неожиданно для самой себя с интересом заметила таксофон. Какой-то непонятный инстинкт заставил ее подойти ближе. В следующий миг она знала: надо звонить Руденко, без него ей тут не обойтись.

— Сема! — радостно закричала она, услышав в трубке знакомый голос, — Сема, это я!

— Ну? — холодно и даже недовольно ответил Три Семерки, очевидно, подозревая, что за радушием подружки кроется опять какая-нибудь полусумасшедшая просьба.

— Срочно приезжай! — выпалила Милославская, косо поглядывая на толпу, которая, казалось, становилась все агрессивней.

— Чего там у тебя?

— Тут сейчас драка, кажется, будет...

— Что? Ты что, издеваешься что ли? Я же не Робин Гуд, елки-палки! Драка будет... — Семен Семеныч передразнил подругу. — Думаешь, если мент, то должен все потасовки разруливать? Ну ты меня удиви-ила...

— Да нет, ты меня не понял. Хотя, конечно, я считаю, что милиция именно для того и существует, но сейчас разговор не об этом совсем. Я отыскала хозяина машины. Во всяком случае мне так кажется. Твои коллеги еще не кинулись на его поиски?

— Они еще с трупом никак не разберутся до конца. Сама знаешь,

столько бумажек разных надо написать! Хотя ребята его координаты уже установили.

— Ладно, — прервала Руденко Милославская. — Он, как мне думается, сейчас стоит всего в нескольких метрах от меня и, кажется, хочет накинуться на одного человека.

— Зачем? — протянул Три Семерки.

— Зачем-зачем, — сердито передразнила гадалка, — В глаз дать! Как тебе еще это объяснить?! Давай, дуй сюда, что-то мне этот тип не нравится.

— Почему? — Семен Семеныч хихикнул, так и не принимая слова Яны всерьез.

— Да гоблин какой-то.

— Хм, — усмехнулся Семен Семеныч, — гоблины никому не нравятся. Не арестую же я его за это!

— Не арестуешь. Но задержать-то можешь. Тем более повод есть, хотя для него и не вполне приятный — машины разбита.

— Яна, это не по моей части, ты же знаешь!

— Семен Семеныч, — умоляюще протянула Милославская. — Я же не Шланга ищу, а бабулю, в персоне которой ты очень может быть найдешь собственный интерес.

— Вот чертова баба! — выкрикнул Три Семерки, — Шут с тобой, еду. Только скажи, куда.

Яна коротко назвала координаты. Руденко обещал быть не позже чем через пятнадцать минут.

Милославская повесила трубку и стала нервно наблюдать за происходящим. Тот, кого она уже мысленно называла Шлангом, гневно что-то говорил зажатому в угол мужичку лет тридцати пяти. Потом длинный посмотрел на часы и, четко выговаривая какую-то фразу, стал грозить пальцем перепуганному «пленнику». Тот кивал, очевидно, со всем соглашаясь.

Затем собравшиеся расступились, дав перепуганному выйти из их окружения, сесть в старенькую «восьмерку» и уехать. Милославская боялась, что теперь они просто разойдутся. Однако ей повезло. Двое парней, высокие, плотные пошли куда-то вправо, а Шланг и еще один его сопровождающий стали неторопливо двигаться вдоль прилавков.

Продавцы засуетились, их гомон заметно поутих, хотя в целом рынок по-прежнему гудел. Шланг останавливался почти у каждого прилавка, говорил с торгующими, в основном, улыбаясь; где-то активно жестикулировал, где-то, судя по мимике и жестам, откровенно «наезжал». Яна предположила, что он станет сейчас собирать дань, но этого не

происходило.

Минут десять гадалка наблюдала за одной и той же картиной. Потом Шланг отослал куда-то своего приятеля, а сам, на удивление Яны, направился к той самой лавочке, где еще совсем недавно сидела она. Милославская находилась от него буквально в пятнадцати метрах.

Парень стал звонить по сотовому. За стуком колес приближающегося трамвая гадалка не могла разобрать ни слова и очень досадовала на это. Приблизиться она не решалась. «Спугну», — думала про себя, как будто этот человек уже был признан преступником.

Дело было не в Яниной трусости. Этим она никогда не страдала. Напротив, гадалка была склонна к очень смелым и рискованным поступкам. Просто Шланг был не один, а Милославская одна. Если б между ними сейчас же, тет-а-тет, и началась какая-то заварушка, тут же наверняка подоспели б и его товарищи, и тогда, возможно, — прощай, истина.

Шланг говорил достаточно неторопливо и долго. Яну это только радовало. Наконец, у противоположной стороны дороги она увидела знакомую руденковскую «шестерку». Семен Семеныч достаточно шустро выбрался из нее и стал глазами искать подругу.

Милославская поспешила ему навстречу.

— Семен Семеныч, — окликнула она его, не дойдя двух шагов, а подойдя ближе, тихо добавила: — скорей!

— Ну, что за шум, а драки нету? — пошутил он, проводя рукой по усам.

— Не до шуток, — оборвала Яна, — быстрее!

Гадалка кивнула в сторону Шланга, который сидел, облокотившись локтями на колени, и вполголоса произнесла:

— Я узнала, что машина принадлежит человеку по прозвищу Шланг, который хороводит этим базарчиком. Как думаешь, похож этот на шланг?

— Похож, — ответил Руденко, пожав плечами, а потом, нахмурившись, сердито спросил: — Так ты еще и личность подозреваемого не установила?

— Нет, — невинно ответила Яна.

— И у тебя хватило совести срывать меня с места?!

— Хватит тебе, Сема! Сердцем чую — наш человек.

— Ну, смотри, раз чуешь, — ответил Руденко, двинувшись вперед.

— Семен Семеныч, помни, — бросила ему на ходу гадалка, — главное — дела не испортить. Будь бдителен.

В этот момент сидящий на лавочке человек невольно посмотрел в

сторону Милославской и ее приятеля. С другой стороны его окликнули:

— Шла-анг, Шланг!

Шланг обернулся. Яне стало понятно, что это именно тот, кого она ищет. Три Семерки глянул на подругу и подмигнул ей.

Длинный вдруг поднялся со скамейки и собрался было идти на зов.

— Минутку, — окликнул его Три Семерки.

Шланг обернулся.

— Минутку, — повторил Руденко и машинально поправил козырек фуражки.

Лицо Шланга изобразило недовольство при виде милицейской формы, в которую был облачен Семен Семеныч. Тем не менее он махнул рукой тем, кто его звал, чтоб подождали, и остановился.

— Предъявите ваши документы, — отчетливо проговорил Семен Семеныч стандартную фразу.

— А в чем дело? — протяжно проговорил Шланг.

— На мой вопрос вы должны ответить только одним — предъявить документы.

— А если у меня их с собой нет?

— Тогда назовите себя.

— Для чего? — усмехнулся Шланг.

— Для выяснения обстоятельств одного происшествия, — вступила в разговор Милославская.

— Какого еще происшествия? — длинный нахмурился.

— Автокатастрофы, — не мешкая, ответила гадалка.

— Катастрофы?.. — Шланг посмотрел исподлобья, будто соображая, шутят с ним или говорят правду.

— Да-да, — подтвердила свои слова Яна.

— Но прежде присядем, — дополнил ее Три Семерки, — и прошу вас представиться. Раз уж нет документов... — Семен Семеныч глянул на Милославскую.

Шланг лениво вернулся к скамейке и, явно переступая через себя, проговорил:

— Осипов...

Сердце гадалки замерло.

— Юрий Иванович, — закончил длинный и как-то криво улыбнулся.

— Му-гу, — выразительно заметил Руденко.

— По прозвищу Шланг? — несколько смущаясь такого вопроса, произнесла гадалка.

— Ну, допустим, — видимо, оскорбленный фамильярным со стороны

Яны для себя обращением, протянул Осипов.

Милославская победоносно глянула на Три Семерки. Взгляд ее кричал: «Я же тебе говорила!»

В этот момент у угла коммерческого магазинчика, того самого, от которого Милославская недавно звонила Семену Семенычу, притормозил милицейский УАЗик. Трое сотрудников ППС вышли из него и, купив каждый по два больших стакана семечек у одной из торговек, стали о чем-то переговариваться с ней.

От глаз Осипова это не ускользнуло, и он как-то ехидно ухмыльнулся.

— Мы вынуждены вам сообщить, — кашлянув, начал Семен.

Семеныч, — что ваш автомобиль попал в аварию.

— Мой автомобиль? — с насмешкой произнес Шланг. — А на чем же я, по-вашему, сюда прибыл? Уж не ногами ли? — Шланг неестественно засмеялся. — А может, на троллейбусе? Ха! А что? Можно попробовать! Давно не испытывал таких экзотических ощущений!

— Хватит паясничать! — сердито прикрикнул на Осипова Три Семерки. — Вы с вами говорим вполне серьезно.

— «Жигули» шестой модели, — Милославская назвала номера машины, — принадлежат вам?

Шланг вдруг резко переменялся в лице и стал бегающими глазками смотреть то на Яну, то на Руденко, словно пытаясь понять, изволят они шутить или говорят правду. Приятели были одинаково серьезны, а Милославская к тому же для пущей убедительности решила утвердительно качнуть головой.

— Какие еще «Жигули»? — через несколько секунд с деланным удивлением заговорил Шланг, — Не знаю я никаких «Жигулей»!

Он явно искал глазами что-то или кого-то на территории рынка. Заметив это, Милославская настырно заслонила собой видимое Осипову пространство базарчика.

— Какие «Жигули» говорите? — насмешкой произнесла она. — А те самые, что стояли в гараже неподалеку отсюда, у вашего знакомого, Вячеслава. Он во-он в тех домах живет.

Лицо Осипова вытянулось. Такого поворота событий он не ожидал.

— Машина сейчас находится на стоянке ГАИ, и вы сможете забрать ее в удобное для вас время, — констатировал Три Семерки.

— Смогу забрать? — словно удивленный услышанным, повторил шланг.

— Ну она же ваша, — подтвердила гадалка.

Осипов ничего не сказал в ответ.

— Скажите, — не медля обратилась к нему Милославская, — а что вас толкнуло держать автомобиль в чужом гараже? Если теперь вы ездите на другом, почему не продать этот? Ведь вы им уже долгое время не пользуетесь... Да и человек вы не бедный, наверное. Вероятно, свой гараж имеете. А если нет, то стоянка, думаю, вам вполне по карману. Вон как они все вас тут слушаются, — гадалка кивнула на торговые ряды.

Шланг, видимо, не ожидал ни вопросов о «шестерке», ни такого напора со стороны собеседников. Не ожидали молниеносного поворота событий и Милославская с Руденко: Осипов вдруг с силой оттолкнул Яну и кулаком в лицо ударил Руденко. Гадалка споткнулась о небольшой земляной выступ позади себя и упала, беспомощно взмахнув в воздухе обеими руками. Семен Семеныч, совсем не предвкушавший столь агрессивной реакции, резко отшатнулся в сторону и, потеряв на лету форменную фуражку, свалился с края скамейки, на которую он присел во время разговора. Шланг же без оглядки рванул бежать вдоль крайнего ряда рынка.

— Держи-и-и! — неистово завопила Милославская, не успев подняться с ног.

Она быстрее Семена Семеныча сообразила, в чем дело, и готова была броситься в погоню.

На крик среагировали ребята из ППС, которые все еще точили лясы возле тетки с семечками. Увидев окровавленный нос капитана милиции Руденко, они мгновенно приняли состояние боеготовности: побросали кульки с семечками и схватились за кобуры пистолетов.

— Уйдет! Уйдет! — кричала с визгом гадалка, помогая подняться тяжелому приятелю, разорвавшему о конец скамьи китель.

Она махала рукой в сторону удаления Шланга, и милиционеры, быстро поняв ее, бросились вслед за ним. Осипов обогнул рынок и стал скрываться за тем самым углом, где еще недавно он заявлял о своих правах.

Быстро сообразив, что там беглеца ждет автомобиль, Руденко, поднявшийся на ноги, рванул к своей машине. Гадалка, выкрикивая на ходу: «Ну вот, я же тебе говорила!», прихрамывая, бежала за ним. Торгующие и покупатели, открыв рты, наблюдали за происходящим. Это были золотые минуты для карманников. Вполне возможно, что многие в эти мгновенья лишились кошельков.

Когда Семен Семеныч был уже за рулем, а Яна рядом с ним, из-за угла девятиэтажки со скрипом колес выскочила серебристая «Ауди». Один из милиционеров, выбежав на обочину дороги, стал палить по колесам. Продавцы ближайших палаток залезли под прилавки; покупатели с визгами

бросились кто-куда, на ходу готовые затоптать друг друга. Руденко нажал на газ и рванул наперерез «Ауди», которая, конечно, оказалась резвей его многострадальной «шестерки» и, ловко проскользнув между другим наставленным у рынка транспортом, влилась в неспешный поток машин, следующих мимо.

Поток был неспешным до конца поворота дороги, окаймляющей базарчик. Здесь всегда скапливалось много машин. Перекресток располагался в неудобном месте: рынок, десятки машин и толпа людей около него, пересекающая дорогу трамвайная линия. Как только поворот заканчивался, автомобили набирали скорость и начинали обгонять друг друга. Так поступил и Шланг на своей «Ауди».

Быстро уловив это взглядом, Три Семерки прибавил газу и, с гулом въехав на пригорок, ведущий к тротуару, двинулся прямо по нему, громко сигналив проходим. В какие-то секунды он поравнялся с «Ауди» и, казалось, готов был разорвать его водителя.

Милиционеры в это время тоже не медлили: они «оседлали» свой УАЗик и тоже помчались в погоню, включив сирену, которая призывала все остальные автомобили уступать им дорогу. Таким образом расстояние между ними и Осипов тоже быстро сократилось. Быть бы им героями этой переделки, если б Три Семерки не совершил невиданный до селе им самим трюк.

Обочина тротуара спускалась к дороге зеленым газоном, а сам тротуар был довольно высок по сравнению с шоссе. Понимая, что Шланг вот-вот уйдет — неподалеку был поворот, за которым простиралась широкая трасса, где можно было прокатиться с ветерком — Руденко неожиданно нажал на тормоза, сделал резкий поворот и стал, бороздя колесами газон, спускаться к дороге.

— Ай! А-а-а-а! Ай! — закричала гадалка, схватившись за ручку над дверью обеими руками.

«Шестерка», оставив в почве глубокие следы, с высокого бордюра, обрамляющего газон, грохнулась на дорогу, громко при этом звякнув о бетон днищем.

— Е! — воскликнул Руденко, втянув голову в плечи.

Он вывернул руль и поставил машину поперек дороги, едва не подставив ее бок новенькой сверкающей «Вольво», которая, к счастью, вовремя затормозила.

Шланг был двумя машинами позади этой иномарки. Увидев на пути преграду, он попытался сделать разворот, хотя движение в этой части шоссе и было односторонним. За трамвайным путем, расположившимся на

известняковой насыпи, была дорога в обратную сторону. Резко сдав назад и наполовину вывернув руль, в зеркало заднего видения беглец вдруг увидел, что его почти настиг милицейский УАЗик. Деваться Осипову было некуда. Если б не злополучный двухвагонный трамвай, который как раз поравнялся с ним, «Ауди», возможно, пересекла бы трамвайную линию, выскочила на полосу обратного движения и таким образом получила бы еще один шанс скрыться. Трамвай, увы, лишил ее этого шанса. Осипов бессильно упал на руль и закрыл глаза. Судя по всему, оказывать дальнейшее сопротивление он не собирался.

Семен Семеныч бросил «шестерку» посреди дороги и поспешил к «Ауди», держа на всякий случай руку на кобуре. Милославская торопливо последовала за ним. Сотрудники ППС, шокированные происходящим, поравнялись с иномаркой и предусмотрительно через громкоговоритель стали призывать Шланга покинуть машину. Тот лежал словно мертвый, и разъяренные менты решили применить силу.

— Выходи! — крикнул самый смелый из них, тот, что стрелял, приоткрыв дверь осиповского автомобиля.

Шланг приподнял голову и с ненавистью посмотрел на преследователя. Тот уцепил его за плечо и потянул на себя.

— Полегче! — сквозь зубы процедил Осипов и стал выбираться, пытаясь освободить свою руку.

Как только он оказался на улице, Руденко, в этот миг как раз подоспевший, скрутил Шлангу руки за спиной. Один из ментов протянул Семену Семенычу наручники, которые тут же защелкнулись на запястьях беглеца.

Три Семерки утер рукавом кровь, которая еще слабо сочилась у него из носа и, прищурившись, протянул, наклонившись к Осипову:

— Эх, как бы я щас тебе врезал!

— Вреж! — с жаром поддержал Семена Семеныча один из милиционеров.

Руденко огляделся и ответил:

— Слишком много зрителей.

На самом деле напротив, на тротуаре, собралась толпа зевак, да и машин скопилось предостаточно: дорога была перегорожена шестеркой Семена Семеныча, и никто не мог проехать вперед. Многие поэтому оказались зрителями поневоле.

— Убери машину, — посоветовал один из сотрудников ППС Руденко.

— Угу, — утвердительно буркнул тот в ответ и торопливо зашагал к своим «Жигулям».

Когда он вернулся, дружно смеющиеся по какому-то поводу менты в один голос спросили:

— Куда его?

Три Семерки посмотрел на Милославскую, отряхивающую запачканный при падении подол.

— В отдел, — невозмутимо ответила она и зло сверкнула глазами, глянув на Шланга.

В этот момент ей так хотелось ударить его, но она решила, как и всегда, соблюдать рамки приличия.

Осипова погрузили в УАЗик. Гадалка и Семен Семеныч поехали вслед за ним на «шестерке».

Когда ребята из ППС передали беглеца в другие руки, Руденко, возглавляющий теперь конвой, деловито сказал им:

— Я обязательно доложу о вас.

— Да уж не забудьте, — шутливо ответили они ему.

Когда Шланга вели по коридору, Три Семерки погонял его едкими шуточками, а тот предпочитал молчать в ответ, наверное, соображая, как быть дальше.

Милославскую более чем удивило поведение Осипова. Она понятия не имела, чем объяснить его бурную реакцию. Почему он вдруг кинулся в бегство? Этого Яна не знала. Зато теперь она еще больше утвердилась во мнении, что карты ненапрасно привели ее к месту аварии. Рыльце Шланга наверняка было в пушку. В эти минуты гадалке казалось, что она в двух шагах от разгадки исчезновения матери ее клиента.

Усевшись сбоку от Осипова, она смотрела на него уверенно и дерзко, полная надежд на лучшее.

Семен Семеныч, грузно опустившись на скрипнувший стул, закурил, и гадалка с удовольствием поддержала его. В эту минуту она почему-то вспомнила о Джемме.

— Вам повезло, — с усмешкой сказала она Осипову.

В ответ он даже не поднял глаз.

— Вам повезло, что я сегодня не взяла с собой свою собаку, азиатскую овчарку Джемму, — Милославская на мгновение замолчала, — за тот удар, что вы мне нанесли, она бы порвала вас в клочья.

— Жаль, что я не вломил тебе сильнее, — криво улыбнувшись, ответил Шланг.

— А вот хамить не стоит, — с издевательским добродушием заметил Семен Семеныч, — Ваша дальнейшая судьба теперь зависит от нас.

— С какого перепугу? — усмехнулся Шланг.

— Ну, во-первых, вы оказали сопротивление сотруднику милиции, — вздохнув, констатировал Руденко. — Экспертизу мы непременно произведем, — добавил он, соскрябывая ногтем с рукава засохшую кровь. — А во-вторых, мы имеем необходимость задать вам ряд вопросов.

— Ни на какие вопросы я без адвоката отвечать не буду! — воскликнул Осипов.

— Ой-е-е-ей! — парировал Семен Семеныч. — Какие мы важные! Вы не в Америке, друг мой, и не на съемках телефильма.

— Я вам все сказал, — твердо произнес Осипов.

Тем не менее Милославская и Руденко принялись наперебой задавать Осипову вопросы о разбитой «шестерке» и о том, почему он бросился убежать от них. Шланг сначала молчал, а потом заговорил. Только толку от этого было мало. Он стал отрицать, что имеет отношение к «какой-то там» шестерке.

— Помилуйте, это глупо, — протянул, покачивая головой Семен Семеныч. — Это уже установленный факт.

Слова Руденко на Осипова не подействовали. Казалось, он делал все, чтобы хоть как-то протянуть время. Милославская в этот момент неимоверно жалела, что не может применить карты: она слишком недавно воспользовалась ими и теперь просто не находила достаточных сил. При ином положении дел она, конечно, имела бы больше шансов вывести беглеца на чистую воду. «Земные» силы сейчас ей не могли в этом помочь. Разговор слишком быстро зашел в тупик и разъяренный Руденко, с трудом сдерживая взрыв гнева, сухо произнес, глядя прямо в лицо Осипову:

— Я думаю, вам следует собраться с мыслями. Взвесьте все как следует. Только учтите, камера, в которой вы сейчас окажетесь, — не курорт. Может, передумаете?

Шланг в ответ ядовито усмехнулся. «Что же он скрывает?» — с разгоревшимся чувством любопытства подумала про себя Яна.

Руденко поднялся со своего места и, выглянув за дверь, позвал кого-то. В следующий же миг в кабинет зашли двое милиционеров, которые, не церемонясь, помогли Шлангу удалиться. Он сначала выкрикивал громкие фразы о неправомерности действий в отношении него, а потом из его уст посыпался отборный мат и угрозы.

Семен Семеныч прикрыл за арестантом дверь и с тяжелым вздохом плюхнулся на стул, который от этого жалобно скрипнул.

— М-да, — многозначительно протянул он, закуривая.

— Я говорила, что это серьезно, — пожав плечами, произнесла Яна.

— Говорила-то говорила, — снова вздохнув, ответил Три.

Семерки, — только вот до сих пор непонятно, почему он так себя повел.

— Неслучайно!

— Ясное дело, — усмехнулся Руденко.

— Не расстраивайся, Семен Семеныч, — подняв вверх правую ладонь, уверенно произнесла гадалка, — мы его все равно раскусим.

— Возможно и даже скорее всего. Только вот что: ты сейчас поезжай домой, отдохни.

— Но... — попыталась возразить Милославская.

— У меня сейчас другой работы полно, — перебил Три Семерки, — да и тип этот в профилактических мерах нуждается. Обработаем его, а тогда и правды легче добиться будет. Может, он часом позже и сам смекнет, что с нами лучше дружить.

— Твои доводы весьма убедительны, — с иронией произнесла гадалка и глянула на часы.

— Пожалуй, я и на самом деле пойду, — добавила она минутой позже, понимая, что действительно нет смысла торчать в отделе и дальше.

— Я знал, что мы договоримся, — шутливо заметил Семен Семеныч.

— Надеюсь, ты будешь держать меня в курсе дела? — поднимаясь с места и перекидывая сумочку через плечо, спросила Милославская.

— А как же?! — с притворным пафосом парировал ей приятель.

— Ну тогда до встречи?

— Ауф видерзеен, — Три Семерки игриво помахал подруге рукой.

Яне не очень нравилось, что Руденко все превращал в шутку.

Ей самой дело казалось очень серьезным и требующим безотлагательных действий. Но все же она знала, что на.

Семена Семеныча можно положиться, а потому на ее сердце не было тяжелого чувства неудовлетворенности, когда он покидала его кабинет.

Оказавшись на улице, Милославская машинально еще раз прокрутила в голове произошедшее и только теперь окончательно осознала, насколько непредсказуемо и быстро развивались события. В столь небольшой промежуток времени произошло так много, что оставалось только удивляться. Вся жизнь в те часы словно оставалась где-то за бортом, и ничего не было, кроме поисков и погони.

Яна не спеша брела по тротуару и с удовлетворением пленника, очутившегося на свободе, замечала, что все идет своим чередом. Все также куда-то торопились прохожие, птицы дружно щебетали о чем-то, перешептывалась листва, колеблемая порывами ветра — жизнь продолжалась, и ничего не было главнее этого.

Наверное, впервые за этот день гадалка прислушалась к себе, к своим ощущениям, к своим капризам. Она вдруг почувствовала, что ужасно голодна, и аромат горячего хот-дога, выплывающий из уличного кафе, отозвался в ее желудке жутким неприлично громким урчанием.

Гадалка не очень-то любила такие забегаловки, особенно находящиеся возле дорог, где, оглушаемой гулом транспорта, невозможно было отдохнуть и расслабиться. Вопреки искушению, всерьез наступающему на горло, она решила ускорить шаг и подыскать что-нибудь более для ее теперешнего состояния подходящее. По воспоминаниям Яны, оно находилось совсем недалеко отсюда.

Небольшой ресторанчик «Сибиряк» с высоким крыльцом, обрамленным коваными узорчатыми перилами, встретил гадалку головокружительным грибным ароматом. Яна сглотнула в миг скопившуюся слюну и уселась за столик. Возле нее сразу же появился вышколенный официант и протянул папку с меню. Не долго думая Милославская остановила выбор на стейке с грибами и рисом и, прикурив сигарету, стала ожидать своего заказа.

Как бы не затуманивало гадалке голову еще круче подступившее теперь чувство голода, мысли о ведомом ею деле никак не давали ей покоя. Она все думала о Шланге, о том, каким образом он мог быть причастен к исчезновению пожилой женщины и том, чем, предположительно, все это могло закончиться. Гадалка несколько раз пыталась мысленно отвлечься, но у нее это не получалось, пока наконец овейанное легким дымком блюдо не появилось на ее столике.

Яна всегда уважала в кулинарии изысканность, а теперь она ей показалась особенно ценной. Отварная смесь длиннозерного и дикого риса была окружена отдельно обжаренными стейками, грибами, луком и тимьяном, в которые был добавлен физалис.

Коротко поблагодарив официанта, Милославская приступила к трапезе. Помимо горячего, она заказала бутылку белого сухого вина, которым и предупредила одновременно оригинальную и сытную пищу. Приятное тепло быстро растеклось по всему телу, заставив зарумяниться бледные от усталости щеки гадалки.

Яна с особым удовлетворением накалывала кончиками вилки золотистые лисички и аппетитные шампиньоны и, отправляя их в рот, чувствовала себя подлинным гурманом.

Гадалка с удовольствием попробовала бы и филе семги с грибами под горчичным соусом, и гnocчи с грибами, и пирог с шампиньонами, которыми славился этот ресторанчик и которые она еще не имела

удовольствия отведать, но она была сыта одним блюдом и взяла себе на заметку эти кушанья на будущее.

ГЛАВА 7

— Джемма! Красавица моя! — вытянув губы, протянула Милославская и потербила по холке вставшую на задние лапы и уперевшуюся передними в плечи хозяйке овчарку.

Джемма, соскучившись, весело виляла хвостом и преданно смотрела в глаза гадалке, которую рада была видеть целой и невредимой. Наверное, собака чувствовала, что в минувшие часы над Милославской висела какая-то опасность, а потому несколькими минутами позже, когда Яна, торопливо скинув обувь, плюхнулась в кресло, Джемма, поскуливая, прижалась к ее ногам и на уговоры лечь где-нибудь в сторонке никак не реагировала.

В миске собаки еще оставался корм и поэтому Яна, которой больше не о чем было беспокоиться, сваленная усталостью, сомкнула веки и скоро забылась сном.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда Милославская вдруг стала чувствовать ноющую боль в спине, заставившую ее проснуться. Не открывая глаз, на ощупь, она перебралась в свою спальню и, прямо на пол побросав одежду, неуклюже забралась на постель. Джемма преданно ее сопровождала, но посягательства на постель хозяйки тем не менее себе не позволила и калачиком свернулась у ее основания, накрыв собой небрежно раскиданные вещи.

Сон снова быстро охватил гадалку. Бессвязные картины, одна сменяя другую, стали мелькать в ее воображении. Предложения, возникающие в мышлении, обрывались, не выстроившись до конца, а вслед за ними выплывали новые, уже совершенно о другом, нелепые и пустые.

Милославская вряд ли сама бы ответила, сколько времени она провела в таком состоянии полусна-полудремы, однако забыться по-настоящему глубоко ей не удалось: телефонный звонок разбудил ее.

— Какого черта! — сев на кровати и плетью свесив руки, пробормотала она.

Телефон все звонил и звонил, и Яне пришлось подняться и взять трубку.

— Да, — хрипло произнесла она.

— Спишь что ли? Время ли? — раздалось в трубке с упреком.

Милославская узнала голос Руденко, но по традиции спросила:

— Ты Семен Семеныч?

— Кто же еще? — весело ответил тот.

Настроение у приятеля было приподнятое, но этому могли способствовать не успехи в работе, а рюмка-другая его излюбленного портвейна, поэтому гадалка не стала интересоваться причинами веселья, а без притворного радушия, позевывая, лениво протянула:

— Ну? Что тебе?

— Ты сидишь? — усмехнувшись, спросил Руденко.

— Ну сижу, — ничего не понимая, ответила гадалка, которая при этом бессильно откинулась на подушку и готова была тут же заснуть.

— Это хорошо, а то упасть можно! — продолжал Три Семерки.

— Семен Семеныч, ну что ты чушь какую-то несешь! — возмущенно и одновременно как-то сонливо-безразлично произнесла Яна.

— Закрой глаза и представь, что это тебе чудится, потому что на явь это не похоже, — загадочно продолжал Руденко.

— Я их еще не открывала, — усмехнувшись, ответила гадалка.

— Тьфу ты, е! — с горячностью воскликнул Семен Семеныч. — Так ты все еще спишь что ли?

— Му-гу, — еле слышно ответила гадалка.

— Ну спи тогда, сейчас приеду, разбужу. Без толку тебе сейчас все рассказывать, все равно не поймешь!

Руденко бросил трубку, и Яна даже не успела возразить. Ей до смерти не хотелось сейчас принимать гостей, даже таких близких, как Семен Семеныч. Тем более, что он, вероятней всего, был пьян, и ему просто требовался понимающий собеседник, который бы не просто безропотно слушал саги о его служебных похождениях, но и активно включался в разговор. Маргарита Ивановна, жена Руденко, ничего в этом не смыслила, а потому и на данную роль не подходила, а вот Яна, напротив, казалась в этом плане Семену Семенычу объектом вполне достойным.

— И чего ему только надо?! — недовольно пробормотала Милославская и, с головой накрывшись одеялом и поджав под себя ноги, попыталась снова уснуть.

Мерное тиканье часов и безмятежное посапыванье собаки помогли ей в этом, хотя обычно, однажды разбуженная, гадалка спала уже плохо.

Через час с небольшим лязганье щеколды известило хозяйку дома о прибытии гостя. Джемма залаяла.

— Тихо, — спокойно сказала ей гадалка, лениво приподнимая голову, — это наш обожаемый Семен Семеныч.

Минутой позже выглянув из-за занавески, она убедилась в этом. Накинув первый попавшийся халат и всунув у порога в ноги в старые, отжившие свой век шлепанцы, Милославская неспешно побрела к калитке.

На улице, облокотившись о капот машины, стоял и покуривал Три Семерки.

— Сема, ты страх что ли потерял? Пьяный за рулем... — с укором произнесла гадалка, глядя в наступившей темноте на друга.

— Кто пьяный? Я? — Руденко приблизился к приятельнице и всем нутром дыхнул на нее.

Яну обдало смесью табака, дешевого одеколona и недавно съеденных полуфабрикатов. Запах был отвратительный, но алкоголя в этом букете точно не было.

Сознание гадалки сразу прояснилось.

— Так ты чего? — удивленно протянула она.

— Я, конечно, тороплюсь домой, но, может, ты все же пригласишь меня войти? — Три Семерки затушил сигарету.

Милославская отстранилась и освободила проход во двор. Руденко деловито кашлянул, поправил зачем-то козырек фуражки, затем привычно провел рукой по усам и замаршировал по двору.

Войдя в дом, он поприветствовал взглядом Джемму, что-то пробормотал себе под нос, теребя ее по шерсти, а затем прошел в кухню и, поджав под себя одну ногу, уселся за столом на широкой массивной табуретке. Милославская стояла в дверном проходе и удивленно глядела на него.

— Ты сядь, сядь, — сказал он ей, жестом приглашая к столу.

— Сем, ты чего? — в очередной раз позевывая, спросила Яна.

— Упасть можно, я же тебе говорил.

— Хм, — недоверчиво произнесла гадалка и присела на угол мягкого диванчика. — Давай только покороче, — закрыв слипающиеся ото сна глаза, сказала она.

— Как скажешь, — Три Семерки пожал плечами. — Раскололся твой Шланг, как гнилой орех.

— Что? — думая, что ослышалась, переспросила Яна.

— Ты же просила короче.

— Да я вообще не могу понять, о чем ты, — гадалка потрясла головой и протерла кулаком правый глаз.

— Господи боже мой! — удрученно протянул Руденко, — Ты о сегодняшних происшествиях-то помнишь?

— Ты меня за дуру совершенную что ли держишь? — с обидой парировала гадалка.

— Этот, как его там, Осипов, теперь для нас прочитанная книга.

— Как так?!

— А так. Опера наши постарались. Не зря их так называют! Ребята работаю о-пе-ра-тив-но!!!

— То есть?

— Тьфу ты, е мое! Ты сегодня проснешься или нет?!

— Да ты говори яснее, а то все полунамеки дурацкие какие-то!

— Слушай, — поморщившись, спокойно сказал Семен Семеныч, — давай на полтона ниже, а? А то мы так не знаю до чего договоримся, а я спешу в конце концов.

— Ладно, ладно, — кивая, ответила Милославская, понимая, что между ней и приятелем действительно идет бессмысленная перебранка.

— В общем, стали наши ребята, опера, как я сказал, пробивать по своим каналам этого Осипова, — Семен Семеныч многозначительно замолчал.

— Ну и? — нетерпеливо спросила гадалка, начиная, наконец соображать, к чему клонил Руденко и что у него на самом деле имеется повод для хорошего настроения и столь припозднившегося визита к ней.

— Стали пробивать по каналам, — продолжил, сглатывая слюну, Три Семерки, — а параллельно я и два мои товарища вели с ним разъяснительно-выяснительную работу. Ну, ты меня понимаешь...

— Дальше, дальше! — с полумольбой-полуупреком воскликнула гадалка.

— В общем, результат дознаний и поисков всех нас очень удивил и одновременно... обрадовал.

— Обрадовал?.. Он во всем сознался? Машина его?

— Правильно, но холодно, холодно, Яна Борисовна, бери глубже!

— Что... — несмело предположила гадалка, — что-нибудь стало известно о моей бабуле? — так Милославская назвала канувшую в Лету мать своего клиента. — Неужели?! — широко раскрыв глаза, прошептала она.

— Тьфу ты, черт! — Руденко с досадой поморщился. — Да на хрена мне твоя бабуля?! Не моя это линия, понимаешь, не моя! Чем смогу — помогу, конечно, но вообще все это несерьезно!

— Как же, Сема? Ради чего, я, собственно говоря, Шланга-то преследовала?

— Преследовала... — Семен Семеныч усмехнулся. — Тут такие дела, такие повороты! А она с бабкой какой-то!.. — Руденко разгоряченно встал и начал ходить по кухне.

— Бабка — тоже человек, Семен Семеныч, — тихо произнесла Яна. — Че-ло-век пропал, понимаешь ты это? Сам ведь дедом через пяток лет

будешь...

— Так уж и через пяток? Не торопи события...

Руденко закурил, а потом, искоса взглянув на подругу и видя, что она в полном недоумении, смягчил тон и сказал:

— Помнишь я как-то тебе рассказывал о дерзком убийстве в Солнечном?

— Каким именно? — без энтузиазма переспросила Милославская.

— Ну, бизнесмена одного замочили прямо у подъезда его собственного дома, светло еще довольно было, портфель отняли с деньгами. Нам тогда еще выговора многим объявили... Ну, помнишь что ли?

— Ну помню, — Яна, казалось, окончательно запуталась.

— Так вот. Мы давно собрали информацию, правда очень скудную, о подозреваемом в убийстве. Он оставил кое-какие следы. На этих собранных крохах все и остановилось. Не могли найти его и все. Все окружение трупа перетрясли, у всех алиби, никто из них на роль убийцы не подходил. Да и богатые они все, черти, а тут ограбление. Сумма для наших толстосумов небольшая, хотя для простого смертного, конечно, значительная. В общем, стали беседовать со Шлангом, там слово за слово, не стану я тебе все подряд рассказывать, короче, кое-какие детали проскользнули в его словах, которые заставили ребят снова поднять то дело, об убийстве в Солнечном.

— И?..

— Он убийца.

— Кто?

— Шланг твой. И машину, «шестерку» прятал, потому что в день убийства она его за углом ждала. Боялся, что ее уже ищут.

— Как?!

— А вот так.

— У нас появились неоспоримые доказательства, отпечатки пальцев совпали и другое многое, да и сам он раскололся в итоге!

— Ничего не понимаю, — задавленная внезапно обрушившейся информацией, пробормотала Яна.

— Осипов Юрий Иванович, — отчетливо проговорил Руденко, — убил Ермакова Дмитрия Алексеевича с целью ограбления и из личной неприязни, которую он испытывал после одной стычки с Ермаковым. Второе, возможно, сыграло большую роль, чем первое, так как сам он обеспечен вполне. Мы сразу не столкнулись с его персоной, потому что он не входил в тесный круг общения Ермакова, не был ему должен, и Ермаков не задолжал никому, никто не говорил о конфликте, если произошедшую

мелкую ссору можно так назвать, Ермакова с этим человеком. Они и виделись-то несколько раз, Шланг об этом человеке и знал-то больше понаслышке. Но думаю, тебя эти тонкости мало интересуют?

— На самом деле, — задумчиво и глядя в одну точку, тихо проговорила гадалка.

Она все пыталась переварить ту массу новостей, с которой обрушился на нее Семен Семеныч. Самое главное, Милославская не могла определить, какое место во всей этой истории могла занимать пропавшая женщина и кредитор, которого она, явившись на место аварии по совету карт, и пыталась найти. Многое, что открыла перед нею и Семеном Семенычем эта авария, но то, что гадалка искала, по-прежнему было покрыто мраком.

Именно оттого в этот момент Милославская не испытывала ни капли удовлетворения от проделанной ею и Руденко работы и тем более не разделяла радостного настроения своего приятеля. Хорошо, конечно, что Шланг будет наказан, неприятный он тип все-таки, но ей-то от этого какая польза. Приятно, конечно, что нанесенная гадалке обида отомщена — ударить женщину — это так низко. За Три Семерки тоже приятно — на работе похвалят. А дальше-то куда двигаться? Неужели это тупик?

— Ну ладно, поздно уже, — хрипло проговорил Семен Семеныч, — Маргарита теперь вся уж испереживалась, — Руденко отвел немного руку и глянул на часы, — Да и тебя я ото сна оторвал. Устала небось за день?

— Устала, — апатично ответила Милославская.

— Эх, бывают же в жизни счастливые минуты! — воскликнул.

Три Семерки, прихлопнув себя по бедру, и направился к двери. — Ладно, пойду, — сказал он, — увидимся. Может, даже завтра. Хочешь, в отдел приезжай, узнаешь все поподробнее, в бумажках там пороешься, авось и найдешь ниточку, которая приведет тебя к бабуся. Ведь карты не могли тебя бросить в этот омут напрасно, а? — Руденко прищурился и рассмеялся.

— Сема, я тебя умоляю, — с досадой протянула гадалка.

— Ладно, ладно, прости, — сказал Три Семерки, обняв подругу за плечо и прижав немного ее к себе. — Благодарен тебе безумно! Если бы не ты!..

Яна ничего не сказала, отстранилась, и приятели направились в выходу. Руденко шел впереди и что-то напевал себе под нос. Милославская остановилась в калитке, ожидая, когда Семен Семеныч усядется за руль. Открыв дверцу, он обернулся на гадалку и крикнул ей:

— Да, кстати, я тебе забыл сказать. Убитый-то этот тоже хорош. Не разобрались пока с какой целью, но жил он по двум паспортам. У нас в

документах везде фигурирует как Ермаков, а тут выяснилось, что он еще и Мухаев. Которая из этих его настоящая фамилия, не знаем, но думаю...

— Мухаев? — перебила приятеля Милославская. — Мухаев, ты говоришь?

— Ну да, — удивленно подтвердил Три Семерки.

— Эврика! — неожиданно громко воскликнула Яна.

— Что? Ты что? — забормотал в изумлении Руденко.

— Да это же фамилия кредитора! — размахивая руками, закричала гадалка.

— Какого еще кредитора?

— Неважно. Давно, ты говоришь, он убит?

Семен Семеныч назвал дату.

— Да-да, он не мог быть к этому причастен.

— Объясни наконец! — Три Семерки снова приблизился к подруге.

Он коротко поведала ему о найденной расписке. Оказалось, что и указанное в ней имя-отчество совпадает с именем-отчеством убитого.

— Это он, понимаешь? — восклицала гадалка, впавшая в какую-то эйфорию. Ведь она уже и не надеялась на прояснение обстоятельств.

— Понимаю, — нахмурившись, ответил Руденко, который, судя по всему, понимал мало.

— А ладно, — махнув рукой, проговорила Милославская, — потом поймешь. Поезжай, супруга твоя волнуется.

— Да-да, волнуется, рассеянно пробормотал Семен Семеныч и сел за руль.

Гадалка захлопнула калитку и почти вприпрыжку отправилась в дом. Она радостно откинулась на кровать и еще раз взвесила новые факты. Наконец, стало ясно, зачем карты показали ей эту аварию. Довольно витиеватый путь, но ничего, в конце-концов результат положительный. А положительный ли? В этом гадалка уже через пару минут стала сомневаться. Если Мухаев-Ермаков убит довольно задолго до исчезновения матери Синявского, то значит кредитор не мог иметь отношение к ее исчезновению и значит она, Яна Борисовна Милославская пошла по ложному пути.

«Господи, как все запутанно», — прошептала она. Где теперь искать концы этой истории, гадалка не знала. Около получаса промучавшись разными соображениями, она решила отбросить их все до утра, а утром связаться с Синявским. Возможно, у него появилось что-нибудь новенькое. В конце-концов утро вечера мудренее.

ГЛАВА 8

— Здравствуйте, Виктор, — сказала Милославская, когда Синявский распахнул перед ней калитку.

— О! — воскликнул он, удивленно и обрадованно, — Яна Борисовна, а я уж думал... Ну что же вы, проходите, проходите.

Гадалка проследовала за Синявским в дом, где сразу чувствовалось отсутствие женских рук: Виктор, судя по всему, по комнатам ходил, не разуваясь, и весь пол был утоптан большими следами, оставленными его ботинками; пыль, за время отсутствия хозяйки покрывшая мебель, теперь стала еще заметнее; по залу, в который прошла Яна и ее клиент, были разбросаны кое-какие вещи Виктора; покрывало на диване все смялось; на журнальном столике стояла грязная тарелка, покрытая тонким слоем застывшего жира, а вокруг нее рассыпались очерствевшие хлебные крошки.

— Присаживайтесь, — сказал Синявский, убирая с кресла пару своих грязных носков. — Где вы? Как вы? Я не мог дозвониться и дома вас не застал.

— У вас какие-нибудь новости? — спросила гадалка, присев.

— Нет, ничего, — мрачно ответил Виктор.

— Тогда давайте все по порядку, — Милославская вздохнула.

— Может быть, кофе? — предложил ей клиент.

— Пожалуй, только без сахара.

Виктор удалился, и Яна несколько минут провела в одиночестве. Она думала, с чего начать свой рассказ и как действовать дальше. Поскольку никаких новостей у Синявского не было, а значит, не было и никаких новых зацепок, теперь опять основные надежды гадалка возлагала на карты, которые предусмотрительно захватила с собой.

Когда Синявский вернулся и единомышленники принялись за кофе, Милославская поведала ему историю своих недавних походов, судя по реакции клиента придавшую ей веса в его глазах. Вопреки ожиданию Яны, Виктор несколько не расстроился, что действия в этом направлении оказались ошибочными, а наоборот, обрадовался. Для него такой поворот дела означал одно — есть еще надежда на то, что его мать жива. Да и в профессионализме гадалки теперь он был убежден куда больше.

Гадалке такое настроение клиента было только на руку, так как эмоции, особенно отрицательные, всегда мешали делу.

— Какие у вас теперь планы? — обратился к ней Синявский.

— Хочу попросить помощи у карты «Взгляд в прошлое».

— Наверное, так и надо сделать. Теперь я больше верю в дееспособность ваших карт, — ответил Виктор, глядя на Яну исподлобья.

— Спасибо за комплимент, — сухо ответила гадалка.

Допив кофе, благословленная одобрением клиента, она достала колоду и вытащила из нее названную карту. Лестница, извивающаяся серпантинном, изображалась на ней. Она уходила высоко вверх и скрывалась в глубинах черного человеческого зрачка.

— Если я отключусь, не пугайтесь, — улыбаясь, предупредила Милославская, видя, что Виктор не знает, как себя вести.

— Как скажете, — ответил он. — Какие признаки мне считать опасными? — Синявский пытался выглядеть весело.

— Не говорите ерунды, все будет хорошо.

Гадалка села поудобнее и положила ладонь на карту. Она сконцентрировала всю свою энергию и волю на одном вопросе: какие события предшествовали исчезновению матери Синявского.

Виктор самозабвенно смотрел на Милославскую, затаив дыхание.

Он в этот момент опасался за ее жизнь и одновременно больше всего на свете желал, чтобы Яна, неважно какими жертвами, но указала, где находится исчезнувшая женщина, что с ней. Если б он был верующим, то в эти минуты горячо бы молился, а так оставалось только ждать, что на этот раз преподнесет гаданье.

Милославская сначала смотрела в одну точку, потом постепенно стала смыкать веки, пока наконец совсем не закрыла глаза. В следующие минуты она была похожа просто на спящего человека, и никакие признаки не выдавали того, что свершается какое-то таинство. В один из моментов, Синявский грешным делом подумал, что у гадалки ничего не получилось, и, чтобы не расстраиваться сильно, она решила вздремнуть. Однако Яна буквально через пять минут дала знать о своей жизнеспособности глубоким вздохом и словами:

— Дайте воды.

Синявский быстро зашаркал башмаками и вскоре появился перед гостьей с бокалом минералки.

— Спасибо, — произнесла Яна, возвращая пустой бокал.

Она все еще не открывала глаз, и Виктор понял, что ему следует подождать. Терпения для этого у него не хватало, и он принялся расхаживать по комнате, временами бросая на гадалку хмурые взгляды.

Еще через некоторое время Милославская оклемалась. Синявский

сразу же присел рядом.

— Ну что? — взволнованно спросил он. — Что с ней случилось?

— С ней? — ответила гадалка. — Не знаю.

— Как, карты ни о чем не сказали вам?

— Сказали. Только я пока не знаю, как это относится к делу.

Виктор смотрел умоляюще, и Яна поспешила все ему объяснить.

— Видение кружило меня по улицам города, — начала она, — знакомым и не очень. Это продолжалось до тех пор, пока все не остановилось на одном месте. Где это именно, я не могу сказать, но я точно там была, то место мне известно. Понимаете?

Синявский неуверенно кивнул.

— Сначала я не могла понять, что к чему, — продолжала Милославская, но потом вдруг сообразила, что карта обращает мое внимание на одно только здание, а не на всю улицу.

Над входом в это здание была вывеска «Нотариальная контора».

— Какое это имеет отношение к моей матери? — удивился Виктор.

— Не знаю, — Милославская пожала плечами.

— И что делать-то теперь?

— Думаю, надо разыскать это здание.

— А потом?

— А там видно будет.

— Да? Вы так считаете? — неуверенно пробормотал мужчина.

— Да, я так считаю. Ну что, я еду? — гадалка смело посмотрела на своего клиента.

— Прямо сейчас?

— Ну... Наверное, нет смысла откладывать, тем более что время как всегда драгоценно.

— А я как же?

— А вы здесь останьтесь.

— Да я скоро с ума сойду!

— А вдруг что-то новое выяснится? Будьте дома.

— Но вы хотя бы не пропадете надолго?

— А разве я надолго пропадала? — Яна улыбнулась.

— Да, — невозмутимо произнес Виктор.

— Просто для вас сейчас минуты слишком медленно тянутся.

— Да, наверное, — Синявский согласился. — Но вы посидите немного. Вы неважно выглядите. Придите в себя получше. Давайте еще кофе?

— Давайте.

Время за кофе единомышленники провели молча. Оба они знали, что думают об одном и том же.

Напиток немного взбодрил гадалку, и она почувствовала себя в силах продолжать работу.

— Ну как вы? — спросил Синявский, когда она поднялась с кресла.

— Для того чтобы колесить в машине по городу — нормально, — ответила Яна.

Ей не сразу удалось найти такси. Вернее, многие около нее притормаживали, но первые трое не могли себе позволить наняться на неопределенное время и вообще не хотели ехать туда-не знаю, куда.

Милославская очередной раз взмахнула рукой. Темно-серая «девятка» свернула к обочине. Гадалка вновь разъяснила ситуацию насколько это было возможно и, к собственной радости, наконец получила согласие.

— Ничего не поделаешь, — сказал ей светловолосый паренек за рулем, — надо как-то на жизнь зарабатывать. Придется отдаться в ваше подчинение. Правда, такого странного пассажира я еще не встречал, извините уж за откровенность.

Автомобиль тронулся.

— Ну так куда мы поедem и что будем искать? — спросил водитель.

— Вы город хорошо знаете? — парировала Яна.

— Неплохо.

— Представьте, что я иностранка, гость этого города, и вы должны мне его показать, весь, до тех пор, пока я не скажу, что достаточно. Можно и даже лучше ничего не рассказывать, я и так тут все знаю. В общем, будьте немym гидом.

Парень прыснул, но со всем согласился, правда деньги за услуги потребовал вперед, сказав, что бензин стоит слишком дорого, чтобы позволить себе роскошь оказаться обманутым и потратить его напрасно.

— Разве я похожа на мошенницу? — ответила на это гадалка.

— А, — махнул тот рукой, — не похожи. Но разве мошенники когда-нибудь похожи на мошенников, а воры на воров?

— Иногда похожи.

— Вот то-то и оно, что иногда, а чаще всего и не угадаешь. Посадил вот как-то один мой знакомый молодую пару... — начал водитель.

Милославская предпочла его не слушать, чтобы не проворонить то, ради чего она села в эту машину. Она сосредоточенно смотрела в окно, а когда паренек обращался к ней, утвердительно кивала.

Когда автомобиль притормаживал на светофорах, гадалка еще пристальнее вглядывалась в улицу и пыталась определить, не это ли место

ей привиделось и не могло ли быть увиденное где-то поблизости. Она пыталась мысленно воссоздать ближайшие, но скрытые от глаза улицы, благо город она знала достаточно хорошо.

Около часа было потрачено напрасно, и водитель начал посматривать на Милославскую с недоверием. Если бы ею не было заплачено вперед, возможно, он уже попросил бы ее выйти.

Оставались неизъезженными два-три района, поэтому Яна не теряла надежды.

— Уж простите, — после длительного молчания начал паренек, но я все же хочу узнать, а что, собственно, мы ищем-то?

— Нотариальную контору, — удрученно вздохнув, ответила Милославская.

— О-о-о... — протянул водитель. — А что же вы сразу не сказали? А какую, если не секрет? Думаю, мы их уж штук пять проехали.

— Это не то...

— Вы какую-нибудь необыкновенную что ли ищете? — ухмыльнулся парень.

— Да не то, чтобы необыкновенную, — подыскивая слова, неуверенно проговорила Яна, — но...

— Нет, я все-таки не могу понять, чего ж мы все ездим-то? — взмахнув правой рукой удивленно воскликнул собеседник гадалки.

Милославской пришлось все разъяснить.

— Не знаю точно, где она находится, — со вздохом начала она, — но имею представление, как выглядит окружающая ее местность.

— А может, и другая подойдет, — с кривоватой улыбкой спросил водитель, — у меня между прочим классный спец на примете есть.

— Да не в спеце дело!..

— Ладно, черт с вами. Ну и как выглядит эта «окружающая ее местность»?

— Контора находится в высотке, — безразлично произнесла Милославская, — вход с торца здания. Впереди еще газон такой красивый, а напротив, через дорогу, скверик небольшой.

— Скверик?

— Скверик.

— А базарчика за ним нету?

— Базарчика?

— Угу.

— Не знаю.

— М-гу. Ну контора-то с торца, а спереди там магазина запчастей нет?

— К-кажется, есть... — задумчиво протянула гадалка, — и гастроном есть. В общем, там со стороны дома, смотрящей на улицу весь первый этаж под магазины отдан, и вывески все одинаковые, крупные такие, яркие.

— Так это, похоже, у Сенного?

— У Сенного?

— Ну конечно!

Автомобиль вдруг сделал резкий разворот и поехал в обратную сторону, через две улицы свернув направо. Там, миновав еще два перекрестка, он оказался у большой площади, окружавшей со всех сторон рынок, именуемый в народе Сенным.

— Тот дом? — побольше опустив стекло со своей стороны, спросил водитель у Яны.

— Какой?

— А вон, с правой стороны.

Яна вытянула шею и посмотрела, куда указывал ей собеседник.

— Он самый! — радостно воскликнула она в ту же минуту.

Картина из видения, точно вырезанный кадр киноплёнки, представилась ей во всей красе. Даже пешеходы мимо дома торопились те самые, которых гадалка видела во время сеанса.

Милославская была готова кинуться на шею парнишке, который и сам был до смерти доволен оказанной услугой.

— Безумно благодарна вам, — с радостным блеском в глазах проговорила Яна.

— Да ладно, — смущенно ответил тот.

— Я вам ничего больше не должна? — спросила Милославская, сунув руку за кошелек.

— Да нет, вы отблагодарили по полной программе, — отмахнулся тот.

На самом деле, гадалка сразу заплатила сполна, поэтому она не стала настаивать, хотя по природе своей и была человеком очень благодарным. Она распрощалась со своим провожатым и заспешила в сторону найденного дома.

Район оказался Милославской достаточно хорошо знакомым, поэтому двигалась она вперед очень уверенно. Голуби, которые, как горох, рассыпались по всей площади и, казалось, совершенно не боялись людей, взлетали вверх, поднимая пыль, как только Яна слишком близко приближалась к какому-то из них.

Вскоре гадалка достаточно отчетливо могла прочитать все, что значилось на вывеске нотариальной конторы, тем не менее она решила подойти вплотную, дабы убедиться во всем окончательно.

Очутившись перед крыльцом заведения, она тихо, но твердо проговорила:

— Оно!

Не зная пока, как действовать дальше, Милославская неторопливо поднялась по выложенным плиткой широким ступенькам. У самого входа, опершись на перила, стояли несколько мужчин, которые курили и переговаривались между собой.

Яна открыла тяжелую металлическую дверь и оказалась в довольно тесном, но аккуратном холле, который был забит людьми: кто сидел на обтянутом искусственной кожей диване, кто стоял, облокотившись о стену, и, не скрывая выражения раздражения на лице, ждал своей очереди.

— Я последняя, девушка, — нудным и неприятным голосом прогнусавил кто-то из заднего угла.

Гадалка ничего не отвечала, соображая, что же ей следует делать дальше. Такое поведение некоторым из ожидающих по всей видимости не понравилось, и они стали ворчать, что, мол, ходят всякие по знакомству, то один, то другой, а из-за них честные люди по полдня своей очереди дожидаться не могут. Чтобы понапрасну не кипятить желчь таковых, Яна вполголоса проговорила:

— Хорошо, я буду последней.

Она облокотилась о единственный свободный угол и задумалось. Очередь занимать, конечно, не было никакого смысла. Ей просто требовалось время для некоторых соображений, а в частности для того, чтобы понять, какое отношение эта контора могла иметь к ведомому ею делу.

Яна скользнула глазами по очереди. В ней было человек пять пенсионеров. «Значит, неудивительно, что сюда могла обратиться Синявская», — заключила она. Потом гадалка стала предполагать, зачем пенсионерке мог понадобиться нотариус. Дело это нехитрое, поэтому в голове у нее вскоре выстроилось несколько предполагаемых вариантов. «Как добраться до истины?» — мысленно спросила себя Яна. Конечно, нотариус ничего бы не сказал бы ей, да и не имел он такого права, поэтому дальнейшее пребывание в очереди было бессмысленным.

Все с тем же глубоко задумчивым выражением лица, Милославская неспешно побрела к выходу.

— Вы не будете ждать? — окликнул ее кто-то.

— Буду, — безразлично проговорила она, — скажите, что я последняя.

Выйдя на улицу, гадалка посмотрела по сторонам и тут же, на крыльце, справа от двери, увидела телефонный аппарат. В этот момент она

уже знала, что надо делать.

Яна быстро связалась с Семеном Семенычем и, как обычно, клятвенно заверяя в особой важности всего совершаемого ею, просила его приехать. Она сразу ввела приятеля в курс дела и решила его предупредить о том, что, возможно, понадобится какое-то соответствующее разрешение на получение столь конфиденциальной информации. Но по счастливому стечению обстоятельств Три Семерки оказался очень коротко знаком с данным нотариусом и мог обойтись, по его словам, без бюрократических издержек. По крайней мере, он пользовался уважением и большим доверием того человека и рассчитывал на помощь.

Гадалке это было только на руку, и она стала нетерпеливо ждать, расхаживая по неширокому тротуарчику вдоль газона взад и вперед.

Руденко не заставил себя долго ждать и вскоре подкатил прямо к крыльцу, вопреки тому, что проезд сюда был вообще запрещен и что сам Семен Семеныч старался никогда не нарушать правил дорожного движения.

— Идем, — на ходу бросил он подруге, скоро поднимаясь по ступенькам.

Милославская засемила за ним. Войдя внутрь, Три Семерки уверенно направился к кабинету. В очереди слышались недовольные возгласы. Не обращая на них никакого внимания, Руденко открыл дверь и переступил порог кабинета нотариуса, не дожидаясь приглашения. Яна, не отставая, следовала за приятелем.

Сразу сняв фуражку, Семен Семеныч ласково, из-под бровей глянул на полную, рослую женщину, сидевшую за столом, заваленным какими-то бумагами. Она, спустив очки на край носа, приветственно ему улыбнулась и кивнула на ряд стульев, выстроенных вдоль стены.

Руденко как-то по-старчески крякнул и присел на самый крайний. Яна приютилась рядышком. Она невольно стала глазами шарить по кабинету и в один из моментов остановила взгляд на бейджике, прикрепленном к кармашку блузки нотариуса. «Жукова Ольга Юрьевна», — прочитала гадалка.

Ольга Юрьевна, очевидно, была приятна удивлена визитом Руденко. Она поспешила поскорее избавиться от непонятливой клиентки, назначив ей очередной срок приема, и дружелюбно закивала Семену Семенычу.

— Здравствуй, здравствуй, — протянула она, когда Три Семерки подошел к ней и наклонился к ее пухлой руке, щедро убранной золотыми украшениями.

— Ольга, — сказал Семен Семеныч, присаживаясь поближе к своей

знакомой, — признаюсь, мне некогда рассыпаться в любезностях. По делу пришел.

— Знаю, знаю, — посмеиваясь, ответила та, — по глазам вижу.

Жукова прищурилась и испытующе глянула на Руденко. Тот немного смутился ее взглядом, но быстро оправившись от него, торопливо, но доступно и логично изложил суть дела.

— Ох, Сема, — вздохнув протянула Ольга Юрьевна, — подведешь ты меня под монастырь. Грех, грех велишь взять на душу.

— Нет, — поспешно начал Руденко, — ты хотя бы скажи, была у тебя на приеме эта Синявская или нет.

— Да разве я упомню? — парировала нотариус, выдвигая нижний ящик своего стола.

Она достала какой-то пухлый журнал и принялась листать его примерно с середины, смачивая языком кончики пальцев.

— Синявская? — переспросила она несколько позже, — Ольга.

Сергеевна?

— Да, да-да, — привстав со своего места, торопливо произнесла Милославская.

— М-да... — многозначительно протянула Жукова, возвращая журнал на прежнее место и ничего не объясняя.

— Ох, Ольга Юрьевна, — махнув рукой и лукаво улыбаясь, протянул Руденко.

Милославская не могла понять, что может значить это немногословие нотариуса. Она вопросительно посмотрела на Три Семерки.

— Ольга, договаривай, — по-доброму прося, проговорил Руденко.

— Ну была у меня эта особа, — перейдя на полусшепот, начала Жукова. Руденко с Милославской сразу насторожились.

— Дом она свой продавала. Ну а там не без участия нотариуса...

— Дом? Продавала? — ахнула Яна.

Жуков удивленно посмотрела на гадалку, но та не переменяла выражения лица.

В этот миг дверь приоткрылась, и в проем просунулось чье-то красное лицо.

— Сколько можно? — загудел человек. — Вы думаете принимать по очереди или нет?

— Подождите! — резко повысив голос, протянула Ольга Юрьевна.

— Ну и что там с этим домом? — спросил Семен Семеныч, как только дверь злобно захлопнулась.

— Да ничего особенного. Насколько я знаю, продан, — Жукова пожала

плечами.

— Продан? — Яна привстала.

— Да... — Ольга Юрьевна была очень удивлена такой реакции со стороны гадалки и ничего понять не могла, а потому с какой-то опаской стала поглядывать на Руденко.

Три Семерки сделал ей убеждающий знак рукой, мол, в порядке все, а Милославской сухо сказал:

— Идемте, Яна Борисовна. Расследование не терпит отлагательства.

— Подожди, Семен Семеныч, — решительно произнесла гадалка. — А вы не могли бы дать нам данные покупателей дома? — обратилась она к нотариусу.

Жукова округлила глаза, очевидно считая слишком дерзким такое смелое обращение к ней постороннего человека.

— Это... знаете ли, незаконно, — сумбурно проговорила она и покосилась на Руденко.

Семен Семеныч нервно кашлянул, а потом, проведя рукой по усам, проговорил:

— Ольга Юрьевна, дорогая, это — Яна Борисовна Милославская — моя правая рука во многих делах. Заверяю, на нее можно положиться. Это человек чести. Никогда в своих расследованиях она не поступает с совестью.

Яна благодарно взглянула на своего приятеля.

— А я, Семен Семеныч, по-твоему, должна с ней поступиться? — сняв очки, протянула Жукова.

— Нет, — ответила за Руденко Яна. — Я веду дело по просьбе сына Синявской. Дело в том, что Ольга Сергеевна пропала.

Жукова удивленно подняла брови.

— Вокруг ее исчезновения образовался целый клубок, — продолжала Милославская, — Его сложно будет распутать без вашей помощи. Мы, конечно, можем, — гадалка вопросительно глянула на Три Семерки, — добиться соответствующего разрешения на получение информации от вас, но это, сами понимаете, время...

— Так бы сразу и сказали, — вздыхая, произнесла Ольга Юрьевна, прервав гадалку.

— Знал я, черт возьми, Ольга, что ты хорошая баба! — горячо воскликнул Руденко.

— Ну-ну, — строгим жестом, но с ласковостью в глазах остановила его нотариус, — товарищ капитан, прошу не выражаться, я как-никак на рабочем месте.

Ольга Юрьевна достала вновь какую-то папку и отыскала в ней данные о покупателях дома Синявской. Она позволила Милославской переписать их, а потом спрятала папку обратно.

В дверь снова заглянуло гневное лицо, человек требовал, чтобы его приняли. Жукова вопросительно кивнула своим гостям. Гадалка машинально поднялась и, словно ведомая гипнотической силой, пошла за двинувшемся к выходу приятелем, глядя в одну точку перед собой. Руденко немногословно попрощался с Ольгой Юрьевной и виновато произнес, пожав плечами:

— Твой должник...

— В который уж раз, — ответила она и засмеялась, затрясшись всем телом.

— Вот это да-а... Ну и ну-у... — забормотала себе под нос Милославская, покачивая головой.

Такого поворота дела она не ожидала, хотя подсознательно чувствовала, что если в деле как-то замешан нотариус, то вполне может быть то, в чем только что она имела неудовольствие удивиться.

Однако при всей неприятности услышанного, положительное в нем все же было. Новости означали шаг вперед. По крайней мере было теперь от чего отталкиваться.

— Ну? Довольна? — прикуривая, прошамкал Семен Семеныч.

— Нет, я не ожидала, — ответила Яна.

— Слушай, а тут аферой пахнет, — продолжал Три Семерки. — Как думаешь?

— Аферой не аферой, а пахнет дурно, — сказала Милославская, спускаясь по ступенькам.

— Ну и что дальше?

— Поеду к сыну пропавшей, Виктору. Может у него на этот счет есть какие-нибудь соображения.

— Вряд ли, — Руденко ухмыльнулся, — стал бы он тебя нанимать, если б сам мог так быстро до всего дойти.

— Сема, всякое в жизни бывает. Самая незначительная, казалось, мелочь, может все раскрыть, — не согласилась Яна.

— Тебе видней, — ответил Три Семерки, но по глазам его было видно, что он остался убежденным в своем. — Подвезу?

— Подвези.

ГЛАВА 9

Милославкая застала своего клиента спящим. Он вышел к ней заспанный, взъерошенный и, похоже, изрядно выпивший перед сном.

— Вы? — хрипло и, как показалось гадалке, равнодушно произнес он, открыв только один глаз.

— Я, — в тон парировала она.

Виктор отошел в сторону, тем самым пропуская Милославскую во двор.

— У меня новости, — сказала она, обернувшись.

Синявский встряхнул головой и, сразу как-то посвежев, спросил:

— Какие?

— Нам лучше пройти в дом, а вам — присесть.

— Что-нибудь случилось? — тревожно произнес мужчина.

Яна ничего не ответила и прошла в дом. Перешагнув его порог, она сразу направилась в зал и опустилась в знакомое ей кресло.

— Ну так что же? — протерев глаза, спросил Виктор, взволнованно глядя на гадалку.

— Только бога ради, спокойнее, — покачивая головой, проговорила Яна.

Синявский смотрел на нее, ничего не понимая и все расширяя глаза.

— Дом, — начала Милославская, — этот дом, — гадалка немного помолчала, — продан.

— Что-о? — Виктор привстал со своего места.

— Продан, — спокойно повторила Милославская.

— Кем? — Синявский приложил руки к вискам.

— Вашей матерью.

— Как?!

— Да-да, это уже установленный факт, можете не сомневаться, Яна с прискорбием закивала.

— Но зачем? Почему?

Гадалка пожала плечами. В этот момент ей уже было ясно, что Руденко оказался прав, говоря, что вряд ли ее клиент будет иметь какие-то соображения насчет продажи дома.

— Как? Как это могло быть? Мать продала его?

— Да.

— Да она что, спятила? Глупая старуха! Почему она со мной не

посоветовалась? Дура!

— Виктор, — остановила клиента Милославкая, — вы забываетесь.

— Где же... где же она сама? — нерешительно, немного спокойнее, спросил он.

— Это еще предстоит выяснить.

— Но почему... хозяйева, — Синявский скривил рот, — хозяйева не объявляются? И вещи... Вещи-то все на месте!

— Над этим тоже нам надо работать.

— Что же это такое?! — закричал Виктор. — Все больше и больше неизвестностей! Господи! За что?! — Синявский поднял руки и обратил свой взор вверх, в потолок, как будто там он мог найти ответ на свои вопросы.

— Успокойтесь, — сказала Милославкая и осторожно прикоснулась своей рукой к плечу Синявского.

Он сел в кресло и, оперевшись на локти, закрыл лицо руками.

На несколько минут в комнате установилось молчание, которое.

Милославская не решалась прервать. Потом Виктор поднял голову и тихо произнес:

— Ну и какие у вас планы?

— Поеду к покупателям.

— А вам о них все известно? — лицо Синявского снова выразило прежнее возбуждение.

— Не все. Но для того чтобы отыскать их, достаточно.

— Я еду с вами, — Виктор резко поднялся на ноги.

— Нет-нет, — горячо возразила гадалка, — это исключено. В вашем состоянии... вы можете все испортить.

— В моем состоянии... — желчно процедил Синявский, — Да я им башки поотшибаю!

— Ну вот, — укоризненно проговорила Яна. — А если они ни в чем не виноваты?

Виктор не находил, что ответить.

— Как это не виноваты, — сердито пробормотал он, глядя в пол. — Виноваты!

— Ну и чем тогда нам может помочь ваша горячность? Ведь ничем, согласитесь.

Синявский молчал, не зная, чем опровергнуть слова Яны. Не дожидаясь, когда он найдет какие-то доводы, Милославкая решила поскорее покинуть его, но, видя, что она собирается уйти, клиент беспомощно проговорил:

— А как же я? Как же я? Куда мне теперь?

— Как куда?

— Но я же не могу оставаться здесь! Это все, — Виктор взглядом обвел комнату, — это все чу-чужое! — в глазах Синявского сверкнул ужас. — Ведь в любой момент сюда могут прийти. И что тогда? Что я скажу?

— Как есть, так и скажете, — устало произнесла.

Милославская.

— Нет, я не могу, не хочу оставаться здесь, — Синявский стал судорожно хватать раскиданные вещи и бросать их в раскрытую большую сумку, стоящую тут же, на полу.

— Гостиница? — с иронией произнесла гадалка.

— Да. Да-да, наверное.

— Если позволяют средства, рекомендую «Словакию».

— Мне сейчас плевать! Все равно куда, — зло пробормотал Виктор, комкая свою рубашку, поднятую с дивана.

— Тогда «Словакия», — вздохнув, произнесла Милославская.

Через двадцать минут вещи Синявского были собраны, но наведенный им за короткое время беспорядок все равно выдавал его присутствие в доме.

— Господи! За что?! За что?! — бормотал он, бредя за гадалкой к калитке.

Как только он оказался за ней, оглянулся и, с болью в глазах оглядев дом, тихо проговорил:

— Глупая старуха!

Милославская посадила Виктора в такси, объяснив водителю, куда следует отвезти пассажира. Сам Синявский в эти минуты, казалось, вообще был не способен к принятию каких бы то ни было решений. Она договорилась с клиентом, что, как только еще что-нибудь выяснит, сразу свяжется с ним. Так что Виктор должен был безвылазно сидеть в гостиничном номере. Сама Яна отправилась по данному нотариусом адресу. Ей предстояло знакомство с неким Федотовым Александром Ярославовичем.

Гадалка мысленно пыталась его себе представить и настраивалась на плодотворную беседу, создавая вокруг себя, как она любила иногда выражаться, положительную ауру. Ей очень хотелось, чтобы Федотов сразу почувствовал эту ауру и стал расположенным к разговору.

Остановившись на подъездной площадке против металлической, не крашенной еще двери, она собралась духом и нажала на звонок. В ответ

сразу послышались легкие торопливые шаги. Дверь распахнулась, и на Яну устремился полный удивления взгляд молодой высокой женщины, немного взлохмаченной и, очевидно, уставшей от домашних дел.

— Александр дома? — приветливо улыбаясь, спросила Милославская.

— Нет, — тоже сразу улыбнувшись, ответила хозяйка.

— Простите, а вы...

— Марина, — представилась Федотова.

— Марина, — обрадованно проговорила дальше гадалка, — а могу ли я с вами поговорить?

Марина удивленно приподняла брови.

— Насчет купленного на имя Александра дома, — поспешила пояснить Яна.

Федотова удивилась еще больше и глянула на гостью даже с некоторой опаской.

— Я от сына бывшей хозяйки дома, Виктора Синявского. Он приехал с Севера и ничего не знал о том, что дом продан. Честно говоря, он намеревается жить в доме матери, — осторожно слукавила Милославская.

— Как это? — ахнула Марина. — Как это он собирается? Мы деньги за дом заплатили! Все до копеечки! Он что несовершеннолетний что ли? — с ужасом вдруг заключила она.

— Нет, — успокоила ее гадалка, — он уже вполне и даже очень взрослый, но шокирован ужасно просто. Не верит, что мать могла такое сделать без его согласия и не посоветовавшись даже.

— Войдите, — сказала Марина, которая за эти минуты заметно помрачнела.

Милославская вошла. Федотова пригласила ее на кухню.

— Давайте мыслить логично, — начала она, постукивая ребром ладони о стол.

— Давайте, — ответила Яна, для которой такая решительная серьезность была хорошим знаком.

— У меня все документы на руках. Как же этот Виктор может претендовать на дом, а?

— Он сам в сильном замешательстве. Через милицию, — Яна решила, что так будет сказать лучше, — он узнал, что дом продан. В доме же все по-старому, без перемен. Как он должен был поступить? Чертовщина ведь какая-то.

— Ну а мать его, что, не могла все объяснить что ли? — с негодованием произнесла Марина.

— Дело в том, что мы по сей день не знаем, где она. Женщина просто

пропала.

— Ничего себе! — в ужасе прошептала Федотова.

— Но мы-то тут причем? Почему мы должны страдать? Дом наш!

Наш! Мы его ку-пи-ли! — скороговоркой проговорила она тут же, как бы опомнившись.

— Успокойтесь, Марина, — тихо сказала Милославская, дотронувшись до руки хозяйки.

— Виктор, думаю, не станет претендовать на дом, узнав теперь, что он и на самом деле продан. Ему просто надо было все узнать.

— Что же тут узнавать? — всхлипнув, заговорила Федотова.

Она вдруг скрылась в соседней комнате и вернулась оттуда с какими-то ключами.

— Вот ключи, — пояснила она. — Та женщина, кажется, Ольга Сергеевна, нам их передала. Это ключи от ее дома. Замок мы еще не успели сменить. Да и подождать надо, когда она мебель свою вывезет. Так у нас договорено было.

— Вот оно что, — теперь поняв, почему, в доме Ольги Сергеевны все было без перемен, протянула Милославская, закивав головой.

Она верила Федотовой и не сомневалась ни в одном ее слове. В этой женщине все было просто, легко и естественно, и она сразу располагала к себе, да и лгать, казалось, совсем не умела.

— Скажите, — задумчиво проговорила гадалка, — а как вела себя во время процедуры продажи Синявская?

Гадалка вспомнила удивление Виктора и его слова о том, что мать спятила, и в ее сознании возникла мысль о том, что.

Ольга Сергеевна, возможно, на тот момент и в самом деле была недееспособна, и ее исчезновение тоже могло быть связано с этим.

— Нормально вела, — ответила Марина.

— Вам ничто не показалось странным? Она не нервничала? Вела себя адекватно?

— Да что вы все копаете? Не отступимся мы от дома!

Нормальная она была, нор-маль-на-я!

Марина снова разволновалась, разгорячилась, и Яна поспешила попрощаться с ней, предварительно попытавшись успокоить ее насчет притязаний Виктора. Правда, гадалка сказала, что не может гарантировать, что это последний разговор Федотовых относительно интриги вокруг купленного ими дома. Марина в ответ только хлопала глазами, полными слез.

— Виктор! Наконец-то! — с облегчением воскликнула гадалка.

— А я уж думала, что вы не послушались моего совета и поселились в какой-нибудь другой гостинице. Что так долго к трубке не подходили?

— Номер достался на самом верхнем этаже, и телефон в нем не работает, а вы еще это место расхваливали... Пришлось спускаться вниз, к портье, — мрачно ответил Синявский.

— Ну ладно, — произнесла Милославская, сразу почувствовав настроение своего клиента, — не буду тянуть время понапрасну. Познакомилась я с покупателями дома.

— Да? — возбужденно произнес Виктор, готовый, казалось, в тот же миг растерзать ни в чем неповинных Федотовых.

— Да. Напрасно вы так сердито о них. Если вокруг исчезновения вашей матери и есть какая-то афера, то эти люди вряд ли как-то в ней замешаны. Это самые обыкновенные покупатели. Узнав о пропаже Ольги Сергеевны, они были шокированы не меньше, чем вы, когда вам открылась продажа дома.

Синявский промолчал в ответ, и Яна пересказала ему весь разговор с Федотовой.

— Боже мой! Гордиев узел какой-то! М-м-м-м, — болезненно промычал Виктор.

— Ничего, распутаем, — хотела обнадежить его гадалка.

Ответа на утешение не последовало, и Яна решила сама поскорее завершить этот разговор.

— Возьмите себя в руки, — строго произнесла она. — Я буду продолжать работать дальше, а с вами созвонюсь. Уверяю, следующие вести вас порадуют.

Милославская повесила трубку и, закрыв глаза, тяжело вздохнула.

ГЛАВА 10

Утро встретило Милославскую ласковыми лучами солнца, играющими невесомыми пылинками, запутавшимися в лучах, как в паутине, и свежим ветром, налетающим как-то внезапно и исчезающим так же незаметно.

Прохладный воздух, врываясь в открытую форточку, нещадно теребил полупрозрачный тюль и заставлял гадалку ежиться под тонкой шелковой простыней.

Яна посмотрела на часы. Было еще очень рано, но спать, однако, нисколько не хотелось. Джемма тихонько дремала у постели хозяйки, и, как только Милославская давала о себе знать легким шевелением, приоткрывала один глаз и настороженно приподнимала ухо.

Гадалка потянулась, издав громкое «Уа» и снова съежилась. Понимая, что нет никакого удовольствия валяться в постели, когда мурашки по всему телу бегают, она потянулась одной рукой за пледом и торопливо натянула его на себя, закрыв глаза в ожидании наступающего тепла.

Тепло не принесло с собой привычной дремоты, и Яна просто лежала, перебирая в голове события минувшего дня. Заключив в итоге, что ничего утешительного они ей не принесли, гадалка невольно поморщилась. Она еще раз глянула на часы, а потом потянулась к креслу за сумочкой, в которой лежали карты.

Колода, казалось, так и притягивала к себе, и у Яны возникло какое-то странное внутреннее чувство, подсказывающее ей, что планируемый сеанс гадания должен быть особенно успешным.

Веером раскинув перед собой карты, Милославская решила остановить выбор на «Взгляде сквозь оболочку». Символы, начертанные на нем, были столь же необычны, сколь и все остальные: человеческий глаз сверху и снизу пронзали два луча, испещренные чем-то, похожим на молнии, а в глубине зрачка таилось изображение непонятного предмета.

Гадалка отодвинула лишние карты в сторону, повыше положила подушку, поудобнее облокотилась о нее и закрыла глаза, накрыв «Взгляд сквозь оболочку» ладонью.

Птичий щебет, издаваемый десятком воробьев, по-хозяйски расположившихся на дереве под окнами дома, мешал.

Милославской сосредоточиться, и она не сразу нашла контакт со своими помощниками. Тем не менее знакомый туман вскоре закружил сознание гадалки.

Она увидела руки, сильные, мускулистые, но не мужские. Руки энергично двигались, выполняя какие-то незамысловатые движения. Яна еще больше сконцентрировала свою энергию и вскоре уже могла понять, что руки делали массаж.

Милославская была готова к тому, что вот-вот, сию минуту, видение откроет ей наконец что-то важное, свершится эврика и многое-многое, все, ей станет ясно. Однако видение вдруг внезапно оборвалось, и по своему состоянию гадалка знала, что оно уже и не возобновится.

Яна лежала с закрытыми глазами, не находя еще в себе сил подняться и с досадой думала о том, как много могут открыть ей карты и как все же она не властна над ними. Они долго могли кружить ее по загадочным лабиринтам, заставляя искать, сомневаться, ошибаться и наконец находить, но никогда карты не давали ответа на главный вопрос сразу. В этот момент, когда Милославская ничего буквально не могла понять из свершившегося видения, ей особенно это было обидно. И в глубине души она уже ругала свой дар, не считая его вовсе таинственным. «Я ведь обещала Виктору», — с грустью думала она.

Милославская открыла глаза. Настроение, навеянное ей поначалу утром и солнцем, улетучилось, сменившись мрачным пессимизмом. Включив телевизор и провалявшись еще около получаса, Яна нехотя поднялась и пошла заваривать кофе. Она достала до боли знакомую джезву, поставила ее на огонь и, покуривая и помешивая нагревающуюся воду, продолжала обдумывать, что же все-таки могло значить необъяснимое и глупое на первый взгляд видение.

— Массаж, хм, — вслух размышляла она, — что бы это могло значить? Больница, болезнь? Синявская заболела, слегла? Но почему тогда сына не известила? Заболела рассеянным склерозом и ничего не помнит? Но зачем дом тогда продала? Какого черта ей это понадобилось? С ума сошла? Федотова сказала, что Ольга Сергеевна веля себя адекватно. Что же? Что же это?

Джемма удивленно смотрела на хозяйку, готовая угодить любой ее прихоти и любовно следящая за каждым ее движением. Яна глянула на нее и в душе ее снова поднялось теплое и глубокое чувство любви к жизни, и будущее ей уже не казалось таким мрачным. Она улыбнулась собаке, дунула на поднявшийся шапкой кофе и, наполнив им любимую чашку, отправилась в душ, напевая родившуюся непонятно откуда мелодию.

Наскоро освежив себя теплыми упругими струями воды, гадалка вышла к столу бодрая и повеселевшая. В этот миг она знала, что ей делать дальше: Яна решила, что ей необходимо объездить все больницы,

поликлиники и прочие учреждения, в которых оказывались массажные услуги. Дело это было непростое, и Милославская знала, что если удача не улыбнется ей сразу, то она вряд ли уложится в один день, а домой вернется, словно выжатый лимон.

Гадалка всегда старалась не думать о плохом и в этот раз тоже решила давать только положительные прогнозы. Больше предпочтение среди предполагаемых ею учреждений она отдавала государственным заведениям, так как частные клиники вряд ли были по карману Синявской, поэтому круг, подлежащий Янину изучению, заметно сузился.

Далее Милославская заметила для себя, что в первую очередь ей следовало посетить учреждения, обслуживающие жильцов данного района, и это тоже более четко определило ее ближайшие шаги.

Закончив утреннюю трапезу, гадалка взялась за телефон. Сделав пару звонков, обратившись за помощью в справочную службу, она уже точно знала, куда поедет в первую очередь.

Теперь в Милославской было гораздо больше уверенности, чем час назад. Она больше верила в удачу и в скорое разрешение дела. Джемма, видя такое настроение хозяйки, радостно виляла хвостом и следовала за каждым ее шагом.

Яна наскоро привела себя в порядок и, чтобы снять с себя хоть долю вины, решила немного выгулять Джемму, которую она и в этот раз не собиралась брать с собой, поскольку учреждения здравоохранения не самые подходящие места для нанесения визита с собаками.

Овчарка бросалась из стороны в сторону, радуя хозяйку своей глупой беспричинной радостью и удивительной преданностью. «Нет, все не может быть плохо», — думала гадалка, глядя на свою любимицу.

Приласкав на прощанье собаку, она плотно притворила дверь и сделала несколько оборотов ключом. Джемма терпеливо молчала, но, когда Яна приближалась к калитке, все же протяжно и жалобно заскулила. «Она заслуживает лучшего, — проговорила про себя Милославская, глядя куда-то в небо, — Все должно закончиться скоро и благополучно».

Яна терпеть не могла больницы, и один только их запах вызывал у нее отвращение. Его она почувствовала, еще не входя в здание районной поликлиники, а белые халаты возбудили в ней воспоминания о том дне, когда на место аварии прибыла скорая, и один из врачей, склонившись над телом ее мужа, безразлично заключил: «Не жилец».

Внутренне собравшись и сказав себе, что в жизни всегда приходится чем-то поступаться, в особенности собственными предпочтениями, желаниями и чувствами, Яна переступила порог поликлиники.

Людское многоголосье, наполняющее тесные коридоры с пожелтевшими высокими потолками, поначалу сбilo ее с толку. Она растерялась и уже не знала, куда ей идти, к кому обращаться. Даже оглядеться и принять какое-то решение, здесь было трудно: пациенты и медики сновали туда-сюда, задевая случайно, а то и намеренно друг друга локтями. Милославская встала посреди коридора и, поднявшись на цыпочки, попыталась взглянуть в его конец, но ее тут же кто-то оттолкнул, и она с силой наступила на ногу сгорбленной старухе, обрушившейся на нее проклятиями.

— Яна Борисовна, — неожиданно окликнул кто-то гадалку сзади.

Милославская оглянулась: неугомонная соседка тетя Даша стояла, привалившись к стене, и смотрела на нее радостно и удивленно.

— Ты как здесь? — поправляя сбившийся платок, спросила тетя Даша и подошла ближе.

— Я... А вы? — Яна не знала, что ответить, но тете Даше судя по всему это и не очень было нужно.

— А у меня мать престарелая. Живет в этом районе. Вот привела ее, — соседка кивнула на трясущуюся старуху, сидевшую рядом на стуле.

В этот момент Милославская подумала, что вполне может воспользоваться услугами вездесущей тети Даши и, наклонившись к ее уху, тихо спросила:

— Тетя Даша, а здесь массажный кабинет есть?

— А то как же? Теперь он в каждой поликлинике есть. Только там работника давно нету. Платят мало, ну и не идет никто. А ты чего хотела?

— М-м-м, — понимающе и разочарованно протянула гадалка, не отвечая на последний вопрос. — А как же люди, ну, те, которые в массаже очень нуждаются?

— А их посылают в другой... как его там... фи... фи... филиал, что ли. Вон там я с бабушкой одной стояла. Она мне и пожаловалась на это, да и все рассказала. Филиал-то недалеко отсюда, да старухе, сама знаешь, и лишний метр тяжело пройти.

— А где он находится, филиал? — заинтересованно спросила Милославская.

— Да через две остановки. Знаешь, там лаборатория у них с угла.

— А-а-а, поняла.

— Так вот со двора там процедурные всякие и массаж тоже.

Яна хотела было уйти, но снова обратилась к тете Даше:

— А давно тут массажиста нет?

— У-у-у, — соседка махнула рукой, — год уж точно, если не больше.

Гадалка сделала для себя вывод, что Синявская вряд ли сюда обращалась, так как видение едва ли могло ее отсылать к событиям столь давним.

Яна коротко попрощалась с тетей Дашей, которая вслед ей прокричала: — Так ты чего тут хотела-то?

Гадалка сделала вид, что не слышит, ничего не ответила и торопливо зашагала к выходу.

На троллейбусе она доехала до другого филиала поликлиники и вскоре уже стояла перед дверями массажного кабинета. Она решила напрямую задавать вопросы, но после первого же, о том, посещала ли в последнее время этот кабинет некая Ольга Сергеевна Синявская, ее направили к главному врачу, ибо ответы на подобные вопросы посторонним лицам давались только с его разрешения.

Милославская с наигранной любезностью поблагодарила молоденькую медсестру, сквозь прозрачный коротенький халатик которой откровенно проглядывало кружевное нижнее белье, и зашагала к кабинету главного.

Главный оказался занят и, постояв у дверей минут пять, Яна вдруг почему-то подумала, что, если не подмажешь, не поедешь. Она знала, сколь более отзывчивыми становятся доктора, отблагодаренные чем-либо, кроме зарплаты.

Напротив поликлиники располагался небольшой супермаркет, особенно богатый спиртными напитками. Завернув в него, гадалка выбрала один из самых дорогих коньяков в красивой высокой коробке и попросила его празднично, но не слишком броско, со вкусом, упаковать. Продавцы, благодарные Милославской за такую покупку, с радостью выполнили ее просьбу и проводили ее искусственными широкими улыбками.

Интеллигентно, без назойливости, постучавшись в дверь главного, гадалка услышала строгое «Войдите». Она вошла и, стараясь не спасовать, дабы не вызвать презрительного к себе отношения, сразу присела к столу прямо напротив доктора. Он бросил на нее взгляд, сочетающий и удивление, и возникшее уважение одновременно.

— Я Яна Борисовна Милославская, — представилась гадалка, — занимаюсь частным сыском.

— Вот как? — заинтересовался главный. Однако в глазах его сразу появилась какая-то завеса, отгораживающая его то Милославской.

— Работаю, руководствуясь кодексом чести, — поспешила предупредить опасения собеседника Яна, — можете не сомневаться. Конфиденциальность своим попутчикам гарантирую стопроцентную. Но

это все только отнимает наше с вами время. Давайте по существу.

Милославская аккуратно, ловким движением, поставила немного в стороне от доктора коньяк. Тот не успел еще и ничего произнести, как гадалка снова взялась за свое:

— Мне нужно получить информацию, очень ничтожную для вас, но очень важную для моего клиента. Он ищет свою мать. Она пропала. Простая, никому не нужная пенсионерка, но пропала. Понимаете? Я помогаю разыскать ее.

Коньяк молчаливо исчез в баре черного высокого шкафа, а лицо главного выразило облегчение. Видно, он боялся каких-то более серьезных вопросов, имея за собой или за заведением в целом какие-то грешки.

— М-м-м, — с деланной озабоченностью протянул доктор, — а почему вы ищете эту женщину здесь?

— Я получила информацию о том, что она получала здесь некие медицинские услуги. Осталось только уточнить, так ли это.

Через пять минут в кабинете главного была та самая медсестра в прозрачном халатике. В руках она держала журнал, в котором велась запись обслуженных пациентов. По требованию главного Оля — так звали медсестру — стала отыскивать фамилию Синявской.

Яна в эти минуты стояла, затаив дыхание. Ее охватили радостные предчувствия, но она боялась им верить, а потому отгоняла прочь и не прислушивалась к ним, ожидая только конечного результата поисков.

— Ольга Сергеевна, говорите? — вдруг, как приговор, прозвенел над ней тонкий возглас медсестры.

— Да, — тихо ответила Яна, почувствовав, что в горле у нее пересохло.

— Да, была такая, — заключила девушка и назвала адрес Синявской, дату, когда она посетила массажный кабинет и диагноз, оказавшийся для расследования незначительным. От того заболевания люди не исчезали бесследно, и Яна не стала брать его в поле зрения.

После этого медсестра вся как-то залилась краской и нетерпеливо посмотрела на главного. Тот ничего не мог понять из ее взгляда. Тогда девушка смело подошла к нему и что-то неразборчивое для гадалки шепнула ему на ухо. Он притворно кашлянул и отослал ее работать.

Милославская не знала, какой вывод для себя сделать. Медики вели себя странно и даже подозрительно.

— М-да... — протянул главврач после нескольких минут молчания, — Была у нас такая пациентка, была.

Яна не смогла сдержать улыбку удовлетворения.

— Была... — продолжал доктор. — Только мы ее на базе поликлиники обслужили всего два или три раза. На базе поликлиники, — подчеркнул он.

— То есть?

— Ну понимаете, — замялся доктор, — по желанию клиентов, в исключительных случаях, конечно, мы оказываем услуги на дому.

Яне хотелось спросить: «А разве это законно?», но она промолчала, зная, насколько глупы и бессмысленны в таких случаях вопросы о законности и насколько часто, нагло и безнаказанно бывает претупаема эта самая законность.

Доктор, видимо, заметил, как переменялась в лице Милославская, а потому продолжал свою речь с несколько оправдательной интонацией.

— Сами подумайте, что лучше для больного: когда ему откажут в обслуживании или когда пойдут навстречу с... определенными условиями. Ведь далеко не все пожилые люди в силах ездить сюда и обратно в течение определенного времени, иногда длительного...

— Я вас поняла, — прервала доктора гадалка. — Синявская платила деньги за оказание услуг на дому. Верно? — Яна не стала дожидаться ответа и продолжила: — Женщина просто не верила всем тем, кто дает объявления в газеты о подобных услугах. Ведь среди них мало профессионалов, а вот шулеров достаточно. Прошли месячные курсы и все, пошли деньги зарабатывать. А вот полегчает ли после их услуг или человек вообще с кровати не поднимется, это уже другое дело. Так ведь? А у вас тут как-никак дипломированные специалисты все-таки.

В глазах главврача заблестели искорки гордости, но выражение лица Яна его пугало: она разгорячилась и готова была, казалось, рубить наотмашь.

— Только за выход на дом, — продолжала гадалка, — они брали деньги. Начальство, то бишь вас, поставили в известность, а вы им это позволили. С условием нескольких процентов на вашу, простите, лапу. Разве я не права? Чего уж тут условности городить, давайте на чистоту. В конце концов я не враг вам. В моих интересах только добратся до истины и найти женщину, которая вряд ли могла сгинуть в неизвестность от сеанса массажа. Причиной ее исчезновения послужило другое, но эти сеансы одна из ниточек, которые я не могу не изучить.

Доктор заметно побледнел, и Яна уже пожалела, что столь резко изложила ему свои соображения. Он, наверное, и фамилии-то Синявской не помнил, а то бы и разговаривать с гадалкой не стал. А теперь уж влип и не знал, как пойти на попятную.

— Давайте начистоту, — заметно спокойнее, повторила

Милославская, — Я не желаю вам зла.

Доктор тяжело вздохнул.

— В конце концов вы всегда сможете отказаться от своих слов, свидетелей у нас нет... А историю болезни набело переписать — плевое дело...

Левая сторона лица главного нервно подернулась, и он испытующе глянул на Милославскую и, видимо, увидел в ее глазах что-то такое, что заставило его заговорить.

— Не одна такая Синявская у нас была, как понимаете. Но раз уж речь о ней... К ней ходили три разные работницы. Так уж у нас с расписанием получилось. Одна из них сейчас уволилась, две по-прежнему работают. Лисина, правда, перевелась в другое отделение, а вот эта девочка, которая здесь сейчас, Оля, она тоже ходила.

— Премного благодарна, — удовлетворенно произнесла Милославская. — Могу я данные двух других получить? С Олей-то я сейчас побеседую, а их разыскать все же хотелось. Синявская, знаете, мало общалась. Никто из соседей о ней ничего не знает, так, может, она с массажистками о чем обмолвилась. Поверьте, в этом нет никакого подвоха.

— Чего уж тут теперь, — поморщившись, произнес главный.

Он молча начеркал на листочке данные двух других медсестер, выудив их их какого-то своего журнала, и протянул листок гадалке.

— Только не очень-то их, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Я итак еле-еле полный штат набрал. У других вон, поглядите, дефицит работников. Кто за копейки захочет в поликлинике сидеть? Никто. А я находил пути, как попридержать и заинтересовать людей. Вот, донаходился...

Яна встала, вздохнув, и вышла из кабинета. Первым делом она снова направилась в массажный и стала разговаривать с Олей. Та на этот раз была более откровенной и раскованной, зная, что главный в курсе этого разговора. Она рассказала о том, как ходила к Ольге Сергеевне, о чем они говорили. Женщина была очень одинока и потому была рада ее визитам, но ничего странного Оля в поведении Синявской не увидела, да и Яна прослушав ее рассказ, пришла к выводу, что с Оли больше спросить нечего.

Покинув поликлинику с некоторым чувством удовлетворения, Милославская на минуту задумалась, кого же из названных главным медработниц навестить первой. В первый же миг ее посетила мысль, что та дамочка, что уволилась, вызывает с детективной точки зрения больше подозрений. Чего бы ее вдруг на сторону потянуло, когда тут заработок какой-никакой, а больший, чем в других поликлиниках? Вторую, Лисину,

гадалка решила оставить на потом.

Внимательно изучив адрес, Яна пришла к выводу, что это не так далеко от поликлиники, и решила прогуляться, не растрачиваясь на транспорт, а заодно и ход беседы обмозговывая.

Дом и улицу она отыскала быстро, только вот подозрения ее не оправдались. Милославскую встретила очень приятная молодая девушка, которая, узнав, чего от нее хотят, сразу же пошла на контакт, пригласив Яну войти. Она с удовольствием пересказала гостье каждый свой визит к Ольге Сергеевне и отзывалась о ней самым лестным образом. Вдобавок ко всему, она любезно предложила гадалке свежесваренного чаю с малиной, который прихворнув, только что приготовила для себя.

Милославская, очарованная приятной компанией и немного утомившаяся после двадцатиминутной ходьбы, не смогла отказаться от предложения, а за чаем попыталась выяснить, не заметила ли девушка в поведении Синявской чего-нибудь странного, не жаловалась ли пациентка на что, спокойно ли себя вела во время последних визитов.

Медсестра ответила, что Ольга Сергеевна всегда была одинаково уравновешенна и дружелюбна, много и хорошо говорила о своем единственном сыне и всегда ждала от него весточки, а за массаж благодарила, как было уговорено да еще что-нибудь печеное с собой заворачивала — отказаться было просто невозможно.

В итоге, на засыпку, Яна как бы невзначай спросила, почему девушка уволилась. Та, вздохнув, ответила, что при всей ее любви к выбранной профессии, ей решительно не хватало средств на проживание, а потому и работа не приносила никакого удовлетворения. Давняя знакомая, якобы, пообещала ей место администратора в супермаркете, на что недавний медик с радостью согласилась. На данный момент она находилась в ожидании обещанного.

Полная приятных впечатлений от беседы, но разочарованная ее исходом, Милославская покинула массажистку и направилась по второму адресу, надеясь хотя бы там найти какую-то зацепку.

Но и там ее ждало разочарование. Прием гадалке был оказан далеко не такой любезный. Понять это было можно — редкий человек в наше время согласится лясы точить с незнакомцем.

Но тем не менее Яна, хотя и стоя за порогом, смогла задать все подготовленные вопросы, ответ на которые не родил у нее ни подозрений, ни идей.

Все три массажистки, как оказалось, были абсолютно чисты в отношении ведомого Милославской расследования. Гадалку стал мучить

вопрос, зачем тогда карты обратили ее к этой области, но ответа на него она так и не нашла.

Впрочем, Яна решила не позволять себе совсем уж отчаиваться, поскольку знала, что никакой сеанс гадания не проходил напрасно. Она решила сохранить разговоры с массажистками в своей памяти все, до мельчайших подробностей, так как знала, что какая-нибудь из этих мельчайших подробностей все равно ей понадобится.

Прохладный ветерок, остужавший воздух с утра, стих, и на улице стало душно. Дышать было тяжело: при солнечной погоде все же мешала влажность. В такую погоду Яне всегда хорошо спалось, не отказалась бы она вздремнуть и сейчас. Все-таки встала рано, и сейчас уже чувствовала себя усталой. Но Милославской было не до этого. Она еще не знала, что конкретно будет теперь делать, но решить это гадалка должна была как можно скорее, ибо время уже поджимало, и она просто не имела права разочаровывать клиента.

Виктор в эти часы просто сходил с ума в гостинице. Вполне комфортабельный, исключая наличие телефона, номер казался ему сейчас хуже затворнической монашеской кельи, лишенной всех мирских прелестей. Переступив его порог, он даже не огляделся и не стал оценивать всех достоинств предложенного. Бросив небрежно в угол сумку, которая от комом набитого в нее белья казалась объемней обычного, Синявский плюхнулся на кровать и заложил руки за голову. Жизнь казалась ему мрачнее тучи.

Слова Милославской о продаже дома звучали у Виктора в ушах, повторяясь снова и снова. Это давило на него сейчас, как бы кощунственно оно не было, больше, чем само исчезновение матери. Он поверить не мог в услышанное и тем не менее не доверять гадалке не имел оснований.

Чувствуя себя все более и более подавленным, Синявский заказал в номер бутылку водки, салат, который оказался тремя тоненькими колечками огурца и парой ломтиков помидора, накрытыми веточкой петрушки, и стал так, практически не закусывая, выпивать рюмку за рюмкой. Довольно скоро мужчина стал пьян и почувствовал некоторое облегчение. Со словами ругательств в адрес матери Виктор заснул прямо в кресле.

ГЛАВА 11

Гадалка не долго думая решила обосноваться на одной из скамеек городского парка, неподалеку от которого она в тот момент находилась. Терзаясь сомнениями, она решила, что лучшее сейчас — прокрутить все от самого начала и попытаться за что-нибудь уцепиться.

В парке было свежее, чем во всем городе, и думалось, и дышалось лучше. Здесь было тихо, и только многоголосый шелест пыльных дубовых листьев да детские голоса нарушали общее умиротворение.

Яна нашла уголок поудобнее и, купив, пачку апельсинового сока и потягивая его из тонкой полосатой трубочки, опустилась на скамейку. Она воспроизвела в сознании тот самый момент, когда Виктор первый раз пришел к ней и стала обмозговывать каждую последующую минуту своей жизни, неразрывно поневоле связанную с жизнью клиента.

В ее голове бежали минуты за минутами, часы за часами, пока она наконец, сама не ожидая того, громко не сказала: «Стоп!».

— Стоп! Стоп! Стоп! И еще раз стоп! — повторяла гадалка, взмахивая руками. — Те-ле-грам-ма, — выговорила она отчетливо. — Чем не предмет для размышлений?

Почему она до сих пор о ней не вспомнила, увлекшись другим? Почему не присмотрелась к этому факту, не проанализировала его, как следует? Гадалка ругала себя на чем свет стоит, расхаживая из стороны в сторону. Молодая пара, приютившаяся на скамейке неподалеку, с удивлением посмотрела на нее, а потом расхохоталась и решила убраться куда подальше. Но Яне сейчас было плевать на реакцию публики. Она замерла и еще раз в сознании прокрутила тот момент, когда Виктор сообщил ей об известии, полученном от жены.

— Нет, вы ничего не понимаете! — кричал он тогда. — Мне телеграмма пришла! От матери!

Яна вспомнила взбешенное лицо своего клиента, предчувствовавшего подвох в факте телеграммы. Но почему же и он не разу после того разговора не заставил ее подумать об этом? Хотя, конечно, в его состоянии...

Милославская тогда удивленно и растерянно пробормотала что-то ему в ответ, но Виктор не унимался и стоял на своем, ядовито процеживая слова. Он говорил, что жена там, на Севере, получила телеграмму от мамы, которая жива-здорова, что на телеграмме домашний адрес, а это никак не

может быть правдой. Ведь уже двое суток он живет в этом самом материнском доме.

Яна тоже что-то в тот миг почувствовала, но тогда она решила, что сначала должна осмотреть дом, а там нашлось то, что повело ее по-другому пути.

— Глупо! Как глупо! — простонала гадалка, закрыв лицо руками.

В тот же миг внутренний голос сказал ей, что найденное в доме она также не имела права оставить без внимания и все, что последовало дальше — тоже. «Всему свое время, — говорил этот голос, — и теперь время заняться этой телеграммой!» Милославская решила, что благоразумнее к этому голосу все-таки прислушаться. Она вытащила смятую, взятую у Виктора бумажку с данными телеграммы, внимательно посмотрела на нее и отправила назад в сумку.

Яна бросила в урну скомканную и давно опустевшую пачку от сока и зашагала к воротам парка. В эти минуты она не замечала ни белок, которыми обычно упоенно любовалась, ни божественно красивых лебедей на пруду — ничто тогда не казалось ей важнее и значительней телеграммы.

У обочины дороги возле парка стояло около десятка свободных такси. Яна села в ближайшее из них и помчалась к почтовому отделению, расположенному неподалеку от дома, бывшего дома Ольги Сергеевны. Именно оттуда, по ее мнению, подсказанному интуицией, должна была быть отправлена телеграмма. Где точно находилось почтовое отделение, гадалка не знала, но надеялась отыскать его известным способом. Язык до Киева доведет, как говорится.

Язык, как и предполагалось, не подвел, и вскоре гадалка стояла перед высоким крыльцом обшарпанного здания, пристроенного к фасаду кирпичной девятиэтажки. Сквозь двойные пыльные стекла, надежно скрывающие за собой внутренность помещения, отведенного под почту, все же виднелись пожухлые листья высокого китайского розана, которому в эмалированном металлическом баке было давно уже тесно.

Милославская вздохнула и неторопливо, хотя внутри у нее горело, стала подниматься по бетонным, с обкрошившимися краями ступенькам.

Она почему-то внутренне настроилась на серьезный и, возможно, не очень любезный разговор, поэтому, как только дверь распахнулась, лицо Яны приняло деловое и даже грубоватое выражение.

Однако, вопреки ожиданиям гадалки, в просторном зале с высокими потолками, полном людей, сразу на нее никто не обратил внимания. Работники продолжали заниматься своим делом — их клиенты своим.

Возле каждого из окошек с невысокими круглыми прорезями

образовалась очередь. Одно окно не работало. Милославская поначалу растерялась и не знала, как действовать. Несколько иной картины она ожидала: небольшой полупустой зал, где тоскливо ожидают посетителей два-три служащих, которые сразу обращают на входящего внимание и которым сразу и беспрепятственно можно задать вопросы. Яна даже представляла себе их кислые лица и лень в голосе при разговоре с ней, и предполагаемый отказ одной, самой недоброжелательной. Увы, суетливой кропотливой обстановки она не ожидала, и это поставило ее в несколько тупиковое положение.

Постояв немного в нерешительности, Милославская сделала уверенный вид и подошла к одному из окон. Стоящие в очереди к нему посмотрели на нее с непониманием.

— Мне только спросить, — улыбчиво пояснила она.

В ответ никто не выказал ей своей любезности. Очередь, особенно вблизи у окошка, стала сразу заметно более плотной. Просунуться сквозь нее было невозможно. Гадалка решила, что лучше не портить себе и окружающим настроение и встала в конец неровного извилистого хвоста человек в семь-восемь.

Когда перед Яной оставалось всего три человека, стеклянная заслонка в окошке безжалостно задвинулась, зато появилась табличка с жирно написанным словом «обед». Выжидающие своей минуты посетители, всего секунду назад надеявшиеся, что они до этого злополучного момента успеют, повозмущались-повозммущались, да и разошлись. Милославской такой поворот дела не нравился.

Она продолжала стоять у окна. В зале появилась грудастая дама в пышном рыжем парике со связкой ключей в руках.

— Девушка, — возмущенно обратилась она к гадалке, — у нас обед.

Яна заранее решила не уступать.

— Знаю, — ответила она, — но мне нужно кое-что у вас спросить. Тут такое странное дело... Мне пришла телеграмма...

— Да-а, дело на самом деле странное! — иронично протянула сотрудница, закатив глаза и хлопнув себя ладонями по бедрам, — Дело просто необыкновенное!

Дама вразвалку зашагала к двери, чтобы запереть ее, и на ходу бросила Милославской:

— Выходите.

— Подождите, — жестче произнесла Яна, — я немного не так выразилась. Дело вовсе не шуточное. Как вам это нравится: я получаю телеграмму от человека, который пропал без вести...

Дама часто заморгала, но ничего, как казалось, не поняла.

Гадалка отчетливее повторила ей сказанное, присовокупив:

— Самое интересное, что делом заинтересовывается милиция...

— Как вы говорите, — оживилась дама, — пропал без вести?

— Да пропал, и вести о нем пока нет.

— Хм, — женщина насупилась и замолчала.

— Предполагается, — продолжила Милославская, — что телеграмма была отправлена именно отсюда. Не мешало бы теперь установить, так ли это...

В этот момент она достала из сумки листок с кропотливо, до буквы воспроизведенной информацией о телеграмме и протянула его даме. Та хмуро все изучила и задумчиво заключила:

— Да, видимо, отправлено от нас.

Яна обрадовалась, что ее предположения оправдались.

— Могу я теперь с вашими коллегами поговорить? — спросила она с надеждой в глазах.

— На предмет чего? — с недоброжелательностью в голосе ответила ей дама.

— Ну, — гадалка поначалу оторопела, — на предмет того, кто отправлял телеграмму.

— Ха! — воскликнула ее собеседница, — И каким манером вы планируете это установить?

— Поспрашивать...

— Вы что, думаете, мы всех посетителей фотографируем, что ли?

Звучный голос дамы разносился по всему залу, и Яне казалось, что он придавливает ее. Собеседница гадалки вела себя слишком раскованно, а скорее просто откровенно фамильярно, и Милославская, обезоруженная этим, заметно спасовала. Даму же это только раззадоривало, и она чувствовала себя хозяйкой положения.

— Нет, я так не думаю, — рассеянно ответила Яна, но потом более собранно ответила: — Всякое бывает, порой ответы на вопросы дают сущие мелочи...

— Дело ваше, — на радость гадалки, пожав плечами, ответила дама. — Сейчас, подождите, — сказала она и пошла закрывать дверь.

Последняя фраза придавала Милославской большую уверенность, и она воспряла духом.

— Идемте, — проговорила сотрудница и повела гадалку «за кулисы».

За тонкой фанерной дверью находился длинный узкий коридор, усеянный в свою очередь еще рядом выкрашенных бледно-зеленой краской

дверей. Собеседница Яны распахнула одну из них. Вокруг небольшого стола, накрытого местами порезанной клеенкой, сидели и разговаривали пять женщин. Одна, суховатая, высокая, рыжая и вся покрытая конопущками разливала чай из белого электрического чайника.

За спиной Милославской звякнула связка ключей ее провожатой, и все оглянулись. Присутствие гадалки вызвало у них недоумение.

— Вот, — заметив выражение лиц своих коллег, несколько виновато произнесла дама, — сейчас вам зададут вопросы.

Лица присутствующих еще более вытянулись. Яна решила вмешаться и повторила то же, что она всего пару минут назад объясняла своей первой собеседнице.

Реакция на сказанное превзошла все ожидания Милославской. Сначала, как это почти всегда бывает, все ахнули: как же, человек пропал, а потом:

— А-а-а, да-да, — протянула одна из сотрудниц, еще более обернувшись к гадалке, — я даже помню, кто отправлял эту телеграмму.

— Помните? — беспомощно-радостно пробормотала Яна.

— Да, — выразительно протянула женщина.

— Елена Петровна у нас памятливая, — с доброй иронией протянула та, что разливала чай и присела на свободный стул.

— И кто же? — тихо спросила Милославская. — И как вам удалось этого человека запомнить? Ведь у вас тут далеко не самое тихое место.

— О-ой, там такой казус был, что я этот случай на всю жизнь запомню! Да и вы все поди-ка тоже...

— Ну вот, — обернувшись к даме в парике, радостно произнесла гадалка, — а вы говорили... Вовсе не обязательно кого-то фотографировать... Видите, как бывает.

Дама подняла брови и пожала плечами, в знак того, что Милославская и вправду оказалась права.

Яна с нетерпением ждала объяснений Елены Петровны.

— Народу в тот день у нас полно было, — начала она, — Беременная одна зашла. Ей тоже надо было телеграмму отправить, и она сразу к моему окну пристроилась.

— А-а-а, — припомнив, видно, рассказываемый случай, закивали остальные женщины.

— Хотели было люди ее вперед пропустить, — продолжала.

Елена Петровна, — а бабулька одна возмутилась: «Да от нее самогонкой тащит, гляньте-ка будущая мамаша! Как не стыдно! Зенки залила! О ребенке бы подумала, родишь ведь уroda какого-нибудь! Нечего

и пропускать таких. Она поздоровей нас будет!» Я так приподнялась немного из любопытства, глядь, а она и впрямь пьянь подзаборная: отекая вся, лицо, как кирпич, красное. Вздохнула, ну и дальше себе работаю. Та спорить ни с кем не стала пристроилась в конец очереди и стоит, а через пару минут: «Ох, ох, ох!» — за живот схватилась и к стенке. Чего, спрашивают. А она: «Рожаю!» У мужиков волосы дыбом. Кто посмеивается, а кто и как быть не знает.

Женщины за столом утвердительно закивали.

— А она сильней и сильней охает, тут уж мы все из окон выглядывать стали. Думаем, чего там такое. «Скорую, — говорит беременная, — а то сейчас тут рожу!» «Ну не сейчас, — говорит ей девушка, которая как раз телеграмму отправила, а сама нам, чтоб звонили, машет, — это только схватки. Я в этом толк знаю, успокойтесь». «Знаете-то знаете, — ответила роженица, — а мне видней. У меня пятые роды. Вылетит сейчас, как из бутылки». А сама охает, загибается, — Елена Петровна прихлебнула чаю.

— Народ вокруг нее собрался, больше из любопытства, чем из желания помочь. Тогда девушка та, которая «толк знает», к окну ближе подошла и говорит: «В какое-нибудь помещение ее перенесите, а то и в самом деле родит прямо в зале». Скорую я на тот момент вызвала, начальству сообщила по внутренней, и перенесли мы ее в кабинет к Вере Ивановне. Девушка с нами пошла, пульс проверила еще что-то там спрашивала у беременной, а потом исчезла как-то незаметно. Она эту вашу телеграмму и отправляла, только из-за того случая я ее текст и запомнила. Я еще сдачу ей впопыхах не вернула со ста рублей, думала, вернется, но нет, не пришла. А скорая тогда быстро приехала, увезли беременную, сказали с минуты на минуту родит.

Яна дослушала рассказ с чувством удовлетворения и настороженности одновременно. Кем могла быть та молодая девушка? Появился новый персонаж в этой истории, и это еще больше все запутывало. Необходимо было как можно скорее поговорить с Виктором, возможно, он мог высказать какие-то соображения начет той девицы. Однако важно было сейчас узнать, как выглядела девушка, и Яна попросила Елену.

Петровну как можно подробнее описать ее.

Женщина ничего не имела против и стала не спеша, размеренно воссоздавая в памяти черты незнакомки, называть их гадалке.

В тот момент, когда она дошла до описания глаз, Милославской пришла мысль, что поскольку облик может быть воссоздан так детально, не повредило бы составить фоторобот, который расследованию был бы куда более полезен, чем просто слова. Она довольно терпеливо дослушала

рассказ до конца, а потом, деловито вздохнув и как-то вмиг переменившись, заявила:

— Хорошо, что вы так хорошо запомнили ту девицу. Думаю, к вам вот-вот милиция нагрянет. Им такая информация очень нужна.

— Милиция? — вся сразу вытянувшись, ахнула Елена Петровна.

— Милиция, — кивнула гадалка. — А что вы удивляетесь? Дело-то очень серьезное.

Яна встала и, не попрощавшись, направилась к выходу. Она оставила своих слушательниц в полном недоумении и в следующую минуту уже не думала о них. Разыскать Семена Семеныча стало ее первой задачей.

ГЛАВА 12

По счастливому совпадению в двух шагах от почтового отделения Милославская обнаружила таксофон. В киоске «Роспечати» она купила таксокарту и принялась набирать знакомый номер. Около минуты из трубки тянулись длинные гудки, и Яна почти расстроилась. Однако неожиданно раздавшийся хриловатый голос Руденко заставил ее поверить в лучшее.

— Наконец-то! — обрадовавшись, неожиданно громко прокричала она.

Она коротко изложила приятелю суть дела. Тот, к счастью, хотя гадалка его и разбудила, а Три Семерки уснул прямо за рабочим столом, не стал препираться, а напротив, обрадовался, что Милославская так глубоко раскопала в этом деле. Час назад он получил приличную, надо сказать, заслуженную взбучку от начальства, и поэтому был рад хоть как-то отличиться.

Взволнованная, Яна стала ожидать приезда приятеля, которому она в двух словах описала предполагаемое место их встречи. Несколькими домами дальше почты находилось некое подобие парка: маленький фонтанчик, окруженный скамейками и пышно растущими кустами чайной розы. Тут Милославская и приютилась.

Семен Семеныч не заставил себя долго ждать и вскоре, довольный, появился перед гадалкой. Она повела его к зданию почты. Обеденный перерыв как раз заканчивался и около входа образовалась небольшая очередь. Три Семерки не растерялся и, показав удостоверение, встал первым, потянув за собой и.

Яну.

Дверь открыла все та же дама в парике. Она сразу узнала.

Милославскую. Вид серьезно хмурящегося милиционера заставил ее лживо и трусовато улыбнуться. Между тем маленькие глазки женщины бежали из стороны в сторону, и она не знала, как себя вести дальше.

Руденко уверенно ступил вперед, и дама невольно отстранилась. Очередь хотела было последовать за ним, но Семен Семеныч сделал предупреждающий знак рукой и захлопнул дверь прямо перед носом толстого солидного господина, которому происходящее, очевидно, нисколько не нравилось.

Яна указала приятелю на Елену Петровну, поливающую цветы в холле. Тот вразвалочку подошел к ней и предложил проехать в отделение.

— Я? Что? Почему? Да я ничего... — заохала она, разливая воду мимо горшка.

— Спокойно, — хмуро прервал ее Три Семерки, погладив ус.

— Пройдемте, машина ждет.

Елена Петровна умоляюще глянула на Яну, но та только кивнула в знак подтверждения слов Семена Семеныча.

Менее чем через полчаса дороги, полной причитаний и ругани самой себя, льющейся из уст Елены Петровны, все трое были в отделе. Руденко довольно быстро организовал все необходимое, и вскоре мучимая раскаянием в своей словоохотливости женщина уже давала показания.

Она, видимо, обладала отличной памятью и развитой речью, умением подбирать нужные слова, а потому на экране довольно быстро стал вырисовываться портрет, глядя на который Елена Петровна говорила, что он вполне узнаваемый.

Как ни странно, узнаваемым он начинал все больше и больше казаться и Милославской. Поначалу она подумала, что это только так кажется, но потом стала ворошить память, пытаясь вспомнить, где она могла видеть этого человека.

Через некоторое время фоторобот был отпечатан, и Милославская, взяв листок в руки, стала пристально его разглядывать.

— Неужели она? — вдруг в ужасе прошептала Яна, откинувшись на спинку стула.

Девушка, как две капли воды похожая на ту медсестру-массажистку, что уволилась с поликлиники и что произвела на гадалку столь приятное впечатление, улыбчиво смотрела на нее с пожелтевшего листка бумаги.

— Так вот почему она сказала, что «знает в этом толк»! — еле слышно пролепетала гадалка, вспомнив рассказ Елены Петровны. — Неужели она во всем этом замешана?

Гадалке очень не хотелось верить в неожиданную свою догадку. Незнакомка очаровала ее своей открытостью и радушием, и теперь никак не получалось увидеть в ней матерую преступницу. Милославская решила не останавливаться ни на каком выводе, а во всем как следует разобраться. Она даже не заметила, что Три Семерки вот уже несколько минут подряд обращается к ней с вопросами. Слова, произнесенные Яной вслух, взбудоражили его.

— Объясни наконец! Кто? Что? — почти кричал он.

Милославская в ответ только хлопала глазами. В эти мгновенья она в своих мыслях ушла слишком далеко от реальностей данной минуты. Поняв же, чего, собственно, хочет Руденко, она отправила в сумочку фоторобот,

предложила отпустить восвояси перепуганную Елену Петровну, а потом уже поговорить о деле.

Как только сотрудница почты скрылась за дверью, Милославская изложила Семену Семенычу все свои домыслы.

— Янка! — в состоянии какой-то эйфории завопил он. — Едем к ней! Сейчас же! Золото ты мое! — Три Семерки звонко чмокнул гадалку в правую щеку и потянул ее за руку.

— Подожди же! — сердито остановила она его. — Надо все продумать!

Руденко, вдруг охлажденный таким ответом, остановился и, немного помолчав, уже спокойно ответил:

— Ты права.

После этого приятели на полчаса уединились в милицейской столовой, где ели какую-то бурду, вкус которой, за увлеченной беседой, они, к счастью, не успели почувствовать.

Тем не менее, время неумолимо бежало вперед, и на «заседания» его не оставалось. Семен Семеныч шумно поднялся из-за стола и, выразительно утерев усы, кивнул гадалке на выход. Настроенная оптимистично, она с улыбкой последовала за своим единомышленником.

Многострадальная «шестерка» Руденко словно чувствовала настроение своих пассажиров: завелась сразу и безоговорочно и летела как ласточка. Правда, недолгие минуты пути все равно показались гадалке мучительно длинными.

Хорошо ли плохо ли, но приятели добрались до нужного адреса без происшествий и вскоре в предвкушении столь желанной развязки дела стояли перед дверью злополучной отправительницы телеграммы.

— Как ее звать-то? — высоко подняв брови и скривив рот, шепотом спросил Семен Семеныч, уже успев нажать на звонок.

— Лена, — торопливо ответила Милославская, — Елена Николаевна Щербатова.

В этот миг за дверью уже совсем близко слышались шаги. Три.

Семерки бойко подмигнул гадалке в знак солидарности. Она ответила едва заметной улыбкой.

Ключ поворачивался в скважине, и Яне становилось все тревожней и тревожней. Все вроде бы они с Семеном Семенычем продумали, однако успокоиться она не могла, хотя интуиция и подсказывала, что этот разговор должен закончиться успешно.

— Вы? — раздался удивленный возглас Елены, снова увидевшей перед собой Милославскую.

Еще более недоуменно она оглядела Три Семерки. На Елене был надет ситцевый, в белый горох передник, о который она после нескольких мгновений замешательства торопливо вытерла влажные руки, а затем с уже знакомым гадалке радушием произнесла:

— Заходите, заходите. Что же за порогом стоять? Проходите, — Милославская с Руденко одновременно перешагнули порог, с трудом протиснувшись в проход, — Что опять? Что-то случилось? Что-то выяснилось?

— Не спешите, — не отвечая любезностью на любезность, сухо сказал Семен Семеныч, — сейчас все узнаете.

Он снял фуражку и, окинув взглядом комнаты, просматривающиеся от порога, заявил:

— Пройдемте сюда.

Комната, приглянувшаяся Руденко была небольшой, но очень уютной и светлой, и Елена со своей открытой улыбкой очень с ней гармонировала.

Она сняла передник, повесила его на дверную ручку и как-то несмело, словно не была хозяйкой в этой квартире, присела на краешек стула и вопросительно посмотрела на гадалку. Поднять глаза на Руденко медсестра, казалось, боялась.

— Мы вот с вами говорили-говорили, — с некоторым укором начала Яна, как бы отвечая на взгляд хозяйки, — но оказалось, что кое-что вы от меня утаили.

— Что? — наивно хлопая глазами, пролепетала Елена и по-ангельски скрестила на коленях ладошки.

— Может быть, вы сами скажете, что именно — вмешался, кашлянув, Три Семерки, — Да, кстати, я не представился. Капитан милиции Семен Семеныч Руденко.

— Вижу, что капитан милиции, — снова расплывшись в добродушной улыбке протянула Лена.

— Хм, — усмехнулся Руденко, — И вас это не удивляет?

— Почему же не удивляет, — Елена замешкалась и опустила глаза, — я в недоумении.

— А мне показалось, вы как будто рады, — Семен Семеныч снова ядовито хихикнул, — Ну так вы не припомнили, о чем забыли замолвить словечко при разговоре с Яной Борисовной?

— Да я... Хм... Забыла? Кажется...

Щербатова не находила ответа на вопрос и выглядела настолько жалко, что Милославская прониклась к ней невольным сочувствием.

— Слово телеграмма вам ни о чем не говорит? — отчетливо

проговорила гадалка.

— Телеграмма? — торопливо заговорила Елена, заливаясь краской, — По-моему, это слово всем знакомо.

— Только и всего? — настойчиво спросил Семен Семеныч.

— Да. А что вы еще хотели услышать? — казалось, Щербатова переходила в наступление. Милославская никак не могла раскусить ее: и верила и нет одновременно.

— Хотя бы о том, как вы, неизвестно зачем, отправляли телеграмму от имени бесследно исчезнувшей Ольги Сергеевны, сообщая о ее вполне удовлетворительной жизни.

Елена вдруг резко закрыла лицо ладонями. Через пару секунд слышались тихие всхлипывания. Руденко с Милославской удивленно переглянулись и решили подождать, что будет дальше. Щербатова около минуты просидела в той же позе, потом утерла слезы и тихо, но с вызовом проговорила:

— Посылала я эту телеграмму, посылала. Что вы еще хотите?

— Объяснений, — спокойно парировала гадалка.

Лицо Елены вдруг снова приняло растерянное и незащитное выражение.

— Ольга Сергеевна, — стыдливо опустив глаза, заговорила она, — просила меня об этом, когда я еще ее обслуживала, в последние дни. Я в разговоре как-то обмолвилась, что хочу на почту зайти, узнать кое-что. Она и попросила. Говорит, отправь телеграмму, раз тебе по пути. Я согласилась, но обстоятельства изменились, и мне некогда было, и на почту я не пошла, а потом забыла о просьбе. А деньги-то вперед взяла! Потому и сходила, хотя и с опозданием. Совестно же...

Глаза Руденко и Милославской расширились от такого неожиданного ответа. Особенно была удивлена Яна. Она и огорчилась, и обрадовалась одновременно. С одной стороны, было досадно осознать, что пойманная уже рыбка оказалась обманым миражом. С другой стороны, она и сразу думала, что Елена совсем не похожа на преступницу, и приятно было получить подтверждение своим предположениям.

Три Семерки достал сигареты и закурил. Он сидел хмурый и ничего не говорил. Елена, часто дыша, смотрела на своих гостей, словно ища в их глазах поддержки. Внутреннее чутье, хотя многое ему сейчас противоречило, говорило гадалке, что не стоит показывать Щербатой своих чувств, а следует завершить разговор очень официально.

— Ну что ж, — ровно произнесла она, хотя ей это дорого стоило, — извините, что побеспокоили.

— Да я нет, ничего, — залепетала Елена.

— Работа у нас такая, — озлобленно произнес Руденко и тяжело поднялся со своего места.

Выпуская из ноздрей густые струи дыма, он широкими шагами зашагал к двери. Яна последовала за ним. Она кивком попрощалась с Щербатовой, лицо которой сияло чувством облегчения.

Выйдя на улицу, Семен Семеныч, не останавливаясь, перешел дорогу и направился к рассохшейся старой скамейке, приютившейся под кривой молодой березкой. Милославская ничего не спрашивала: знала, если Три Семерки молчит, его лучше не трогать: созревает для серьезного разговора.

Разместившись на скамейке, Руденко, затушил ботинком докуренную до самого фильтра сигарету и протяжно проговорил:

— Жаль, жаль, не ожидал я этого...

Следом Семен Семеныч поднял на Яну тоскливые глаза и без выражения ожидания ответа на вопрос, произнес:

— Почему так не везет-то? А? Яна Борисовна?

Гадалка в ответ промолчала. Она отчасти чувствовала то, же, что и приятель, но сознаваться ей в этом не хотелось, так как во что бы то ни стало, следовало идти вперед и только вперед, а минуты солидарного разочарования могли только затормозить процесс.

— Молчишь? — грустно улыбаясь, продолжал Три Семерки, — Знаю я, про что ты теперь думаешь. На карты, поди, свои надеешься.

Милославская удивленно посмотрела на него. Как раз об этом-то она и не успела подумать. Яна неожиданно для самой себя расплылась в широкой улыбке и одной рукой крепко обняла Семена Семеныча.

— Ты чего? — сердито спросил он.

В следующий миг Милославской захотелось поскорее от него избавиться. Словно угадывая ее мысли, Руденко, опустив голову и скрестив пальцы, безысходно проговорил:

— Надо ехать в отдел.

— Поезжай, — сдержанно поддержала Яна. — Там куча дел, как обычно. Бросишься в омут с головой и забудешь о нашей маленькой неприятности. Может, сообща там какую-нибудь идейку разработаете...

— Да, ребята у нас башковитые, — звонко хлопнув себя по бедрам, сказал Семен Семеныч и поднялся, — Потому, неверно, и по башке шеф так часто дает.

Милославская не смогла не улыбнуться в ответ. Три Семерки побрел к машине, на ходу обернувшись и бросив Яне:

— Вечером, может, загляну.

Гадалка в ответ кивнула и тихо пробормотала:
— Спасибо, Сема, за подсказку.

ГЛАВА 13

Милославская чувствовала себя полной для гадания сил и, как только Руденко скрылся из виду, достала карты. Она сразу решила, что выберет «Взгляд в будущее», одну из самых загадочных и необъяснимых карт. Таинственны были ее свойства и символы, нанесенные на ее поверхность гадалкой по велению свыше. На первом плане космического пространства изображалась Земля, у полюса которой расположился человеческий глаз, испускающий из черного зрачка мощный луч. Этот луч кружил в своем омуте человека так, как ему только хотелось, словно пылинку, словно беззащитное, слабое творение.

Милославская быстро смешала все остальные карты, оставив в центре скамейки только нужную. Затем она поднесла к карте кисть правой руки, задержав ее на некоторое время в воздухе, на расстоянии около десяти сантиметров от «Взгляда в будущее».

Гадалка огляделась: вокруг никого не было. Только скворцы весело щебетали, по-хозяйски разместившись на самой толстой ветке березы.

— У! — с улыбкой крикнула на них Яна, пытаясь спугнуть и боясь, что птицы будут отвлекать ее.

Но упрямые пичуги заголосили еще громче и дружнее, и в щебете их слышалось справедливое возмущение.

— Придется проявить волю, — самой себе сказала.

Милославская.

Она накрыла карту ладонью и сосредоточилась. Птичьи голоса, несмотря на все усилия воли, мешали ей, но желание изведать неизведанное и столь долгожданное было все же сильнее, поэтому Яна не думала сдаваться. Она концентрировала энергию снова и снова и вскоре почувствовала тепло, начавшее исходить от карты. Сначала оно было едва уловимым, но секунда за секундой росло, пока наконец Милославская не почувствовала себя погруженной в состояние приятной невесомости и оторванности от реальности.

Постепенно Яной и вовсе овладело ощущение монолитности ее руки и карты, она практически не ощущала магический картон под ладонью. Казалось, их единство — это какое-то теплое пятно, стремительно разрастающееся и засасывающее гадалку в бездну.

Яна была бодра, несмотря на то, что потерпела фиаско, и картина, вскоре явившаяся ей, получилась довольно отчетливой. Поначалу, правда,

сознание, как это часто бывает, путалось. Она не могла разобрать: из этого или потустороннего мира доносятся близкие голоса скворцов, более далекие — людей, там или здесь гудят двигатели транспорта. Однако вскоре все это уже не имело для гадалки смысла. Видение всецело поглотило ее.

Перед Яной вдруг замелькали длинные широкие темные коридоры. Пахло сыростью, как в погребе.

— Где я? — мысленно спрашивала себя гадалка, но ответа не было.

Вскоре к запаху сырости стали примешиваться и другие: пахло так, как пахнет в месте, где всегда скапливается много людей. Потом понесло чебуреками или чем-то вроде того.

— Рынок? — снова мысленно спрашивала себя Милославская, — Но почему так сыро?

И вообще она настроилась, если не получить ответ на самый важный теперь для нее вопрос, то по меньшей мере найти какую-то подсказку о местонахождении Синявской. В первую минуту, когда перед Яной возник темный коридор, она предположила, что перед ней место заточения Ольги Сергеевны, но теперь, откровенно говоря, женщина стала теряться в догадках.

Вокруг было прохладно, но душно. Однако через пару секунд картина стала меняться: Милославская толком ничего не видела, зато все наполнилось звуками и, скорее всего, многоголосым людским гомоном. Раздумывать над ним гадалке не пришлось: все стало более, чем отчетливым.

Перед Яной развернулся во всей красе самый что ни на есть обыкновенный подземный переход со своей людской толчеей, множеством ларьков, бомжами, беженцами и нищими, просящими милостыни. Яна, не видимая никому, витала из одной стороны в другую, осматривала каждый уголок этого перехода, каждое лицо, мелькавшее в толпе. Нет, она не могла понять, какое отношение все это могло иметь к исчезнувшей Ольге Сергеевне.

Видение постепенно стало угасать, а Милославская, конечно, ожидала от него большего.

Вскоре картина и вовсе неожиданно, почти мгновенно свернулась в какой-то непонятной формы клубок, маленький сгусток. Так сворачивается в шар испуганный ежик. Слышались потухающие постепенно звуки, вскоре начавшие походить на шипение закипающего чайника. Тепло, окутывающее гадалку, мощным энергетическим рывком вдруг покинуло ее тело, и она очнулась.

Чтобы во всем разобраться, Милославской требовалось восстановить необходимую для существования часть утраченных во время сеанса сил. Она не могла в эти минуты думать о деле. И если бы в этот момент кто-то ее спросил, о чем она размышляет, сидя вот так и глядя в одну точку перед собой, Яна вряд ли бы нашлась, что ответить. И не только любопытному прохожему, но и самой себе. В мышлении ее в эти первые после сеанса мгновения проносились какие-то отрывочные, бессмысленные, не взаимосвязанные между собой фразы и образы.

Скворцы по-прежнему щебетали, будто потешаясь над гадалкой, но повторить то угрожающее «У!», которым она уже однажды пыталась их утихомирить, Яна не находила сил. Приятный ветерок слегка обвеивал ей лицо. Шелест листьев создавал ощущение покоя и гармонии, и ни к чему, кроме него, Милославская старалась не прислушиваться. Береза, на неровный ствол которой Яна облокотилась, казалось, насыщала ее своей энергией, поэтому гадалка удивительно быстро стала ощущать прибывающие силы.

— Хорошо? — услышала она через некоторое время скрипучий старческий голос рядом с собой.

Милославская повернулась: рядом с ней примостился пожилой мужчина, весь пожелтевший, дряхлый, с большими висячими мешками под глазами. Он поправил свою сетчатую мятую шляпу и улыбнулся, совершенно сузив глаза.

Яна кивнула в ответ на его вопрос.

— Вот и я тут тоже всегда отдыхаю. Хорошо-о, — протянул старик и, облокотившись на палку с отделанным под малахит, немного стертым набалдашником, закрыл глаза.

От старика веяло умиротворением, спокойствием, и Яна, расплывшись в широкой улыбке, тоже закрыла глаза.

Неизвестно, сколько времени провела она так — на часы Милославская ни до ни после гадания не посмотрела — но когда гадалка открыла глаза, незнакомца рядом уже не было. «И как он, такой старый, неуклюжий, смог уйти незамеченным? — спросила она себя, — А может, он мне вообще приснился?» В ответ Яна рассмеялась сама над собой.

— Впрочем, не до шуток, — вслух заметила она в следующий миг и решила как следует осмыслить преподнесенное видением.

Она снова стала воспроизводить в памяти тот переход, все до мельчайших деталей. Пыталась подойти к возникающим вопросам с разных сторон, но более или менее жизнеспособные соображения возникали с трудом. Большая часть идей, приходивших Яне в голову, скоро

развенчивалась ей же самою, и она просто злилась, что тратит на них время.

В итоге мало удовлетворенная гадалка решила, что лучшее сейчас — ехать к тому месту, где находился этот переход. Секретом оно для не было, поскольку такая крупная подземка в городе имелась всего одна. Яна старалась внушить себе, что соображения, которые у нее в эти минуты возникли именно на месте, будут способны приобрести более логичное построение и вообще смысл.

Милославская огляделась. Вдалеке пестрела яркая вывеска какого-то кафе. Она напомнила Яне, что весьма неплохо было бы восстанавливать потерянные силы еще и калориями. Гадалка глянула на часы. Давно уже следовало перекусить, но до этого момента ей о пище даже подумать было некогда. Спугнув своим подъемом со скамейки нескольких скворцов, Милославская неспешно побрела вдоль по тротуару.

Подойдя поближе к кафе и оценив окружающую обстановку, она поняла, что заведение обслуживает несколько иной контингент, нежели тот к которому она привыкла. Замешкавшись на пару минут, Яна все же решила не предаваться мелочности и снобизму и смело шагнула через порог внутрь душного прокуренного зала. «Я их не знаю, они меня тоже», — сказала она себе и приблизилась к стойке бара.

В помещении не было окон, его освещали несколько засиженных мухами люстр, поэтому все выглядело довольно мрачно. Музыка гремела оглушительно, и посреди небольшой свободной от столов площадки во весь дух отплясывали что-то среднее между барыней и лезгинкой два пьяных кавказца.

От гриля пыхало жаром; сидящие за столиками курили; дышать тут было тяжело, и Милославская прониклась глубоким сомнением в том, что тут вообще можно отдохнуть. «Зря я сюда завернула», — пробормотала она себе под нос, но в следующий же миг над ней склонился высоченный, метров двух, официант и подобострастно спросил:

— Чего желаете?

Он смотрел так, что развернуться и уйти для человека воспитанного было очень трудно.

— Да перекусить, — неуверенно пробормотала Милославская.

— Отдельную комнату не желаете? — видимо, моментально оценив материальные возможности и настроение клиентки, промурлыкал официант.

— Ж-желаю, — удивленно ответила Яна, снизу вверх глядя на него.

— Пройдемте, — сказал парень и кивнул гадалке в сторону обитой

дерматинном черной двери.

Яна послушно пошла за ним. За дверью оказался небольшой коридорчик, довольно чистый и светлый. Из него выходили еще три двери. Официант достал из кармана небольшую связку ключей и отомкнул одну из дверей.

Гадалке было предложено пройти внутрь первой, и она осторожно ступила на что-то мягкое. Официант вперед протянул руку, и в комнате зажегся свет. Первым делом гадалка посмотрела себе под ноги. Внизу красовался густой узорчатый ковер. «Надо же», — подумала Милославская.

Стены этого небольшого, метров в восемь, помещения по цвету гармонировали с ковром. В углу стоял мягкий диванчик. Кругленький столик, накрытый полотняной белой скатеркой, был аккуратно сервирован необходимыми для любой трапезы приборами: пепельницей, салфеточницей, маленькими баночками со специями. Над диванчиком висел немного запыленный бра. Слышался негромкий шум работающего кондиционера.

— Какую музыку предпочитаете? — почтительно спросил официант.

— Классику, — ответила Яна.

— А насколько громко?

— О, не слишком. Пусть чуть играет.

Парень утвердительно кивнул в ответ, нажал на какую-то кнопку стоящего на подвесной полке музыкального центра и подал гадалке папку с меню. Сам встал рядом и принялся терпеливо ожидать ее выбора.

Яна немного растерялась. Она не ожидала, что в этом заведении меню может быть столь разнообразным.

— Что-нибудь посоветовать? — спросил ее парень.

— Да нет, — ответила гадалка, — я уже определилась. Филе лосося с соусом из шпината, вот этот салатик, — Яна пальцем указала на одну и строчек меню, — бутылочку минералки. Да, еще, пожалуйста, пудинг с малиной и миндалем.

Официант кивнул и вышел из комнаты. Милославская поудобнее расположилась на диванчике. Звуков громкой музыки, дребезжащей в большом зале, здесь не было слышно, только мелодия Бетховена тихонько лилась из круглых маленьких колонок. Было свежо и прохладно.

— Хорошо, — упоенно пробормотала гадалка, — даже удивительно.

Она на самом деле была изумлена, что кафе может совмещать в себе два столь разных уровня. Милославской было приятно осознавать, что все же удастся подкрепиться в такой прекрасной обстановке, и она вздохнула с чувством удовлетворения.

В минуты ожидания своего заказа она думала о последнем видении и снова пыталась разгадать его. «Может быть, — предполагала Яна, — в этом переходе я увижу Ольгу Сергеевну? Но почему же карты не подсказали мне этого? Ведь я рассмотрела там каждое лицо». В следующую секунду Милославская вдруг подумала, что она совсем не знает исчезнувшую женщину. Да, она видела ее фотографию. Но сколько лет прошло с того момента! Возможно, Ольга Сергеевна уже сильно переменилась. «Да-а, — мысленно протянула Яна, — надо будет проявить особую внимательность».

Вошел официант и вкатил невысокий столик, который ему, с его ростом, двигать было очень неловко. Он бросил на гадалку взгляд, полный извинения за свою неуклюжесть, и поднял салфетку, накрывающую то, что он принес. На маленькой тарелке был симметрично разложен нарезанный треугольниками белый хлеб, в центре стояло сверкающее блюдо, накрытое высокой округлой крышкой. Там, видимо, скрывался лосось. Салат был красиво украшен веточками укропа и петрушки. Минералку налили в высокий узкий графинчик, закрытый стеклянной крышкой. Это Милославской показалось смешным, и она улыбнулась. Пудинг, имеющий симпатичную форму, был обложен ягодами клубники, украшен миндалем и веточками мяты.

Официант аккуратно переставил все это на стол. Милославская поблагодарила его и, сказав, что ни в чем больше не нуждается, разрешила удалиться.

— Если что, зовите, — заметил парень, указав на маленькую черную кнопку, вмонтированную в стену неподалеку от стола, и скрылся.

— Мой поход в подземку должен закончиться удачно, если он так хорошо начинается, — вслух пробормотала Яна и, улыбаясь, приступила к трапезе.

ГЛАВА 14

Милославская в нерешительности замерла перед десятком бетонных ступенек, ведущих вниз, в подземный переход. Пьяный безногий бродяга, сидящий в метре от нее, удивленно смотрел на гадалку, думая, наверное, что она размышляет над тем, подать ему или не подать.

Но Яна думала совсем не об этом. «Неужели вот тут все и решится? — мысленно проговаривала она, — Неужели? Неужели?».

— Дорожку! — грубо окрикнул ее хрипловатый голос сзади.

Милославская обернулась и отодвинулась. Небритый плотный мужчина лет двадцати семи покатил вниз по ступенькам железную телегу, доверху нагруженную какими-то коробками. Телега подпрыгивала, и коробки тоже.

Яна неторопливо побрела вслед за ним. В самом начале перехода стоял небольшой ларек-чебуречная, где торговали и чебуреками, и гамбургерами, и шаурмой и горячими напитками. К нему выстроилась небольшая очередь. Милославская приостановилась и стала тщательно рассматривать всех, кто в ней стоял и продавца в том числе. Она была готова к тому, что в любой момент может произойти что-то необыкновенное, после чего все в расследовании станет ясным и прозрачным.

Однако чебуречная была самой обыкновенной и прозаичной. в ней шел повторяющийся день изо дня процесс приготовления и продажи типичной продукции. Люди за нехитрым товаром стояли тоже самые обыкновенные. Пузатый господин, который все время, хотя сзади его никто не подталкивал, жался к стоящей впереди него даме в облегающем сарафане. За господином стояла молодая женщина с трехлетним ребенком на руках, которую никто не думал пропускать вперед и которая оттого нервничала и срывалась на измученном малыше. Замыкали этот небольшой хвост два деловых молодых человека, бурно, громко и со вставкой горяченьких слов обсуждающих какое-то минувшее дело.

За стеклом работали две полные, красные от раскаленного работой грильниц, фритюрниц и прочего воздуха женщины, с пухлыми, лоснящимися от жира руками. Несмотря на свою видимую грузность, они работали суетливо и поспешно. Милославская немного постояла около и побрела дальше.

Она ненадолго остановилась около газетного киоска, стоящего вслед за чебуречной, порассматривала ассортимент, продавца и, не найдя ни в том,

ни в другом ничего криминального побрела дальше.

Лотки с бижутерией, дешевой косметикой, термосами, разнородными батарейками, аудио— и видеокассетами также не привлекли к себе внимание гадалки.

Милославская нашла свободное место между этими лотками и встала там, решив понаблюдать за движущейся мимо толпой. Она тщательно всматривалась в лица, невольно делала про себя разные замечания, вроде «Вот разъелась!», «Какие глаза выразительные», «В каком салоне она стрижется?», «Какой мужчина привлекательный», «Не брился неделю» и так далее.

Около часа простояла она так, и вскоре не принесшее никакого результата неблагоприятное занятие ей наскучило. Однако отказываться от своей затеи гадалка не торопилась. Она принялась прогуливаться по переходу из одного конца в другой и обратно.

Теперь внимание Милославской, независимо от ее желания, обращалось и на тех, кого она не любила рассматривать — просящих подаяния или просто валяющихся на полу, спящих, пьяных постоянных обитателей этого и других переходов, вокзалов.

Зрелищем это было не для слабонервных, и Яне не один раз пришлось беззлively поморщиться. Грязные, оборванные, с тупым безразличным выражением в глазах, многие из них иного чувства вызвать у Милославской просто не могли. С сочувствием она посмотрела на чумазого, возрастом не более двух лет ребенка, сидящего прямо на холодном невытом полу рядом со своей пьяной матерью; на безногого молодого парня, держащего перед собой замызганную табличку, повествующую о печальном итоге его службы в Чечне.

Милославская переводила взгляд с одного на другого и все более и более взволнованно спрашивала саму себя: «И что же? Зачем я тут?»

Вдруг одно из лиц заставило ее присмотреться к себе повнимательнее. Что-то в нем привлекало гадалку. Но что — она не могла так сразу ответить. Это была женщина, пожилая. Женщина сразу заметила, что Милославская изучает ее уж слишком старательно и, кажется, готова была ответить что-то не очень вежливое. Чтобы предупредить это, Яна достала из кошелька горстку мелочи и неторопливо положила ее в картонную коробку, стоящую в ногах у попрошайки.

— Благослови тебя Господь, — безэмоционально, словно робот, проговорила та в ответ заученную фразу.

В этот момент Милославская чуть не ахнула: ей показалось — нет, сразу она не посмела в это поверить — ей почудилось, что эта бродяга

очень похожа на ту женщину с фотографии на... Синявскую Ольгу Сергеевну. Но почему еще во время видения она не разглядела этого? Об этом гадалка сразу же себя спросила. «Здесь она вся грязная, немытая, измученная... И потом, она удивительно меняется, становится ужасно похожей на мать Виктора именно тогда, когда начинает говорить», — с ужасом подумала про себя Яна.

Она медленно попятилась от нищей назад, не сводя с нее глаз. С каждым мигмом она была все более и более уверенной в своем предположении — женщина похожа на Синявскую. У гадалки не хватало смелости сказать, что это Ольга Сергеевна, поэтому пока она настаивала только на схожести.

Милославская нечаянно наткнулась на одного из прохожих, потом развернулась и скорым шагом направилась к выходу.

На самой верхней ступеньке солнце ослепило ее, и гадалка на минуту остановилась. В висках у нее пульсировало. Чего-чего, а такого она никак не ожидала. «Что делать?» — спрашивала себя Милославская.

Она рванула вперед, туда, где находился ряд таксофонов.

Чтобы получить подтверждение своей мысли, гадалка решила позвонить и вызвать к себе Виктора. Лучше, чем он, доказать или опровергнуть Янино предположение, естественно, никто не мог.

Через справочную гадалка узнала номер гостиницы, созвонилась с портье и довольно быстро убедила его в необходимости позвать к телефону Синявского.

— Да, — хрипло ответил Виктор, очевидно, заспанный.

— Виктор, — стараясь говорить спокойно, начала Милославская, — это Яна Борисовна.

— А-а-а, — как показалось гадалке, равнодушно протянул он.

— Вам сейчас необходимо приехать по адресу, который я назову. Можете?

— Приехать? А что случилось? — оживился Синявский.

— Понимаете, — гадалка не знала, как начать, — тут я на одну женщину случайно наткнулась...

— Какую еще женщину? — Виктор сразу почуял неладное.

— В общем, нет смысла лукавить, — решительно произнесла Яна, — она очень похожа на вашу мать.

— Что-о?..

— Она очень похожа на вашу мать, — отчетливо проговорила гадалка.

— Мать... — еле слышно проговорил Синявский.

— В общем, — Яна слишком хорошо представляла себе состояние

клиента и не стала ожидать от него вразумительного ответа, — записывайте адрес.

Милославская немного помолчала.

— Пишете? — спросила она.

— Да! Да!

Гадалка назвала адрес и добавила:

— Выезжайте как можно быстрее. Жду вас у таксофонов.

Милославская повесила трубку и стала курить сигарету за сигаретой.

Виктор же еще несколько минут держал трубку в подвешенном состоянии. Он не слышал изумленных вопросов портье, не видел ничего перед собой. Только когда его потрясли за плечо и спросили: «Вам плохо?» — он очнулся, вышел из своего шокового состояния и, как сумасшедший, помчался к выходу, забыв, что выглядит не лучшим образом.

У входа в гостиницу он быстро поймал такси и, совершенно не помня, что кошелек остался в номере и ему нечем расплачиваться, велел водителю мчаться по названному гадалкой адресу.

Он не мог сидеть спокойно и то и дело поторапливал парня, которому, казалось, некуда было спешить: тот напевал себе под нос какую-то незамысловатую песню и покуривал, выпуская из-под усов кучерявую струйку дыма. Синявского это только раздражало.

— Ну что же вы? — сквозь зубы процедил он, когда такси резко притормозило на светофоре, — Могли бы проскочить!

— А штраф кто потом платить будет? — с непоколебимым спокойствием ответил парень.

— Да заплачу!.. — выкрикнул Виктор и осекся. Он стал ощупывать свои карманы, вспомнив, что выскочил так, как был, и надеясь найти в них хоть какую-то мелочь. — Черт! — с досадой протянул он и закрыл лицо ладонями.

— Ну вот и приехали, — вскоре объявил водитель, припарковывая машину поближе к тротуару, и прищурившись, посмотрел на счетчик.

Синявский же в этот момент взволнованно поглядывал за окно, отыскивая там Яну.

Милославская покуривая, нервно ходила из стороны в сторону и с надеждой посматривала на подъезжающие автомобили. Она сразу увидела Виктора и заспешила ему навстречу.

— Иденте! Скорее! — крикнула она, не дойдя до него нескольких метров.

Поддавшись ее и своему чувству, Синявский быстро отворил дверь и выскочил на улицу.

— Э!Э-э-э, — возмущенно закричал таксист, успев ухватить Яниного клиента за рукав, и потер перед его носом пальцами, требуя денег.

— Заплатите за меня, я верну, — поморщившись, бросил.

Синявский гадалке, не глядя на нее.

Милославская все поняла без объяснений и сунула водителю небрежно смятую купюру.

— Хм, — обиженно произнес тот и, видя, что с него не требуют сдачи, торопливо отъехал, пока пассажиры не передумали.

— Что? Что там? — сразу же накинулся Виктор на Яну.

— Идемте, — потянула она его к переходу. Но только они сделали три шага, остановила и, серьезно глядя в глаза, произнесла: — Только прошу: спокойно. Не испортите дела. Если сразу будете верены, что это она, то все тут же решится само собой. Если же будут сомнения — подморгни или кашляните на крайний случай. Выйдем и решим тогда, как быть. Договорились?

— Угу, — неохотно произнес Синявский.

Единомышленники в ногу зашагали вперед и вскоре уже торопливо спускались по ступеням.

— Вон! — указала Яна на показавшуюся ей подозрительной женщину.

Виктор неожиданно рванул вперед, не оглядываясь на гадалку. Он подлетел к попрошайке и резко притормозил возле.

Последняя просьба Яны и данное ей обещание в этот момент для него ничего не значили. Синявский прищурился и пристально стал изучать нищенку, которая как раз кого-то скупно благодарила за очередное подаяние.

Яна в страхе застыла на месте, видя, что Виктор в этот момент готов на все. Опустив сжатые в кулаке медяшки в коробку, женщина подняла на него глаза и пробормотала:

— Подай, сынок, на хлебушек.

Синявский вдруг резко наклонился к ней и, схватив за шиворот, одним легким движением приподнял с полу.

— Я те щас подам! Я те подам! — закричал он и потащил попрошайку на себя.

— Виктор! Виктор! — в ужасе завизжала Милославская.

Прохожие остановились и с любопытством стали наблюдать за происходящим. Коробка с деньгами перевернулась, и мелочь, хотя ее было не так много, шумно рассыпалась по полу.

— Боже мой! — прошептала гадалка, схватившись за голову.

Нищенка в ужасе заголосила. Крик ее был истошным, чем-то средним между визгом, хрипом и воем. Ее «коллеги» с тупым страхом в глазах

посмотрели на подругу по несчастью и в следующий миг торопливо стали собирать свои нехитрые пожитки.

Синявский поволок нищенку к выходу.

— Виктор! Виктор! — попыталась остановить его.

Милославская, но он только зло отмахнулся.

Яне пришлось бежать вслед за клиентом, который казалось, готов был на куски разорвать бедную старуху. Где-то в толпе мелькнула милицейская форма. Гадалка не знала, радоваться этому или ужасаться. С одной стороны — помощь, с другой — неизвестно, чем она могла обернуться для Синявского.

К счастью, выйдя из перехода, Виктор опустил свою «добычу» на землю и небрежно толкнул ее к стене.

— Ой! Ай! — вопила старуха, хватаясь то за один, то за другой бок.

— Заткнись! — процедил Синявский, зло свернув на нее глазами.

— Ой! — продолжала женщина, но уже тише.

— Замолкни, я сказал, — еще суровее повторил Синявский и замахнулся на старуху.

Она в страхе взметнула над собой руки и замолчала. Виктор перевел дыхание и запястьем утер пот со лба. Милославская стояла рядом и, запыхавшись, тяжело дышала. Прохожие старались обходить их стороной. Милиционеры, поравнявшиеся с ними, сделали то же самое.

— Ну? Что? — несмело произнесла Яна, умоляюще глядя на своего клиента.

— Что! — зло процедил он, — Не она это!

Яна удивленно расширила глаза. Она не знала, что сказать. «К чему тогда все это?» — хотелось ей спросить, но она молчала.

Виктор вдруг вытащил из кармана небольшую помятую фотографию и сунул ее в лицо женщине. Гадалка успела заметить на снимке изображение Ольги Сергеевны.

— Что скажешь? — ядовито протянул Синявский, глядя на перепуганную старуху.

Та подняла глаза на фотографию и через некоторое время, как-то заметно осмелев, отвернулась, бросив:

— Ничего!

— Ах ничего-о, — угрожающе протянул Синявский, и Яна снова испугалась за него. — А этого ты не видала? — закричал он и поднес прямо под нос своей собеседнице кулак, надо сказать, довольно внушительных размеров.

Милославская совершенно ничего не могла понять: то ли Синявский

узнал в этой женщине свою мать и таким образом пытался пристыдить ее за новый образ жизни, то ли он разглядел в этой, похожей на его мать женщине, виновницу всех его несчастий.

Так или иначе, времени на объяснения с клиентом у гадалки сейчас не было, и ей ничего не оставалось, кроме как стоять и наблюдать за развитием событий.

Увидев перед собой волосатый кулак, старуха подобрала ноги и затряслась, уткнувшись лицом в подол своей грязной одежды. При этом она продолжала хранить молчание.

— Да я тебя сейчас, — угрожающе завопил Синявский и за волосы приподнял голову старухи, — я тебя задушу!

— Да что же вы делаете! — гадалка бросилась на своего клиента, пытаясь отнять его руку от сальной нечесанной головы нищенки.

Со стороны все это выглядело смешно, но Милославской больше хотелось плакать.

— Ай! Пусти! — хрипела попрошайка.

— Я тебе пуцу! Я те пуцу-у, — злобно парировал Синявский, еще больнее накручивая волосы на кулак.

Прохожие посмеивались, глядя на это бесплатное представление. Старуха же, понимая, что у нее вряд ли найдутся заступники, завывала:

— Пусти, пусти! Говорить буду!

Виктор больнее натянул волосы, а потом отпустил их, потирая перетянутую руку. Попрошайка, всхлипывая, поглаживала голову, которой, судя по всему, пришлось несладко.

— Говори, говори, — кивая головой, протянул Виктор, — только смотри, не заговаривайся, а то ведь мне терять нечего: я тебя по стенке размажу. Убью и закопаю. Думаешь искать станут? Нет. Так что...

— Виктор, — с укором произнесла гадалка, но клиент даже не посмотрел на нее.

«Неужели он так может говорить со своей матерью, о которой совсем недавно столько переживал? — пронеслось в голове у Милославской. — Для чего я разыскивала ее? Чтобы он на моих глазах отправил ее в мир иной?»

— Ну, что скажешь? — кивнул Виктор на старуху.

— Скажу, не бей, — поправляя волосы, ответила та. — Убери карточку-то, видела уже, — отмахнулась она от фотографии.

— Как скажешь, — иронично приподняв брови, ответил Синявский и снул фотографию назад, в карман.

«И как только она там оказалась?» — подумала Яна, дивясь такому

счастливному стечению обстоятельств.

Женщина закашлялась. Синявский злился, думая, что она тянет время и испытывает его терпение. Однако, еще сквозь кашель, старуха заговорила. Услышав первую ее фразу, гадалка остолбенела от ужаса.

Как оказалось, это не была Синявская Ольга Сергеевна. Тихоновой Марией Егоровной звали нищенку. Однако, к истории исчезновения матери Виктора эта бродяга имела самое непосредственное отношение. Он словно предчувствовал это, выбивая из нее это неведомое ему признание.

ГЛАВА 15

В один из дней, как две капли воды похожих на этот, Мария Егоровна сидела на своем обыкновенном месте в переходе. Сидела себе, собирала милостыню. Мимо нее, как всегда, двигались туда-сюда массы людей. Большая часть проходили, не обращая на старуху никакого внимания, некоторые наклонялись и небрежно бросали в коробку мелочь, редкие — бумажные купюры.

Вдруг двое — мужчина и женщина тоже подошли к Марии.

Егоровне и тоже бросили ей монетки. Но они не уходили и молча пристально смотрели на нее, а потом шепотом стали переговариваться. Вдруг мужчина поманил попрошайку пальцем. Та несмело наклонилась к нему.

— Идем выйдем, — тихо предложил он.

В ответ Мария Егоровна только испуганно отстранилась.

— Идем, — настойчиво повторил тот и посмотрел так, что женщина предпочла подчиниться.

Она неторопливо собрала свои вещи и нехотя побрела за незнакомцами. Те не стали выходить на улицу, а остановили нищенку на ступенях.

— Заработать хочешь? — предложил мужчина.

— Кхе, — с иронией крикнула в ответ старуха. — А для чего же я тут сижу?

— А кроме этого хочешь заработать? Хорошо заработать, — с особым акцентом повторил незнакомец.

Мария Егоровна с опаской смотрела на своих собеседников, переводя взгляд с одного на другого. На шутников они не походили.

— Чего ты хочешь? — хрипло спросила она, глядя прямо в глаза мужчине.

— Я предлагаю тебе заработать. Сначала скажи — согласна?

— Я должна знать, что за работа.

— Накормлю, отмою и еще денег дам, — словно не слыша ее слов, продолжал незнакомец.

— Кем работать? — настойчиво повторила Мария Егоровна.

— Актрисой, — вступила в разговор подруга незнакомца и рассмеялась.

Мужчина сердито глянул на нее, после чего та сразу замолчала, а затем

обратился к нищенке:

— Да, тебе нужно будет сыграть одну роль.

Вслед за этими словами он назвал такую сумму, которой старуха в руках не держала уже долгие годы. Взвесив все за и против, она решила, что хуже ее жизнь быть уже не может и согласилась. Мужчина просил называть его Женей. Его подруга никак не представилась.

Бродягу посадили в машину и куда-то повезли. Многое передумала она за время короткой дороги. Сначала думала — похитили, везут продавать в рабство. Но потом в душе рассмеялась сама над собой. Какая уж из нее Изаура?! Два зуба, да и те гнилые, ноги еле передвигаются. В общем, никакой путной мысли в голову перепуганной попрошайке тогда не пришло.

Вскоре машина притормозила. Женя расстегнул свой кошелек. У Марии Егоровны заблестели глаза, когда она увидела, как туго он набит деньгами, а когда Женя вытащил из него три полтинника и протянул их старухе, у нее и вовсе затряслись руки.

— На, — сказал он. — Мы сейчас около бани для бомжей.

Вымоешься. Заплатишь им, они тебя постригут и оденут получше. Хорошее или нет, но чистое дадут, это точно. Твое барахло сожгут, и не вздумай его назад просить. Поняла?

Старуха кивнула в ответ. Ступив на порог бани и предъявив встретившим ее три полтинника, она впервые за долгие годы почувствовала себя человеком. С ней говорили на вы, ей предлагали свои услуги, она помылась как следует, оделась во все чистое. Это были поношенные широченные рейтузы, мужские носки и майка, тоже поношенные, но не рваные, длинное шелковое цветастое платье.

— Коротко не стригите меня, — заявила, сев в кресло цирюльника, старуха, — я в приличное место иду.

Волосы ей укоротили до плеч, дали даже посушить под феном. Вышла на улицу Мария Егоровна другим человеком. Даже воздух ей показался не таким, как раньше.

Машина ждала ее на прежнем месте, иначе бы старуха подумала, что все это ей снится.

— Раствором-то тебя обработали? — брезгливо спросил Женя, когда старуха снова села в автомобиль.

Мария Егоровна молча кивнула в ответ. Водитель наблюдал за происходящим с невероятным удивлением, но ничего не спрашивал. Ему, наверное, тоже хорошо заплатили.

Машина тронулась и опять покатила по улицам города. Судя по всему,

двигалась она к окраине. Это немного испугало бродягу, но она не показывала виду. Вскоре въехали во двор, окруженный четырьмя «сталинками».

Женя первым вышел из машины и позвал за собой Марию.

Егоровну. Все остальные остались внутри. Вдвоем они вошли в первый подъезд одного из домов и поднялись на второй этаж. Здесь было около пятнадцати комнат на одном длинном коридоре.

— Кухня общая, туалет общий, — тихо сказал Женя и указал в конец коридора.

Потом он отомкнул ключом одну из комнат и пригласил Марию Егоровну войти. Внутри стояла железная односпальная кровать, полированный стол, старенький низкий холодильник. Окна были завешены желтыми клетчатыми занавесками, на потолке — старый пластмассовый абажур, стены оклеены дешевыми обоями. Старухе этот маленький мир показался настоящим раем.

— Можешь здесь переночевать, — сказал Женя, — утром мы за тобой приедем. Выспись как следует.

Следом Женя открыл холодильник.

— Внутри достаточно продуктов для ужина и завтрака, — сказал он.

Старуха кивнула в ответ, с радостью согласившись с незнакомцем.

— Только не обожрись, ты нам завтра здоровая нужна.

Мария Егоровна снова кивнула, опять соглашаясь. Женя вышел, заперев ее на ключ. Оставшись одна, старуха несмело опустилась на постель и, закрыв глаза, не могла поверить, что это все именно с ней происходит. Немного отдохнув, она подошла к холодильнику и, забыв про все наказания, с жадностью накинулась на еду.

До утра она проспала. Проснувшись на рассвете и лежала, молча глядя в потолок и боясь верить, что такая жизнь сегодня же и закончится.

Через несколько часов пришел Женя. Принес новую одежду. Сказал, из «сэконд хэнда». Это было типичное бабское тряпье, но отглаженное, чистое. Выйти в нем в приличное место пожилой женщине было не стыдно, а Марии Егоровне и вовсе празднично. Она быстро переделалась, не стесняясь Жениного присутствия. Потом он поросил ее сесть. Сказал, будет вводить в курс дела. Расстегнул свой кошелек и достал пачку сторублевков. Потряс перед бродягой и тихо проговорил:

— Не подведешь — будет твое. Подведешь — убью.

Старуха испуганно закивала.

— Тебе надо сыграть роль одной женщины, — еще серьезней заговорил Женя. — Ты на нее очень похожа. Сейчас поедem к нотариусу.

Тебя зовут Синявская Ольга Сергеевна. Повтори!

— Синявская Ольга Сергеевна, — еле слышно повторила старуха.

— Ты продаешь дом. Поняла?

— Угу.

— Читай адрес, — Женя сунул старухе под нос свой блокнот, и она вслух прочитала написанный его рукой адрес. Потом он заставил ее пять раз повторить прочитанное.

Дальше показал образец подписи и заставил учиться так подписываться. Наука давалась нищенке с трудом, потому что она даже карандаша в руках давным-давно не держала. Однако страх быть тут же насмерть забитой и желание получить деньги все же делали свое дело. Женя кричал на нее и стучал кулаком по столу. Через пятнадцать минут тренировки подпись стала более или менее похожей.

— Скажешь руки дрожат, — хмуро велел Женя, угрожая постукивая указательным пальцем по краешку стола. — Теперь слушай. Дом у тебя, — Женя принялся описывать дом, который Марии Егоровне предстояло «продать». Потом он назвал ей кое-какие факты биографии Синявской и тоже заставил ее повторить их. Потом снова заставил повторить, только уже все вместе, все, что он ей только что говорил.

Старуха тихо бормотала все, что запомнила, изо всех сил напрягая свою старческую память. Воспроизвести мельчайшие детали ей удавалось с трудом, и она боязливо поглядывала на сердитого Женю, который то и дело на нее прикрикивал. Когда «урок» был более или менее выучен, мужчина сказал:

— Главное, лишнего не говори. Спросят — отвечай, нет — молчи. Где надо, подскажем.

«Будь что будет», — подумала про себя Мария Егоровна. На улице их ждала уже другая машина. Кроме водителя, в ней сидела «вчерашняя» девица. Когда Женя со старухой уселись на заднее сиденье, она тревожно спросила своего приятеля:

— Ну что?

— А, — произнес он, поморщившись, и махнул рукой.

— Женя! — с укором обратилась она к нему.

— Да нормально все, — огрызнулся он.

Машина тронулась. Ехали недолго. Покинув автомобиль, еще около двух кварталов прошли пешком. Мария Егоровна с трудом поспевала за торопливым шагом незнакомцев. Остановилась она около нотариальной конторы. Женя заставил старуху проглотить две таблетки пустырника, а потом потребовал повторить все, что они недавно выучили. Она

отрапортовала требуемое без запинок, и мужчина остался доволен.

— Пойдешь с ней, — кивнул он старухе на девушку, — если что, скажешь, что твоя сиделка. Поняла?

Мария Егоровна кивнула.

— Хотя нет, иди одна. Ты ее только до двери проводи, — сказал он подруге. — Стойте тут, я сейчас там все улажу.

Женя скрылся за дверью помещения. Через пять минут он появился снова и махнул рукой, подзывая старуху и девушку.

Он что-то шепнул своей приятельнице и приказал идти. Сам остался на улице.

Девушка взяла бродягу под руку и повела вверх по ступенькам.

— Таней будешь меня называть, если что, — тихо сказала она.

Вместе они дошли до кабинета нотариуса. Таня сунула.

Тихоновой какие-то бумаги, деньги и втокнула ее внутрь. Оказавшись одна, Мария Егоровна растерялась, но, к счастью, все прошло без заминок. Только вот с деньгами руки у нее тряслись сильно.

Документы были оформлены быстро. Тихонова подавала те, что Таня достала ей из своей сумочки; какие-то протягивала нотариус. Когда сказали, что нужно подписаться, Мария Егоровна, как и было велено, пролепетала:

— Только руки у меня дрожат... Старая стала... Суставы больные...

— Ничего, ничего, — дружелюбно ответила ей нотариус.

Закорючки у Марии Егоровны получились даже лучше, чем во время тренировки. Таня, потом увидев их, даже улыбнулась едва заметно.

На улице старуха подписывала еще что-то. Ездили и в другие места, там она тоже вынуждена была оставлять на неизвестных ей бумагах «свою» подпись. В общем, женщина делала все, что требовали Женя и Таня. Они были довольны ее смиренным поведением. Купили даже бутылку пива и гамбургер.

Через полдня суеты, между напарниками прозвучало:

— Дом продан, поздравляю!

Женя поймал машину. Сам с Марией Егоровной уселся сзади.

Таня разместилась впереди. Тихонова боялась и думать, куда теперь ее везут. Спросить не решалась, только по сторонам озиралась боязливо.

Вскоре она узнала местность — ее везли туда, откуда взяли: очертания перехода показались впереди.

— Ну что, — довольный, произнес Женя, — твоя функция выполнена.

Машина остановилась.

— Выходи, — сказал он.

— А как же деньги? — спросила старуха.

— Ах да, — Женя достал из кошелька пятьсот рублей и кинул их Тихоновой, вытолкнув ее из машины.

— А остальное? — выкрикнула она.

— А плата за еду, жилье и одежду? — Женя рассмеялся. — Бесплатный сыр только в мышеловке. Тебе и этого хватит.

Автомобиль уехал.

— Стой! Стой! — с досадой кричала Мария Егоровна, упав на землю и стуча по ней кулаками.

Прохожие обходили ее стороной. Больше ни Таню, ни Женю старуха не видела. А говорить о них никому не говорила, знала: такие и вправду убить могут. Пятьсот рублей спрятала и пошла снова милостыню собирать. А вечером напилась. Проснулась — денег нет. Так и закончилась ее актерская миссия. И воспоминания о ней не осталось. Разве только одежда из «секонд хэнда» да страх, что кто-то придет и с ней все же расправится.

Этот-то страх, видимо, и заставил ее теперь так быстро расколоться перед Синявским. Виктор с огромным трудом сдерживал себя в течение рассказа Тихоновой. Он то порывался вцепиться ей в горло, то с горящими гневом глазами начинал спрашивать о чем-то, то яростно сжимал кулаки — гадалке несколько раз приходилось останавливать его. Когда Тихонова закончила свое повествование, Синявский стоял бледный, как полотно и тупо смотрел в одну точку. Услышанное было для него шоком.

Нисколько не менее обескураженной чувствовала себя и Милославская. Она и сама не раз хотела остановить старуху, но одергивала себя, понимая, что может только помешать откровению разговорившейся бродяги: та испугается, замкнется, и поминай, как звали. Поэтому Яна терпеливо дослушала до конца. Первые минуты она словно потеряла дар речи и ничего не могла произнести.

Теперь было окончательно ясно — вся эта история исчезновения Ольги Сергеевны Синявской носит криминальный характер. А продажа ее дома и вовсе — настоящая афера. Самое страшное — теперь еще меньше, чем раньше, верилось, что несчастная женщина цела и невредима. Шансы на это, конечно, имелись, но все же гораздо более вероятной оставалась куда менее радужная перспектива развития событий.

Эти же соображения, видимо, захватили и Виктора.

— Боже! Боже мой! — еле слышно лепетал он, схватившись обеими руками за голову, — Бедная мать! В какие сети она попала!

Яна положила руку ему на плечо, пытаясь как-то успокоить, но Синявский, казалось, даже не замечал этого, будучи всецело поглощенным

своим горем. Он бормотал еще какие-то отрывочные фразы, не глядя ни на гадалку, ни на съезжившуюся и с ужасом ожидающую своей дальнейшей участи Тихонову.

Милославская понимала, что гнев Виктора в любую минуту может обрушиться на бедную старуху и потому немного заслонила ее собой. У гадалки в голове вертелось несколько вопросов, возникших по ходу рассказа Марии Егоровны, но она побаивалась их задать, боясь, что как только бродяга заговорит снова, Виктора она уже сдержать не сможет. Он, безусловно, понимал, что она ни в чем не виновата, но в сложившейся ситуации вряд ли мог руководствоваться здравым смыслом.

— Они... они, — неожиданно обратился Синявский к старухе, — они что-нибудь говорили о настоящей хозяйке дома?

Тихонова несмело покачала головой, глядя то на Яну, но на Виктора. Милославская решила воспользоваться минутой вновь установившегося контакта и, достав из сумочки небрежно свернутый фоторобот, разгладила его и поднесла прямо к лицу Тихоновой. Та часто заморгала, приглядываясь к портрету.

— Она? Знаете ее? — сердито произнесла гадалка.

Мария Егоровна молчала, начала покашливать, потом зачем-то озираться по сторонам. Синявский быстро смекнул, в чем дело, наклонился к старухе, грубо встряхнул ее, ухватив за шиворот, и сквозь зубы, негромко, но очень решительно, заговорил:

— А ну, говори, тварь такая, знаешь эту с-суку или нет?

Тихонова в испуге затрясла головой, завизжала, так что люди вокруг снова дружно посмотрели в их сторону.

— Пусти! Пусти! — верещала она своим осипшим голосом.

Синявский, видимо, сжимал ее ворот еще сильнее. Милославской почему-то не хотелось его останавливать.

— Пусти-и! — еще пронзительней завизжала она, — Она это, она! Танька!

— Та-анька? — ядовито переспросил Виктор, не ослабляя своей хватки, — Танька, говоришь?!

— Ай! Ай! Может, и не Танька! Черт ее знает, кто она! Так она велела называть себя!

Синявский отнял свою руку и еще более злобно посмотрел на старуху. У Милославской все внутри сжалось. Неужели Елена, показавшаяся ей такой симпатичной, так ловко провела ее? Неужели это очаровательное, милое, казалось, доброе и открытое создание всего лишь кровожадный хищник, хитрый, ловкий и расчетливый? Виновата ли Щербатова или этот

узел еще более более сложен?

Яна вдруг поняла, что время теперь становится особенно ценным. Если Щербатова виновна, то теперь, возможно, поняв, что пахнет жареным, она предпринимает какие-то активные меры, и медлить — значит, помогать ей в этом. Нет, во что бы то ни стало следовало отыскать ее.

Оставляя так вот Тихонову Милославской тоже казалось невозможным. Еще неизвестно, на самом ли деле в этой истории она сыграла именно такую роль. Даже если и такую, то преступники легко могли устранить ее как свидетельницу, поэтому бродягу необходимо было держать в поле зрения: как свидетель она была нужна и им с Виктором.

Яна поманила пальцем Синявского немного в сторону. Тот взглядом приказал Марии Егоровне оставаться на месте. Она похоже и не собралась его послушаться: сидела на земле и с досадой потирала ушибленное место.

— Ее нужно отправить на прежнее место, — шепотом сказала гадалка.

Синявский удивленно глядел на Милославскую.

— Вам хотя бы в ближайшее время надо оставаться поблизости: мало ли что, — продолжала она. — Я отправлюсь к той девице и постараюсь вывести ее на чистую воду.

— Вы? Одна? — с неподдельным изумлением произнес во весь голос Синявский.

— Одна? — повторила Яна. — Нет, пожалуй, лучше привлечь Руденко. Да, так будет надежней, — ответила она, скорее, самой себе.

Виктор, похоже, толком ничего не понял, но спорить он, как ни странно, не стал. Наклонившись к Тихоновой, он что-то негромко проговорил ей на ухо. Она стала подниматься.

— Не знаю, как сложатся обстоятельства, — сказала ему Яна. — Я или тут отыщу вас, или в гостинице. Ну, и вы мой номер тоже знаете. Не будем ничего загадывать. До встречи.

— Да-да, — согласился Синявский, — время не терпит. Поезжайте.

Гадалка кивнула в ответ и зашагала по тротуару в сторону места, где можно было поймать машину. Но сделав несколько шагов она остановилась, обернулась и с беспокойством стала наблюдать за удаляющимися в сторону перехода клиентом и бездомной старухой.

Только когда они скрылись из виду, она, почему-то тяжело вздохнув, подошла к обочине дороги и, махнув рукой, остановила машину.

ГЛАВА 16

— Ну, что у тебя на этот раз? — нахмурившись, но явно с удовольствием ожидая вестей от подруги, спросил Три.

Семерки и стал прикуривать сигарету.

Милославская рассказала ему все новости, не упуская подробностей. Семен Семеныч не мог слушать ее спокойно, расхаживал из стороны в сторону и то и дело восклицал:

— Да ты что?!.. Вот это да!.. Ничего себе!.. Вот это фокус!..

Он даже присвистнул пару раз. А в заключении важно произнес:

— М-да... Дело, кажется, близится к финалу. Молодец ты, а.

Яна Борисовна?!

Руденко подмигнул к подруге.

— Вот что, Семен Семеныч, — ответила ему гадалка, тоже закуривая — нет у нас времени на комплименты и любезности. Давай, запрягай свою родимую и трогай по знакомому уже адресу.

— Да-да, конечно, ты права, — торопливо забормотал Три Семерки, а потом вдруг, хлопнув себя по лбу, воскликнул: — Эх, е! Запрягай... Нельзя мне за руль-то, Яна Борисовна!

— Что, — с укором парировала гадалка, — опять коньячком пробавлялся? Эх, ты, работничек!

— Ну, ладно тебе, — вытянув губы прогудел Руденко, — сейчас что-нибудь придумаем.

Семен Семеныч скрылся за дверью.

— Что ты будешь делать! — сердито воскликнула гадалка, оставшись наедине сама с собой. — Вечно он! Тьфу ты, е мое!

И куда только начальство смотрит?!

Потом внутренний голос упрекнул Яну за сварливость, и она, стараясь успокоиться, замолчала. «Ну и что же, что Семен Семеныч не равнодушен к портвейну „Три Семерки“, — говорила она самой себе, — человек-то он хороший! Да мы с ним вместе горы свернем!»

В этот момент в дверях показался Руденко и радостно закричал:

— Яна! Щ-щас горы свернем!

Милославская, удивленная таким совпадением, улыбнулась.

— Нам такого водилу выделили! — подмаргивая, тише заговорил он, — А машина вообще шефа! — заключил Семен Семеныч, прикрывая рот ладонью, словно опасаясь, что его услышат.

— Да идем же скорее, — двинулась Милославская к выходу.

— Только вот беда, — остановил ее Три Семерки, — если вернемся с пустыми руками — не сносить мне головы. Так шеф сказал, — Руденко умоляюще посмотрел в глаза гадалке.

— Если бы твой шеф всегда выполнял свои обещания, от тебя давно бы уже остались рожки да ножки, идем! — серьезно отрезала гадалка и потянула приятеля за рукав.

— Подожди, — Руденко преградил ей путь, — скажи честно, как там эти, твои силы неземные, подсказывают, можно на удачу надеяться или нет?

— Можно! — гаркнула Милославская и первой зашагала по коридору.

На улице их ждала иномарка, в которую Семен Семеныч уселся с особой важностью. Он, чувствуя себя в роли руководителя, назвал шоферу адрес. Автомобиль неслышно зашуршал колесами по тротуару. Всю дорогу Три Семерки, будучи в приподнятом настроении, давал советы водителю относительно вождения машины. Тот молча все выслушивал, и Яне оставалось только удивляться его терпению. Самой ей в эти минуты хотелось как следует выругаться на приятеля и сказать, что думать сейчас надо совсем не об этом. Но Яна промолчала, не желая вступить в разговор с Щербатовой во взвинченном состоянии. Семен Семеныч под конец тоже замолк. Когда он выходил из иномарки, вид его многим мог внушить уважение.

Попросив водителя ждать столько, сколько понадобится, Яна и Три Семерки отправились, наконец, по названному адресу. Они молча вошли в подъезд, а когда остановились перед дверью Елены, Руденко сделал подруге знак, говорящий о том, что он все берет на себя. Милославская не стала спорить, хотя знала, что еще ни один этап дела, ведомого ею совместно с.

Три Семерки, не обходился без ее участия.

Руденко кивком велел Яне встать подальше, по правую сторону от двери, сам примостился по левую так, чтобы его не было видно в глазок, и нажал на кнопку звонка. Приятели ждали, затаив дыхание. Однако квартира безмолвствовала. Семен Семеныч приложил ухо к двери и еще раз нажал на звонок — тишина, ни шороха, ни звука в ответ не послышалось. Мухи назойливо жужжа, стукались о подъездное стекло — это, пожалуй, были единственные голоса этого дома. Казалось, приятели попали в какое-то сказочное сонное царство. Руденко еще два раза подряд нажал на звонок, но никто не отвечал. Когда он опустил руку, тоже самое сделала Милославская, но и ее попытка не увенчалась успехом.

— Может, она увидела нас в окно и не открывает? — шепнул Руденко, глядя на гадалку.

— Исключено, — тоже шепотом ответила она, — мы подъехали с той стороны, откуда вряд ли машину можно было видеть. К тому же водитель остановил прямо под деревом. Мы же с тобой сейчас прошли слишком близко к окнам.

Три Семерки, молча кивая, согласился.

Еще некоторое время приятели простояли так у двери, прислушиваясь к каждому звуку. Вскоре за соседней дверью послышались голоса и звон ключей. Руденко махнул головой, призывая подругу удалиться. Оба они быстро и почти бесшумно стали спускаться по ступенькам.

— Лучше не привлекать к себе внимание, — запыхавшись, говорил Семен Семеныч, когда они оказались на улице. — Сейчас увидят — мент и станут догадки строить, чего да как. А если знают, где она, еще возьмут да предупредят.

— А что, если и вправду знают... — задумчиво протянула гадалка.

Через пару секунд она выпалила:

— Семен Семеныч, ты и на самом деле привлекаешь внимание.

Ты ведь в форме. Дуй давай в машину!

— Что?

— Быстро и без вопросов!

Милославская практически затолкала своего единомышленника в иномарку, а сама снова направилась к подъезду. Вслед ей слышалось недовольное руденковское бурчание.

Только-только гадалка успела присесть на скамейку, как на пороге подъезда показались двое: мужчина и женщина. Судя по голосам, те самые, что недавно разговаривали за соседней с щербатовской дверью. Яна сразу встала и двинулась им навстречу.

— Здравствуйте, — с улыбкой произнесла она.

Те исподлобья глянули на нее, а потом в один голос, без особого радушия, ответили:

— Здравсьте.

Они приостановились и с недоверием стали осматривать гадалку с ног до головы. Она не дала им завершить этой процедуры и снова с улыбкой произнесла:

— Простите пожалуйста, а Лена Щербатова — ваша соседка?

— Допустим, и что? — после некоторого замешательства ответил ей мужчина со свойственной его возрасту предосторожностью.

— Да я подруга ее, — делая вид, что не замечает настроения своих

собеседников, с прежним радушием продолжала гадалка, — одноклассница. Мы столько лет не виделись! Приехала вот, а ее нет. Не знаете, где она?

— Нет, — сухо ответила женщина и, взяв за руку своего кавалера, деловито сказала: — Идем, Коля.

Коля подобрал повыше цветастую болоньевую авоську и послушно засеменял за женой.

— Спасибо, вы очень добрые, — вздохнув, пробормотала Мирославская им вслед и пошла к иномарке.

— Ну что, как они тебя? — посмеиваясь, спросил Руденко, который все видел из окна автомобиля.

— Не плюй в чужой колодец, сам в него попадешь, — парировала Яна и молча уселась на заднее сиденье.

— Ну что, какие предложения? — серьезно спросил ее Три.

Семерки.

— Ждать, что же еще, — пожимая плечами, ответила гадалка.

— До победного конца? — ухмыльнулся Руденко.

— Угу.

— Как скажешь, — Семен Семеныч сполз с сиденья пониже и, закрыв глаза, зевнул.

Мирославская знала, что как бы Семен Семеныч ни был недоволен случившейся неудачей и как бы ни выражал свое нежелание быть причастным к дальнейшим событиям, он не уснет. Она знала, что Три Семерки в этот момент очень переживает, хотя дышит ровно и даже посапывает. Поэтому Яна ничего не сказала в ответ на его довольно резкую выходку и стала внимательно следить за тем, что творилось за окном автомобиля.

Водитель, как оказалось, парень молчаливый и покладистый, видя, что у его новых временных руководителей с работой не очень клеится, тоже ничего не сказал, немного поглазел по сторонам, а потом решил последовать примеру Семена Семеныча: откинул немного спинку кресла, вытянул ноги, фуражку надвинул пониже и закрыл глаза.

Около получаса в кругу единомышленников царило молчание. На улице тоже ничего примечательного не происходило. Копошилась в песочнице, словно муравьи в своем муравейнике, малышня. Молодые мамы, сидя рядом со своими чадами на низких деревянных скамейках, за неимением других тем для разговора, мирно обсуждали местные новости — кто, с кем, когда, почему. Некоторое время назад они наверняка наперебой говорили между собой о детях: у кого как зубки режутся,

например; кто как ходить начал, кто какое первое слово сказал, кто что-нибудь такое необыкновенное выкинул. Теперь, похоже, подобная пища для беседы была исчерпана, и приходилось пробавляться всем, что подворачивалось под руку, а вернее, под язык.

Яна, конечно, не могла хорошо слышать их разговоров, она догадывалась обо всем по мимике и жестам, да и не за горами были те времена, когда Милославская сама являлась молодой мамой.

Старики, оккупировавшие, одну из скамеек, говорили почти о том же, о чем и молодежь, только помимо сплетен их еще очень остро интересовала политика и цены на ближайшем рынке. С особым сладострастием, как это ни странно, они обсуждали собственные болезни, и настоящим героем дня чувствовал себя тот, кому врач поставил более «крутой» диагноз. Разумеется, никто из них серьезно не был болен, иначе со стороны их пересуды да и они сами не выглядели бы так комично.

Милославская особо пристально следила за теми, кто покидал дом и входил в него. Она уже, к счастью, знала, как выглядит Елена Щербатова, и поэтому отчетливо представляла, кого ждет и кого ей глазами отыскивать среди немногочисленных прохожих.

За первые полчаса ожидания из дома вышла женщина лет тридцати с шестилетней девочкой, которая несла в руках активно подающего голос котенка. Потом показался на выходе одного из подъездов мужчина, создающий впечатление человека делового и очень занятого. Он сжимал под мышкой визитницу и в течение пятнадцати шагов, которые он сделал до машины, три раза посмотрел на часы. Еще смешной утиной походкой «проплыла» мимо полная дама бальзаковского возраста. Она не смотрела по сторонам и, казалось, упивалась своей величием, которую она видела во всем своем облике. Два парня, похоже, хорошо принявшие на грудь, тоже вышли из щербатовского дома. Они заспешили в направлении торгового ларька и вскоре вернулись оттуда, неся пакет, в котором что-то откровенно позвякивало.

Вошла же в дом одна женщина, с трудом волочившая две сумки, нагруженные продуктами, забежали двое мальчишек лет семи-восьми, а за ними собака, черный маленький пудель.

Минут через десять прохромал старик, которому на лавочке, вероятно, сидеть надоело. Потом молодая влюбленная парочка скрылась в щербатовском подъезде. Вот и все. Того, кого Яна ждала, не было.

— Ну что, все тихо? — из-под надвинутой на нос фуражки спросил Семен Семеныч.

— Тихо, — грустно вздохнув, ответила Милославская.

— Отдохни немного, расслабься, я подежурю, — предложил Руденко, приподнимаясь.

— Да я и не устала, — ответила гадалка и по-прежнему стала смотреть в окно.

— Скука! — позевывая, протянул Три Семерки и подперши голову рукой тоже безрадостно принялся наблюдать за происходящим на улице.

Со стороны водителя слышалось только посапывание.

— Сань, а Сань, — со смешком обратился к нему Руденко, — с шефом-то небось не больно поспишь?

Водитель не шелохнулся. Семен Семеныч легонько потряс его за плечо.

— Саня-а, — с притворной ласковостью протянул он и, когда Саня, вздрогнув, резко приподнялся, повторил свой прежний вопрос.

— А? — хлопая глазами произнес водитель.

Поняв, что ничего ужасного не произошло, он опять закрыл глаза, плюхнулся назад и причмокивая, протянул:

— Да-а-а, шеф с нами на х да на е разговаривает...

— Пацан отдохнет хоть, — посмеиваясь и глядя на гадалку, произнес Руденко.

— А если ему машина понадобится? — иронично прищурившись, спросила Яна.

— Материть меня будет на чем свет стоит, — печально вздохнув, ответил Три Семерки и выразительно икнул.

— А-а-а-а, — звучным смехом зашелся Саня, — похоже, уже материт.

Все трое дружно рассмеялись.

— Слушай, Сема, а ты что ему сказал, когда машину спрашивал? Неужели признался, что выпил? — обратилась к приятелю гадалка.

— Да ты что! Он бы меня тогда с потрохами сожрал!

— И все же?

— Лучше не спрашивай, — махнув рукой, ответил Семен Семеныч и снова расхохотался.

ГЛАВА 17

Давно уже стемнело. Все вокруг заполнил назойливый посвист сверчков и треньканье других насекомых. Подул прохладный ветерок, и стало прохладно. Горько пахло какой-то травой, а днем почему-то этот запах не ощущался. Небо казалось звездным, как никогда и любоваться им было одно удовольствие, если бы ничто не мешало этому.

Милославская, тесно скрестив на груди руки, поеживалась. Три Семерки и Саня молча курили. Они уже успели выспаться и в ближайшее уличное кафе наведались, перехватили по гамбургеру, колу принесли с собой в машину. У Яны же совершенно не было аппетита. Она очень переживала. Уже несколько часов дело не двигалось с места, а время тянулось очень медленно, казалось, целая неделя прошла.

Руденко с Милославской уже пытались рассуждать о том, куда могла запропасться Щербатова.

— Дело молодое, — посмеиваясь, поначалу заметил Три Семерки.

Следующие его предположения были уже не так оптимистичны.

— Спугнули мы ее, — мрачно произнесла гадалка, и Семен Семеныч с ней согласился.

— Какая глупая ошибка! — закрыв лицо руками, хрипло простонал он.

Тем не менее никто не предлагал покинуть место ожидания и разойтись по домам. В том числе и Саня, рабочее время которого давным-давно закончилось. Поведение нового «начальства» по сравнению с чутким руководством шефа, похоже, казалось ему раем земным. Он постепенно стал более открытым, общительным и даже шутил очень остро, в то время как в отделе за ним закрепилась кличка Бирюк.

— С кем поведешься-а, — грустно протянул в ответ на вопрос об этом Милославской.

Время шло, и настроение приятелей становилось все более мрачным. Видно было, что оба они почти совершенно разочарованы, но ни Яна, ни Семеныч вслух не решались заговорить об этом.

Улицу освещали несколько тусклых фонарей, и, хотя всех, кто проходил мимо, достаточно хорошо можно было рассмотреть, зрение, и так уставшее от наблюдения, настойчиво стало говорить о своей усталости. Семен Семеныч, конечно, поспал, да и Яна немного полежала с закрытыми глазами, но все же сосредоточенно заниматься одним и тем же — смотреть в одном направлении — становилось уже невыносимо.

— Шея ноет, — заметил в один из моментов Руденко, запустив руку под воротник и потирая ею уставшие позвонки.

— Пойди, разомнись немного, — предложила гадалка, — сейчас уже темно, вряд ли кто-то разглядит твои милицейские погоны. Здесь дерево вон какое, и свет от фонаря на нас почти не падает.

Три Семерки, побряхтывая, выбрался их машины и, отойдя немного в сторону, стал изображать нечто вроде гимнастики. Сама гадалка уже пару раз выходила на улицу, выкуривала сигарету и снова занимала свою наблюдательную позицию.

Руденко с трудом наклонился, дотронулся кончиками пальцев до носков своих пыльных ботинок а, потом, воздев руки к небу, простонал:

— Красота-то какая, а? Небо звездное...

Милославская и Саня машинально посмотрели из окон иномарки вверх.

— Ой! — вдруг громко воскликнула Милославская.

— Что? — в один голос воскликнули мужчины и удивленно посмотрели на нее.

— Там, кажется, свет.

Яна еле заметно кивнула на щербатовские окна. Действительно, в одном из окон что-то еле заметно засветлело. Казалось, дальнюю комнату освещал ночник, или вообще внутри кто-то ходил со свечой.

Руденко, открыв рот, медленно перевел свой взгляд на окна Елены.

— Так и есть... — завороченно прошептал он, а потом тем же голосом неуверенно обратился к подруге: — Просмотрели?

Милославская, полная невероятного недоумения, выразительно пожала плечами и замотала головой.

— Что же мы стоим? — все так же шепотом обратился к ней Семен Семеныч, не двигаясь при этом с места и не меняя своей прежней позы.

Выглядел он, надо сказать, довольно смешно: исходная позиция — ноги на ширине плеч, руки на поясе.

Гадалка, словно, очнувшись, осторожно приоткрыла дверь автомобиля и вышла на улицу. Она встряхнулась, чтобы немного расслабить затекшие мышцы. Семен Семеныч зачем-то сделал то же самое.

— Идем, — уверенно произнесла Яна.

— Идем, — вторил ей Руденко.

Гуськом — гадалка впереди, Три Семерки сзади — друзья направились к подъезду и вскоре скрылись в его темноте. Сане велели дожидаться их, а в случае непредвиденных событий действовать руководствуясь разумными, обдуманнными решениями.

Неторопливо, осторожно, стараясь не производить никаких громких звуков, приятели стали подыматься по лестнице. Руденко на случай непредсказуемого происшествия достал пистолет и держал его наготове.

Остановившись перед дверью, оба сначала отдышались, потом Семен Семеныч шепнул гадалке:

— Звони! Скажешь — соседка.

Яна, согласившись, кивнула и нажала на кнопку звонка. Почти сразу за дверью послышались неспешные шаги и хлопанье шлепанцев.

— Кто? — прозвучал вдруг из квартиры грубый мужской голос.

Руденко вопросительно глянул на Милославскую. Та высоко подняла брови и пожала плечами. Секунды шли. Семен Семеныч сморщился и замахал Яне рукой, приказывая отвечать на вопрос того, кто находился в квартире.

— Кто там? — повторил в этот миг мужчина.

— Соседка, — неестественно утончив голос, ответила гадалка.

Квартира ответила Милославской полной тишиной. И Яна, и

Семен Семеныч напряженно вслушивались в то, что происходило за дверью. Мужчина, который говорил с ними несколько мгновений назад, словно растворился.

Три Семерки хмуро поглядел на гадалку и кивнул на звонок.

Милославская поняла его жест и опять нажала на кнопку. На этот раз им вообще никто не ответил. Не советуясь с приятелем, Яна снова позвонила. Потом еще раз, и еще. Квартира безмолвствовала.

У Руденко, похоже, не выдержали нервы, он грозно ударил по двери кулаком и выкрикнул:

— Откройте, милиция!

Яна в ужасе прижала руки к груди и удрученно закачала головой.

После нескольких мгновений тишины, совершенно неожиданно для обоих приятелей, послышались щелчки открывающегося замка. Руденко сразу отшатнулся от двери, плотно прижался к стене и замер, крепко сжимая в полусогнутой руке пистолет. Милославская с замиранием сердца стала ожидать, когда перед ней распахнется дверь этой таинственной квартиры. Яне казалось, что в груди у нее стучит так сильно, что стук этот слышен на весь подъезд.

Раздался щелчок, потом еще один, третий. Вот, вот, прямо сейчас дверь откроется и перед гадалкой предстанет тот незнакомец, голос которого она недавно слышала. В сознании Милославской мгновенно нарисовался предполагаемый облик мужчины и даже его мимика и жесты, слова, которые, по мнению гадалки, он должен был произнести, увидев ее.

Замок замолчал. Дверь, однако, не открывалась. Миг, другой, третий — все оставалось по-прежнему. Нервы Милославской были на пределе, терпение тоже. Ничего не говоря Руденко, Яна, руководствуясь минутным чувством, решила действовать.

Она уперлась рукой в дверь и надавила на нее. Три Семерки сразу смекнул, что намеревается предпринять его подруга. Он вмиг отстранился от стены и встал рядом с гадалкой. Милославская надавила на дверь еще раз — созвучно ее ожиданию та, недовольно скрипнув, отворилась.

В прихожей горел свет, горел по-настоящему. Это было не то тусклое свечение, которое приятели видели с улицы. Яркая лампочка, немного спрятанная под хрустальными прозрачными висюльками маленькой люстры, упрямо освещала каждый угол первой в квартире комнаты.

Руденко и Милославская, сидевшие на улице в полутемноте и некоторое время находящиеся в подъезде почти в полном мраке, одновременно зажмурились, потом шагнули вперед и, щурясь, стали осматривать прихожую.

Неожиданно раздался звук ударившегося обо что-то твердое металлического предмета: что-то вылетело из темноты противоположной комнаты.

— Наза-а-т-т! — в бешенстве закричал Руденко и, в мгновение заслонив собой гадалку, рывком отбросил ее обратно в подъезд.

Благо дверь оставалась открытой. Яна, споткнувшись о порог, растянулась на выложенной плиткой площадке. Семен Семеныч тяжелым грузом навалился на нее сверху.

— Что? — с ужасом и возмущением произнесла Милославская.

Б-баба-ах! В квартире что-то рвануло так, что от последовавшего за взрывом лязга и грохота у гадалки заложило в ушах. Почувствовался незнакомый Яне запах, похожий на запах гари. Она приподняла голову: казалось, в дальней комнате что-то задымилось.

В этот момент Милославская, очевидно, по причине минутного шока, не заметила того хаоса, который вдруг образовался внутри помещения. Руденко, вероятно, лучше подруги понимая, что произошло, быстро поднялся на ноги и, снова перешагнув порог квартиры, осторожно, по стенке, стал пробираться в направлении той загадочной комнаты, откуда что-то вылетело.

Не успев еще толком сообразить, что к чему, но ведомая внутренним голосом, Яна тоже торопливо встала с пола и, прихрамывая, так как боль в ноге резко дала о себе знать, сделала несколько шагов за Семеном Семенычем.

Три Семерки, на мгновенье замерев и прижавшись к стене, вдруг резко выступил вперед и, вытянув вперед руки со сжатым в них пистолетом, закричал:

— Р-руки, свол-лочь!

Милославская тоже сделала шаг вслед за Руденко.

— А-а-а! — раздался в следующий миг одновременный возглас гадалки и Семена Семеныча.

В комнате, отброшенный к стене, лежал кровавый кусок того, что осталось от «сволочи».

— Боже! Боже! — зажмурившись, кричала Милославская.

— Е-о-о! — сжав зубы и брезгливо отвернувшись, процедил Три Семерки.

Тем не менее надо было действовать, пока на звуки взрыва народ не собрался, и Семен Семеныч хорошо понимал это. Он в два шага очутился у двери и с силой захлопнул ее.

— Телефон? — со злобой закричал он, озираясь по сторонам. — Здесь есть телефон?!

Руденко бросил взгляд на верх стены, где могли быть заметны проведенные телефонные провода и, заметив их, метнулся на кухню, куда они вели. Дрожащими руками Семен Семеныч стал набирать номер своего отдела, потом, нервно покусывая губы, дожидался ответа абонента.

— Капитан Руденко! — громко представился он, когда на том конце провода ему ответили. — Ребята, выезжайте! Срочно! Мама родная! Тут такое! Короче, бригада оперов, эксперты, ну, все, все, все тут нужны! А? Да, скорее! — Три Семерки схватил ртом воздух и торопливо назвал адрес Щербатовой.

Пока Семен Семеныч звонил, Милославская тоже не медлила. Взяв себя в руки, она мужественно подступила к комнате, где произошла трагедия и тщательно осмотрела ее, потом зачем-то стала пристально приглядываться к одной из стен прихожей, косяку и ощупывать его.

— О Господи, Господи, — бормотал Три Семерки, вытирая ладонью выступивший на лбу пот, — е-п-р-с-т! — скороговоркой проговорил он. — Кто бы знал?! Кто знал?!

Потом он вдруг обратил внимание на сидящую на корточках гадалку, как будто только что заметил ее присутствие.

— Ты чего там? — потирая усы, спросил он.

— Слушай, Сема, слушай внимательно, — тревожно проговорила Милославская, — кажется, я знаю, что тут произошло!

Три Семерки смотрел на Яну, непонимающе выпучив глаза.

— Кажется, — начала гадалка, — да, я почти в этом уверена, — продолжала она, снова присматриваясь к косяку, — этот герой, — Милославская кивнула на истекающий кровью труп, — бросил гаранту.

— Э-хе-хе-хе, — злобно засмеялся Руденко, — вот так открытие! Гранату, э-хе-хе-хе! А я и не догадался!

— Да подожди ты! — рассерженно воскликнула гадалка. — Я не об этом вовсе хочу!

Три Семерки недоверчиво глянул на подругу.

— Мужчина, похоже, держал гранату в левой руке, — взволнованно начала объяснять гадалка, сопровождая объяснение показательными жестами, то и дело кивая на то или иное в комнате, — он, наверное, второпях ее так схватил. Бросок левой рукой не получился, — Яна на мгновенье замолкла и глянула на Руденко.

Тот, казалось, начал слушать ее всерьез, понимая, что подруга говорит дело. Радуюсь этому, Милославская продолжила более уверенно:

— Граната попала в дверной косяк, — гадалка присела и указала Семену Семенычу на маленькую вмятину в дверной коробке: — Вот. Видишь это?

Тот хмуро кивнул.

— Граната по этой причине отскочила обратно! — довольная своими доводами, заключила Яна.

— И что же? — всерьез заинтересовавшись аргументами подруги, спросил Руденко.

— Мужчина схватил ее снова, но бросить второй раз, как видишь, не успел! Он взрывается он и погиб...

— Логи-ично... — протянул Три Семерки, покачивая головой. — Ну, Яна Борисовна, голова у тебя, как компьютер! Полностью согласен, полностью согласен, — пробормотал он, еще раз осматривая все то, на что указывала ему гадалка.

За дверью уже давно слышались громкие голоса поднятых на ноги соседей. Но приятелям было не до них. Вдруг настойчиво заголосил звонок.

— Кто там еще? — озлобленно пробормотал Семен Семеныч и направился к двери.

— А, ты, — облегченно произнес он, увидев за порогом водителя Саню.

— Что? — вопросительно воскликнул тот, испуганно вытаращив глаза. — Там стекла летели, осветилось все, бабы орут, — затараторил он, но Три Семерки перебил его.

— Все нормально, Саня, — устало произнес он, — иди в машину.

Только перепуганный водитель покинул квартиру, как в дверь снова позвонили. Из окна Семен Семеныч увидел знакомый милицейский транспорт. И он, и гадалка оба кинулись к двери. Яна быстрее Руденко зацепилась за дверную ручку и, немного нагнув ее вниз, потянула дверь на себя.

За порогом стоял старший уполномоченный, Ухов Михаил Владимирович, как он секундой позже представился. Из-за его спины выглядывало несколько любопытных соседских лиц.

— Ты что, один, — обратился Три Семерки к коллеге.

— Нет, ребята сейчас поднимутся, — ответил тот и перешагнул порог.

Он коротко поприветствовал гадалку, с которой был уже знаком, и серьезно спросил:

— Ну, что тут вас?

Милославская и Руденко как-то одновременно кивнули на злосчастную комнату. Реакция опера на увиденное была вполне предсказуемой, даже работая в милиции, к такому зрелищу привыкнуть весьма трудно.

Ухов присел на табурет и, закинув ногу на ногу, закурил.

— Вот так едрена мать! — покачивая головой, — протянул он.

В следующий миг в дверь снова позвонили. Пришли другие опера. в подъезде к тому времени столпилось еще больше любопытствующих.

— Товарищи, разойдитесь, все в порядке, — стараясь выглядеть убедительно, сказал всем Ухов.

— Какой в порядке! — накинулась на него пожилая дама в бигуди и длинной ситцевой ночной рубашке, — у меня стекла повывлетали!

Ухов не осмелился испытать на себе всплески ее дальнейших эмоций и захлопнул дверь прямо перед носом женщины.

Вновь прибывшие тоже ахнули при виде окровавленного трупа.

Один, самый молодой, кинулся к туалету: затошнило.

— Какие соображения? — сурово спросил Ухов Руденко.

Но Милославская не дала ему и рта раскрыть. Она махом выпалила все то, чем еще недавно поделилась с приятелем. Опера, переглянувшись, одобрительно закивали головами и по приказу Ухова начали тщательный осмотр комнаты. Как обычно, были соблюдены все формальности, каждый сотрудник делал свое дело. После осмотра опера выразили еще большую уверенность в солидарности с гадалкой. Наступило время приглашения понятых.

Руденко подошел к двери; наклонив голову, прислушался к шумному гомону за ней и, в конце концов открыв ее, взгляделся в обескураженные

лица собравшихся. Затем, почти мгновенно отыскав среди них внушающие большее доверие, произнес:

— Господа, пройдите, будете понятыми.

Была смелость в лицах выбранных мужчины и женщины, вероятно, супругов, вдруг сразу улетучилась. Они переглянулись. Семен Семеныч повторил свои слова. Пара несмело перешагнула порог квартиры.

Дабы не шокировать несчастных так сразу, опера решили сначала допросить их, что поручили Руденко, которого в бок подталкивала гадалка и который потому сам на это дело и вызвался. Ему, конечно, было понятно, что тайным двигателем допроса станет Яна Борисовна, однако Три Семерки сделал важный вид и пригласил понятых пройти на кухню, где в тот момент никого из оперов не было и где можно было относительно спокойно вести беседу.

— Пискунова Анастасия Викторовна, — нерешительно произнесла женщина, когда Яна попросила ее представиться.

— Сергей Николаевич Пискунов, — следовал ей мужчина, когда Милославская на него подняла глаза.

— Что вы можете сказать о личности мужчины, находившегося в этой квартире? — продолжала гадалка, а Семен Семеныч записывал.

— Но нас, кажется приглашали быть понятыми, — недовольно заметил Пискунов.

— Кажется, да, — ядовито ответил Руденко, — но по правилам вы должны сначала ответить на вопросы.

Лжесвидетельство карается законом, напоминаю. И если вы что-то знаете, но скроете...

Похоже, сказанное Семеном Семенычем подействовало.

— Мужчины? — сразу удивленно переспросила Анастасия Викторовна и посмотрела на своего мужа. Тут же, придя к кое-каким соображениям, она протянула: — А-а-а, так это, наверное, хозяин квартиры... А что произошло? С ним что-нибудь случилось?

— Хозяин квартиры? — изумилась гадалка, не отвечая на вопрос понятой.

— Что-о? — удивленно воскликнул Три Семерки.

— Да, наверное, он, — ответил, переменившись, Пискунов, — тут из мужчин, по-моему, только он появлялся. Высокий такой, чернявенький?

Милославская ничего не могла ответить насчет примет покойника, поскольку в ее сознании запечатлелось только большое красное пятно, поэтому она поспешила задать следующий вопрос:

— А как же девушка? Девушка разве тут не проживала? Щербатова

Елена Николаевна?

— Девушка? Елена? — оживилась Пискунова. — Так это сожительница его, поди.

— Стоп! Стоп! Стоп! — вступил в разговор Три Семерки. — Давайте все по порядку, а? Я вас спрашиваю — что вы можете сказать о личности хозяина квартиры. Пожалуйста, отвечайте, соблюдая логическую последовательность. От и до, все по порядку. Иначе в протоколе потом никто не разберется!

— Но что все-таки произошло? — с возмущением произнесла Анастасия Викторовна, поправляя полу своего халата.

— Давайте об этом после допроса? — сердито парировал.

Руденко.

— Думаю, произошедшее вас не обрадует, — вмешалась гадалка, — поэтому не спешите увидеть то, что находится в соседней комнате, — Яна многозначительно кивнула вправо.

Пискуновы невольно последовали за ней взглядом, и оба как-то съежились, наверное, попытавшись представить себе случившееся с их соседом и представляя себя на его месте.

— Итак, — поторопила их гадалка.

— То, что мы знаем, может быть, всего лишь сплетни, — краснея, начала Анастасия Викторовна, — по крайней мере об этом все говорят. А если честно, то еще я про это слышала от одной...

— Давайте не будем углубляться в этимологию сплетен, — поморщившись, заявила гадалка, поняв, что имеющаяся у Пискуновой информация почти стопроцентно достоверна, — рассказывайте.

— В начале девяностых этот человек...

— Кто он? Назовите имя, — перебил Три Семерки.

— Е... Евсеев, Илья, отчества не знаю, — заикнувшись, ответила женщина. Секундой позже она продолжала: — В начале девяностых он занялся пошивом обуви. Умел ориентироваться на моду и спрос, вообще, соображал в вопросах торговли, поэтому довольно быстро преуспел. Разбогател, то есть.

— Говорят, приобрел дом, машину, — вмешался Сергей Николаевич.

— Да, — подтвердила его супруга, — были и поездки на юг, за границу, бары, рестораны, казино, девочки. Но денег-то хотелось больше и больше. А для больших денег нужен большой бизнес. Ему раскрутиться захотелось, расширяться немного. Он вроде решил взять займы. Занял большие деньги, ну, так люди говорят, — замялась рассказчица.

— Дальше, дальше, — поторопила ее гадалка.

— Кредитовал он энную сумму, а тут товарищ его какой-то объявился. Упал в ноги к Илье.

— Говорит, выручай, брат, — продолжал уже Пискунов, видя, что жена слишком разволновалась, рассказывая, — а не то мне крышка. Попал я, говорит, на бабки. Крупно попал. Ну, а Евсеев, видно, тоже в долгу у него был. Тот и припомнил ему давнее. Распили они вместе бутылку-другую, и дал Илья ему займы большую часть из того, что сам занял. Тот благодарить стал, обещал золотые горы. Ну, договорились, они о сроке отдачи денег. Пришлось Евсееву попридержать пока свои идеи.

А тут как назло у него что-то не ладиться стало. А кредитор-то взял и смылся. Илье деньги взять негде, не то чтоб долг отдать, но и свои-то дела поправить. А проценты-то бегут. День-другой, и вообще без штанов остаться можно. Вовремя спохватился Евсеев. Решил нажитое продавать, чтоб скорей от долгового ярма избавиться. Ему уж угрожать тогда заимодавцы стали...

— Продал все, — продолжала Пискунова, — на оставшееся вот эту квартирку и купил. Стал жить намного скромнее...

— А Елена? — нетерпеливо спросила Милославская.

— С ней он позже уже снюхался, — махнув рукой, отвечала Анастасия Викторовна, — она, собственно говоря, тут и жила, а сам-то хозяин редко показывался.

— Чем же он занимался? — удивленно произнесла гадалка.

Оба Пискуновы пожали плечами.

— Понятно, — протянул Руденко, — об этом агентство «Одна баба сказала» не доложило.

— Напрасно иронизируете, — вздохнув, сказал Пискунов, — это не только бабы, это и мужики говорят. Жильцы в этих домах почти все старые. Получали квартиры, работая на одном предприятии. Поэтому к новичкам здесь всегда очень внимательно присматриваются: кто, откуда... А земля, она слухами полнится.

— Ясно, — вздохнув, произнес Руденко и закурил.

— Сейчас, — сказал он, когда кончик его сигареты заалел, — пройдем в соседнюю комнату. Предупреждаю — там труп.

— Ильи? — ужаснулись Пискуновы.

Три Семерки мрачно кивнул.

— Кошмар, какой кошмар! — воскликнула Анастасия Викторовна.

— Что с ним? Его убили? — взволнованно стал спрашивать Пискунов.

Семен Семеныч ничего не ответил.

— Пройдемте, — пригласил он супругов.

Не дойдя шага до входа в комнату, где лежал растерзанный взрывом Евсеев, Три Семерки остановился и, оглянувшись, тихо спросил у Сергея Николаевича:

— У вашей жены с сердцем все в порядке?

— Если вы переживаете о ее реакции на труп, — ответил тот, то напрасно — она в морге работает.

Руденко оглянулся на Милославскую и с улыбкой заметил:

— Кажется, я подходящих людей выбрал.

Потом он обратился к Пискунову, сдвинув брови:

— Кстати, а вы-то сами как?

— А я хирург, — копируя мимику Руденко, ответил тот.

Далее были выполнены все необходимые формальности, и Пискуновых отпустили, предупредив, что они еще могут понадобиться следствию.

Ожидая приезда еще кого-то, опера сели кружком на кухне и заговорили.

— Главное теперь, — заявил Ухов, — выяснить, откуда у него граната. Это, ребята, задача номер один.

Руденко с Милославской стояли в дверях.

— А нам надо первым делом Щербатову разыскать, — шепнула Яна приятелю.

Тот кивнул, давая знать, что полностью согласен. Беседа между операми пошла оживленнее и, чтобы не мешать, гадалка отозвала Три Семерки в сторону и тихо сказала:

— Ну что, давай приступать к поиску.

— Где же мы ее теперь среди ночи? — возразил тот.

— Так ведь не сирота же она казанская, небось и родственники есть у нее. Родители, — настаивала гадалка.

— Нет, я могу, конечно, выяснить ее родословную через свои каналы, — протянул Семен Семеныч, — только по ночам эти каналы, увы, не функционируют.

— Но попытаться-то можно?

— Можно, — Три Семерки пожал плечами.

— Я сейчас, — сказала ему гадалка, — ты иди пока мужиков послушай, может, чего дельного скажут.

Семен Семеныч улыбнулся, решив, что подруге просто требуется удалиться по нужде, но у Милославской большей нужды, чем раскрытие преступления не было, поэтому она кропотливо стала изучать каждый метр квартиры.

Поиски ее не успели еще принести своих плодов, как зазвонил телефон. Мужчины переглянулись. Руденко, почему-то на цыпочках, стал подбираться к телефону.

— Да, — ответил он.

— Илья? — зазвучал на том конце провода знакомый уже Семену Семенычу голос Щербатовой.

Милославская стояла вплотную к приятелю и отчетливо слышала его собеседницу.

— Да я, — ответил Руденко и повесил трубку.

— Звони скорей куда следует! — накинулась на него гадалка.

— А? Что? — не понял Семен Семеныч.

— Ну скорее же, нам номер, откуда звонили, определить нужно.

— Эх, е! — воскликнул Руденко, всплеснув руками, и последовал совету своей подруги.

— Да, да, ты права, — бормотал он, нажимая телефонные кнопки.

Опера все привстали, и, пока Три Семерки дожидался ответа абонента, Яна объясняла им, что к чему. Через пару минут все уже знали с какого телефона звонили в квартиру Евсеева, и по какому адресу этот телефон установлен.

— Едем! — воскликнула гадалка, горящими глазами глядя на Руденко.

— Едем! — ответил ей он, тоже охваченный рабочим азартом.

— Помощь нужна? — посмеиваясь, обратился к ним Ухов.

— Не, — на ходу отмахнулась гадалка, — сами справимся.

— Вы пока этого клиента, — Три Семерки кивнул в сторону злополучной комнаты, — определите. Да и формальности все заканчивайте.

Покинув квартиру, приятели стали торопливо спускаться вниз по ступенькам.

— Гони! — накинулись они на измученного неизвестностью Саню.

— Ага, — радостно ответил тот и, повернув ключи зажигания, резко нажал на газ.

— Куда? — спросил он, выворачивая из-за угла дома.

— Угол Тульской и Лесного тупика знаешь? — спросила Яна.

Саня кивнул.

— Вот туда и жми, — сказал Руденко, сдвигая на затылок фуражку.

— Я примерно представляю, где находится этот таксофон, — сказала Яна своему приятелю, — но ведь не будет же Щербатова стоять возле него все это время.

— Так или иначе, но далеко она тоже не успеет уйти, — ответил Семен Семеныч, — исследуем улицу во всех направлениях и обязательно ее

отыщем.

Милославская замолчала и стала напряженно вглядываться вдаль. До Тульской оставалось не более пяти минут езды.

— Послушай, Сема! — воскликнул вдруг она. — А ведь тут рядом кафе! Как думаешь, может Елена именно там и зависает?

— Это идея, конечно, но сначала мы все же должны осмотреть все вокруг, — радостно ответил Три Семерки.

Иномарка резко притормозила на углу Тульской и Лесного тупика. Возле них никого не было.

— Саня, поезжай прямо по этой улице, только не спеши, — приказал Руденко.

Саня двинул вперед. Тротуары вокруг пустовали, да и машин не было. Только вдалеке, на противоположной стороне, у кафе, было припарковано несколько автомобилей. Единомышленники проехали три квартала, но Щербатовой так и не встретили.

— Останови, Саня, — попросила гадалка, — дальше она все равно не могла успеть удалиться. — Разворачивай.

Руденко вопросительно посмотрел на гадалку.

— В кафе, — пояснила она ему и поджала губы.

— Почему ты так решила? — расстроено воскликнул Три Семерки. — Может, она она в одной из квартир этих домов, — Семен Семеныч жестом указал на ближайший микрорайон, — сама сказала: не сирота казанская.

— Ох, Сема, не люблю повторяться, — вздохнув и улыбнувшись, ответила Милославская, — но это все мой пресловутый внутренний голос. Саня, давай паркуйся поближе к кафе.

Саня послушно выполнил просьбу гадалки и, развернув автомобиль, поехал в обратную сторону.

— Давай по дворам, — предложила гадалка, — может она дворами идет.

Водитель исполнил и эту просьбу, свернул во двор первой многоэтажки и тихо поехал по узкой дорожке. Дома стояли далеко друг от друга, поэтому, следуя таким образом, можно было иметь достаточно хороший обзор. По другую сторону дороги располагался сквер, внутри которого находилось кафе, и площадь. На ней ночью человек был, как на ладони. Елены там не было — заметить это не Яне составило труда.

Безрезультатно прокатившись по дворам, Саня снова вывернул на дорогу и вскоре припарковал машину в десятке метров от того самого кафе.

— Ну что, мужчины? — весело произнесла Яна, приоткрывая дверцу

автомобиля, — Пожелайте мне удачи!

— Как?! Что?! — забормотал Руденко, совершенно не понимая, к чему клонит его подруга.

— Семен Семеныч, оставайся в машине. Так лучше. Да, и смотри по сторонам, — добавила гадалка, выйдя на улицу и оправляя смятую одежду, — возможно, что внутренний голос меня подведет и ты увидишь Щербатову где-нибудь в другой стороне. Смотри тогда, — Милославская шутливо пригрозила пальцем, — не упusti эту райскую птичку!

— Что ты?! Что ты выдумала-то? — закудахтал Три Семерки, но Яна уже удалялась в темноту сквера, не слушая его и звонко цокая каблучками.

Кафе находилось в невысоком каменном доме, окруженном молодыми липами. Тут можно было найти массу удовольствий, помимо еды и выпивки: бильярд, казино, кинозал, караоке и многое другое. Но не за развлечениями шла сюда Милославская. Поэтому, заплатив за вход, она прошла внутрь первого, главного зала, и скромно присела за крайний свободный столик. Возле нее, как из-под земли, сразу вырос официант. Дабы не привлекать к себе внимание, Яна приняла невинный вид и сделала самый посредственный заказ, какой в большинстве своем делали посетители этого заведения.

Когда официант удалился, гадалка принялась рассматривать тех, кто сидел за ближайшими столиками, а потом и за дальними. В зале царил полумрак; на невысокой сцене с трагическим лицом заканчивала какую-то грустную песню тощая, крашенная в ярко-рыжий цвет певичка. За ее спиной стояли возле музыкальных инструментов два длинноволосых здоровяка. Они томно закатывали глаза всякий раз, когда звезда этой сцены брала высокую ноту. Исполнение песни сопровождалось мельканием цветомузыки, поэтому пристального взгляда Милославской никто заметить не мог.

Яне при таком освещении трудно было как следует рассмотреть лица, поэтому она пыталась отыскать среди прочих знакомый женский силуэт. И — о чудо! — предчувствия не обманули ее. Сначала гадалка боялась поверить своей догадке. Девушка, похожая на Щербатову, сидела спиной к ней в самом начале зала, почти у сцены. Она потягивала из высокого бокала какой-то напиток, и, даже когда губы ее отнимались от тонкой трубочки, голова оставалась склоненной. но Яна чувствовала — это та, кого она ищет.

Однако Милославская решила соблюдать предосторожность и не торопилась накинуться на свою добычу. Около десяти минут она наблюдала за предполагаемой Еленой. В тот момент, когда гадалка была почти стопроцентно уверена, что перед ней Щербатова, к девушке с правой

стороны подошел официант, и она подняла на него свое лицо.

— Она! — горячо выпалила Яна.

Неимоверных усилий гадалке стоило дожидаться, когда этот гладко выбритый, терпко надушенный, с женскими манерами полумужчина уберется восвояси. Казалось, он раз и навсегда решил стать опекуном Щербатовой.

Но нет, разумное взяло верх, и, что-то записав в своей книжечке, молодой человек скрылся за дверью, ведущей в подсобное помещение.

Милославская сразу поднялась и уверенным шагом направилась в сторону Щербатовой. Буквально в полуметре от нее она приостановилась. Потом решительно опустила руку девушке на плечо. Та вздрогнула и резко обернулась.

— Спокойно! — твердо произнесла гадалка, наклонившись, и присела на соседний стул.

На стуле лежала сумочка Елены. «Наверное, его ждала, — подумала гадалка, — место заняла. Потому и звонила, что тот опаздывал к назначенному времени. Да-а, помешали мы горячей встрече. А он, — вдруг спросила себя Яна, — как он вообще оказался в квартире? Скорее всего, он был одним из тех прохожих, на кого мы даже не обратили внимания. Ведь мы ждали девицу! Прошел себе спокойно мимо и все... Что-то забрать хотел, наверное».

Милославская пододвинула свой стул поближе к Елене и, ядовито прищурившись, спросила:

— Ждете Илью?

Вокруг было темно, но Яне показалось, она заметила, как Щербатова побледнела. Во всяком случае Щербатова вытянулась, как струна, и, хлопая глазами, нервно заговорила:

— К-какой Илья? Н-не знаю никакого... Что вам надо? Почему вы меня преследуете?

— О-о-о... — покачивая головой и хитро прищелкивая языком, протянула гадалка, — А ваш поделщик очень легко признал вас своей напарницей в одном страшном деле.

Щербатова пододвинула свой бокал и стала большими глотками вбирать в себя его содержимое.

— Может, напомнить вам, как вы старушку уговорили? — напористо продолжала Милославская.

— Какую старушку?! Кого еще уговорили?! — закричала Елена, шумно встав со своего места.

— Тихо, тихо, ти-ихо, — издевательски ласково протянула гадалка, —

да-да, мне все известно. Илья сдал вас с потрохами. Как вы думаете я вас нашла?

Глаза Щербатовой, сверкающие в темноте, забегали. Она присела.

— Евсеев сейчас там, где ему полагается быть по закону, — сказала Яна, наклоняясь к своей собеседнице, — только очень скоро может стать, что он выйдет на свободу, потому что он невиновен — он ведь только свидетель — а вот вы, главный исполнитель, получите по заслугам...

— Что-о? Что? Я исполнитель? Ха-ха-ха-ха, — Елена закинула ногу на ногу и натужно засмеялась. — Хотите знать, как все было? — сквозь зубы спросила она, уставившись на гадалку.

— А зачем, по-вашему, я сюда пришла? — парировала Яна.

— В один из злополучных дней, когда все в моей жизни шло кувырком, — начала Щербатова, — я приняла от Ильи предложение заняться мошенничеством. Ему тогда тоже приходилось туго. А в этом деле одному трудно. Я согласилась, — Елена тяжело вздохнула.

Милославская протянула ей сигареты. Та отрицательно покачала головой и продолжала:

— Илья заплатил за курсы массажа, которые я прошла в течение недели.

— Быстро, — удивилась гадалка.

— Время поджимало. Он хорошо заплатил, все уладил, и фирма согласилась выдать мне корочки несмотря ни на что. Правда и учебой мне пришлось заниматься не по часу-два, как другим.

По полдня азы этой науки постигала.

— Понятно.

— Медицинское образование у меня было.

— А зачем вам понадобились эти курсы? — спросила гадалка.

Щербатова ничего не ответила. В этот момент к столику подошел официант. Он наклонился к Милославской и спросил:

— Простите, ваш заказ принести сюда?

— Оставьте там, — грубо ответила Яна и жестом велела официанту убираться.

Елена, не обращая на происходящее внимания, на прежней ноте говорила:

— Евсеев велел мне, используя навыки массажистки, втереться в доверие к одной старухе, — Щербатова осеклась и поправилась: — к Синявской.

— А почему именно такой способ? — поинтересовалась.

Милославская.

— Илья давно следил за ней. Узнал, что она ищет такие услуги. Тогда-то и курсы организовал, после — скоренько за взятку пристроил меня работать в то самое отделение, где вы справки обо мне навели. Там я и сама не оплошала, постаралась, чтоб в расписание на визиты к нужному человеку меня включили.

— А ради чего вы все это вообще делали? Почему вдруг пожилая женщина, пенсионерка, стала нужным человеком для преступников? — удивленно спросила Яна.

— Неласково вы о нас, ухмыльнувшись, произнесла Щербатова, — преступников, — повторила она пренебрежительным тоном.

— Зато откровенно, чего уж тут лукавить. Я привыкла называть вещи своими именами, — парировала гадалка.

— Вы наверное уже знаете, — решила все же объяснить девушка, — что дом старухи был оценен довольно дорого.

При этих словах внутри у Мирославской все сжалось — ведь она до сих пор ничего не знала о судьбе Ольги Сергеевны, и в глубине души гадалка все еще лелеяла надежду, что та цела и невредима. Однако Яна не стала торопить события и задавать преждевременные вопросы, боясь, что они могут стать препятствием для откровенности Щербатовой.

— К тому же, хорошенько поинтересовавшись биографией.

Синявской, — продолжала Елена, — Илья предположил, что в ее доме могут находиться кое-какие ценные вещишки. Думаю, он рассказал вам, в какую сумму на черном рынке оценили то, что я для него выкрала?

— Да, — сухо ответила Яна.

«Как же, — судорожно подумала она, — Виктор мог не заметить, — что в доме пропало что-то ценное?! Хотя, да... Ведь больше всего он переживал об исчезновении матери. Что могли в сравнении с ней значить какие-то безделушки, пусть даже и очень дорогостоящие».

— Кстати, — Щербатова ухмыльнулась, — Евсееву жалко было расставаться с той золотой пепельницей. Тонкая работа, и говорить нечего. Ольга Сергеевна пропажи не заметила, так как вещица у нее спрятана была хорошо, и надобности никакой в ней не возникало.

— А как же вы о ней узнали, если не секрет? — холодно спросила гадалка.

— Да она сама сболтнула как-то. Я сделала вид, что не придала этому рассказу никакого значения. Илье рассказала, а он — принеси. Я в отказ, но у него знаете, фигура не дура, да и кулак тоже не дурак. Что головой покачиваете? Да, в последнее время он со мной именно на таком языке и разговаривал.

— Тем не менее вы шли у него на поводу...

Щербатова ничего не сказала в ответ. Официант принес ей салат и водку. Салат она отодвинула в сторону, а вот рюмку водки выпила почти до дна, запив ее остатками сока.

— Ой, только не надо вот этих нравоучений! — протянула она, услышав последнюю Янину фразу. — Да и вообще, не подумайте, что мы злодеи какие, негодяи! Хотя Евсеев, похоже, такой и есть! Надо же, меня назвать главным исполнителем! — Елена зло ухмыльнулась.

— Да? — удивилась гадалка для большей убедительности, — А Илья сказал, что вы, именно вы, с самого начала задумали ужасное. Он вроде возражал, но вы...

— Вот сволочь! — сквозь зубы процедила Щербатова, с горечью улыбаясь. — Старуха жаловалась, что очень одинока. Я стала ее уговаривать продать жилье и переехать ко мне, якобы с тем условием, что деньги и вещи все будут мои, а я ей гарантирую полноценный уход, лечение, питание.

— Вы, наверное, и сбережения ее к рукам прибрали?

— На книжке у нее ничего не было. Что-то там такое у нее произошло, она говорила. Бабка даже займы хорошо взяла. Вещицы драгоценные ни за что продавать не хотела. Надеялась с пенсии или с помощью сына долг отдать, не знаю.

Елена на минуту замолчала, потому что возле столика зачем-то остановился солидный толстый мужчина. Постояв немного и поискав кого-то глазами, он пошел дальше, а она продолжала:

— Так осторожная бабуля заупрямилась. Сначала вроде решилась, а потом заявила, что оформлять сделку будет только через нотариуса с выполнением всех формальностей, гарантирующих ей ее права.

— И тогда вы решили, что старуха отжила свое... — печально заключила гадалка.

— Я хотела уйти с арены, — возразила Щербатова, — но илья пригрозил мне расправой. Он понял, что Синявскую не кинуть и решил...

— Ее убить, — помогла Милославская, — называйте вещи своими именами.

— Да, — с какой-то холодностью и безразличием произнесла Щербатова, — вместо массажа в один прекрасный день Ольга Сергеевна получила pistolетную пулю.

Яне едва удалось взять себя в руки и сдержаться. Несмотря на то, что творилось у нее внутри, она с прежним спокойствием проговорила:

— Стреляли вы?

— Неужели этот подонок и на этом настаивает? — скривив рот, проговорила Елена. — Что вы? Я даже пистолет ни разу в руках не держала. Я незаметно провела Илью в дом. Он спрятался на веранде, а когда я начала делать массаж, неслышно вошел и...

— Подойдя ближе, выстрелил...

— Труп ночью закопали во дворе, под деревом. Незадолго до этого Илья случайно встретил бомжиху, похожую на убитую. Это и решило нашу проблему. Тогда у него и замысел этот возник, убить бабку.

Щербатова продолжала свой рассказ, но Яна ее уже не слушала. Продолжение этой истории она уже знала. Гадалка с ужасом думала о том, как она сообщит страшную весть Виктору.

— Чтобы сын не переживал о матери, я отправила ему ту телеграмму, — донеслось до Милославской, словно откуда-то издалека.

— Яна Борисовна, — вдруг окликнул кто-то гадалку.

Яна обернулась. Руденко перепуганными глазами смотрел на нее.

— Все в порядке? — радостно воскликнул он. — Слава богу! А я-то уж думал! Нет тебя и нет... — он перевел взгляд на Щербатову: — Что, птичка, ваша песенка спета?

Милославская вытащила из сумочки диктофон, который предусмотрительно носила с собой и который в нужный момент включила.

— Держи, товарищ капитан, а то птичка в клетке может и не запеть... Сам знаешь, такое бывает.

Щербатова уронила голову на стол и закрылась руками.

* * *

— Ну все, Яна Борисовна, теперь мы в расчете, — стоя у входа в аэропорт, печально произнес Синявский.

— Я с радостью бы отказалась от этих денег, ведь конец у истории печальный, — сказала ему Милославская, — но, увы, я тоже должна на что-то существовать...

— Даже не думайте об этом! — возразил Виктор. — Вы свою миссию выполнили профессионально. А вот я со своей немного опоздал, — Синявский зажмурил глаза и прикрыл их ладонью. — Прости, мама, — с несколькими придыханиями произнес он сквозь зубы.

Милославская развернулась и тихо побрела по тротуару. Джемма преданно следовала за ней, важно повливая хвостом. Казалось, она все понимает и гордится своей хозяйкой.